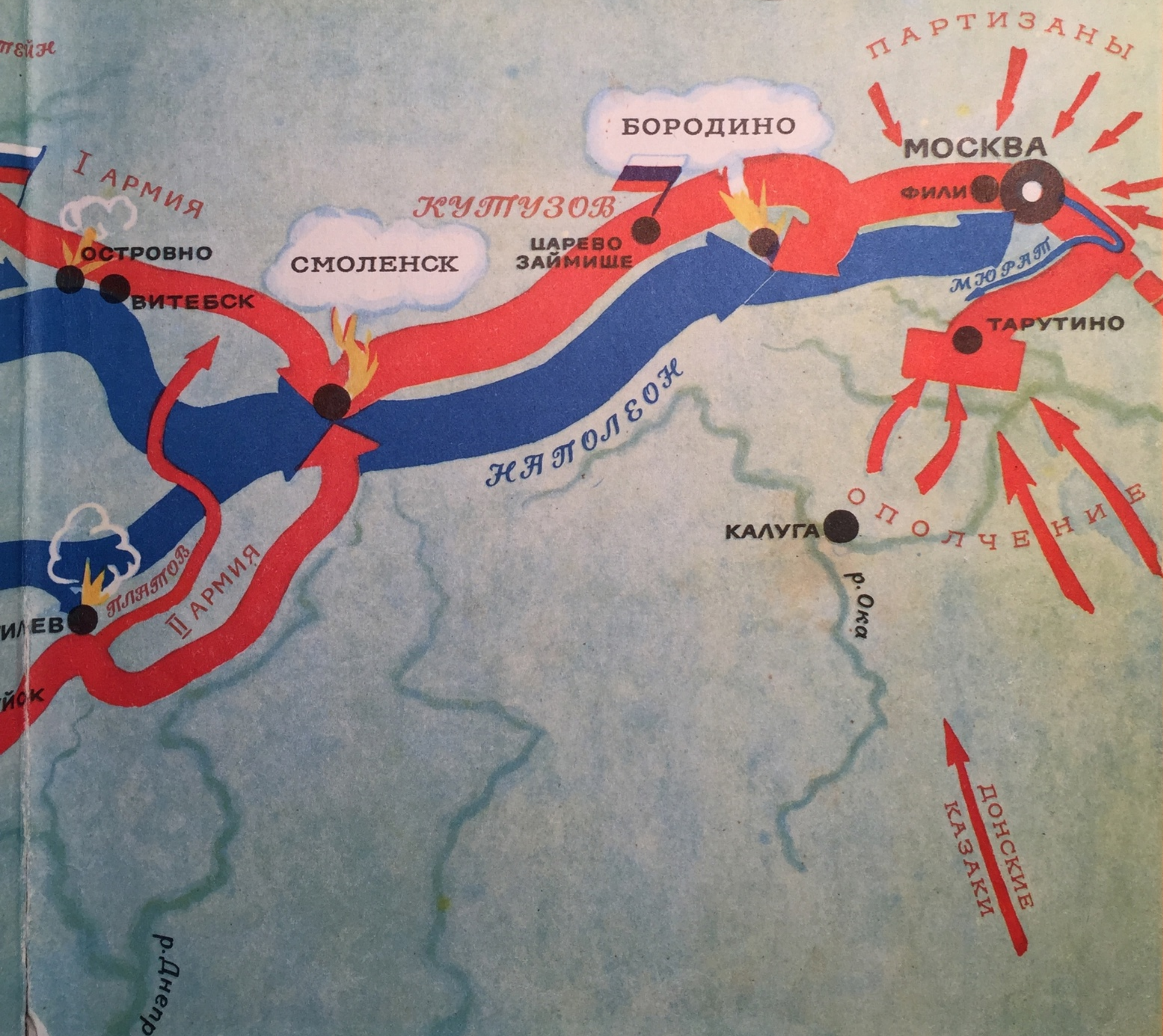

ВТОРЖЕНИЕ НАПОЛЕОНА В РОССИЮ

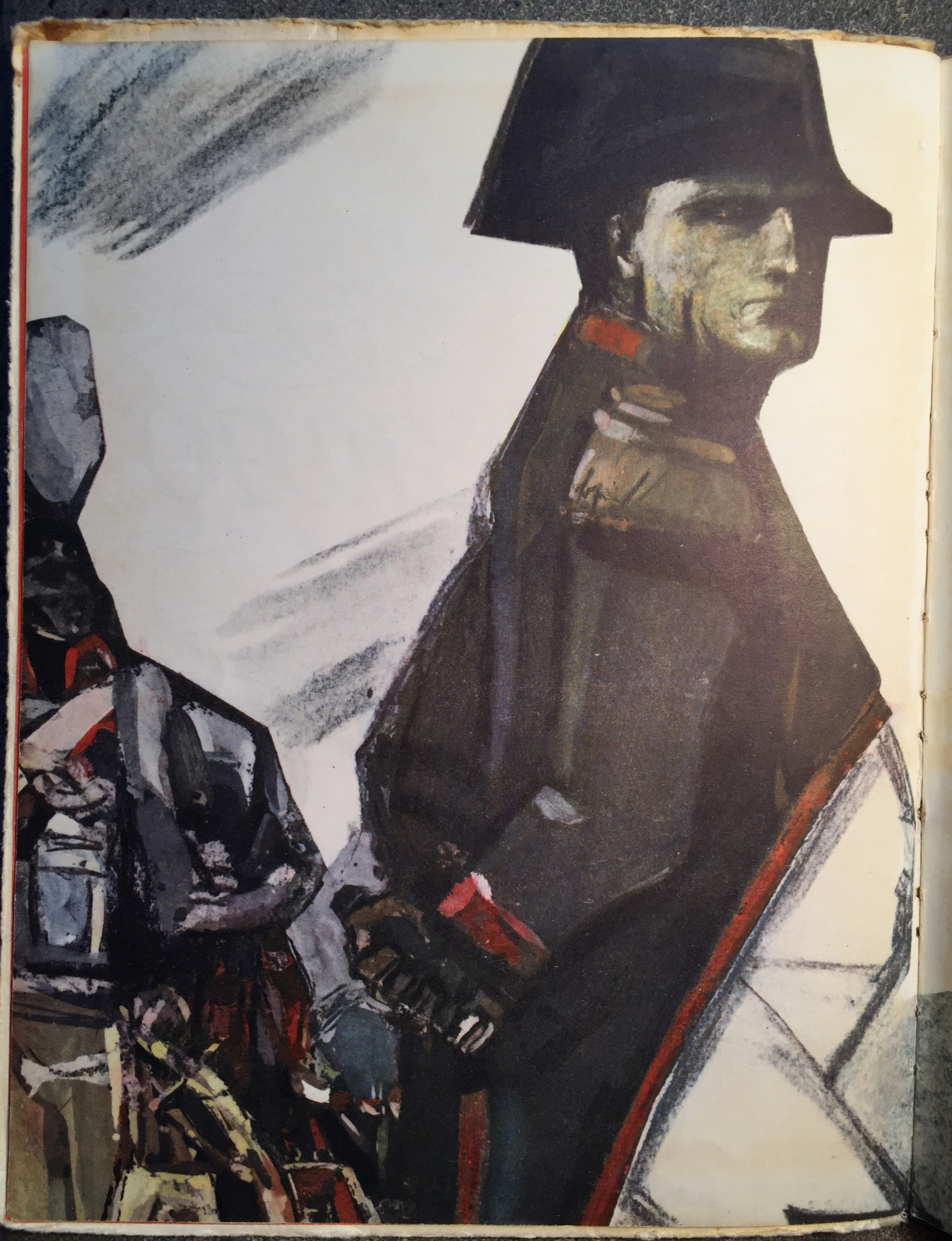

МИХАИЛ БРАГИН

Художник
Л. Бунинъ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МАЛЫШ“
МОСКВА • 1972

ОПАСНОЕ НАШЕСТВИЕ ВРАГА ГРОЗИЛО НАШЕЙ РОДИНЕ

ЭТО было в тысяча восемьсот двенадцатом году. На Россию шла войной Великая французская армия под командованием императора Франции Наполеона Бонапарта.

Наполеон хотел покорить Россию и поработить ее народ.

Так уж было издавна устроено во всем мире, что императоры, короли, помещики, буржуазия угнетали народы своих стран и стремились захватить другие государства, стремились всюду господствовать.

Наполеон подавил трудящихся Франции, подчинил себе почти всю Европу и решил стать императором всего мира.

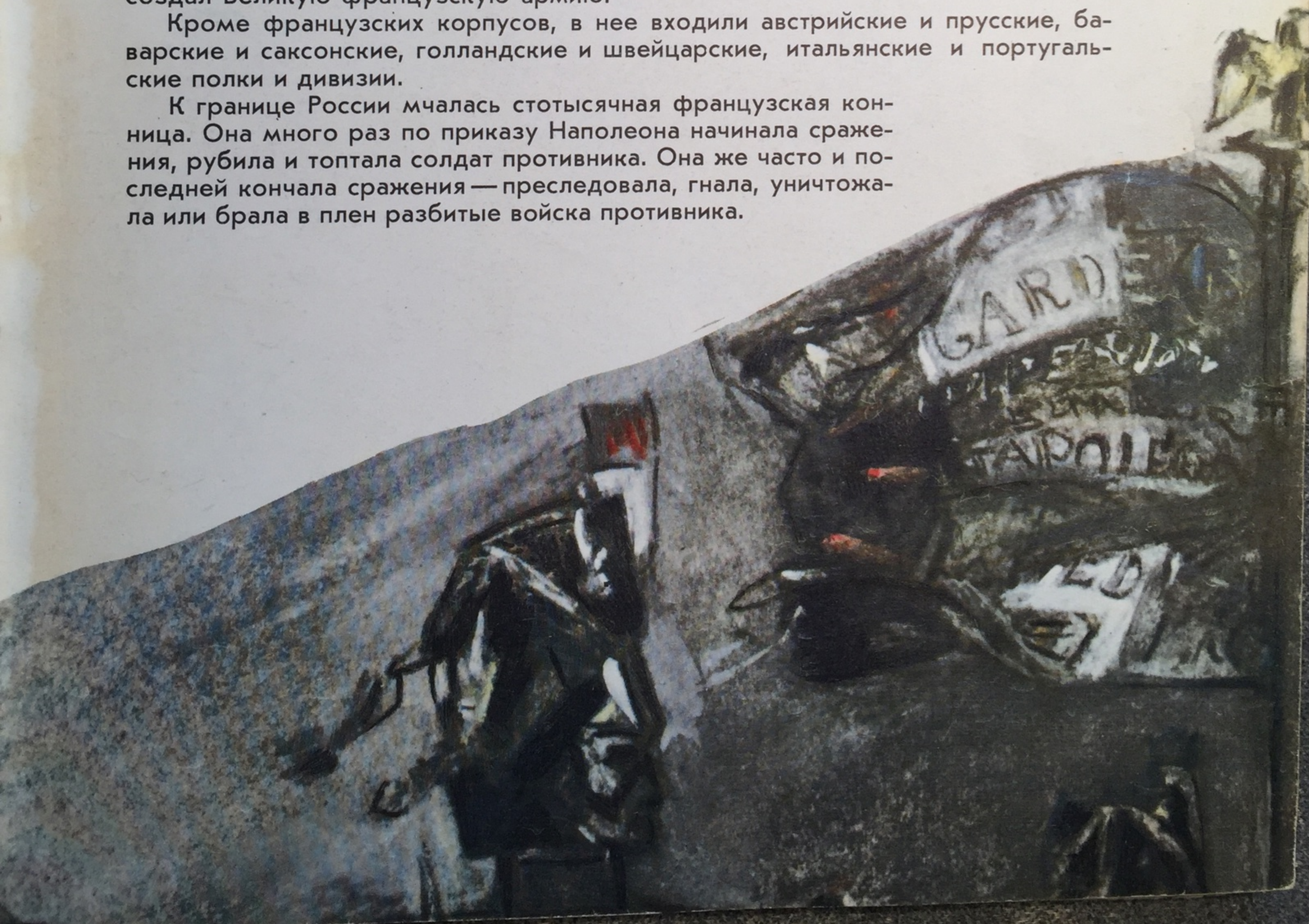
На пути Наполеона к мировому господству стояла наша огромная страна — Россия.

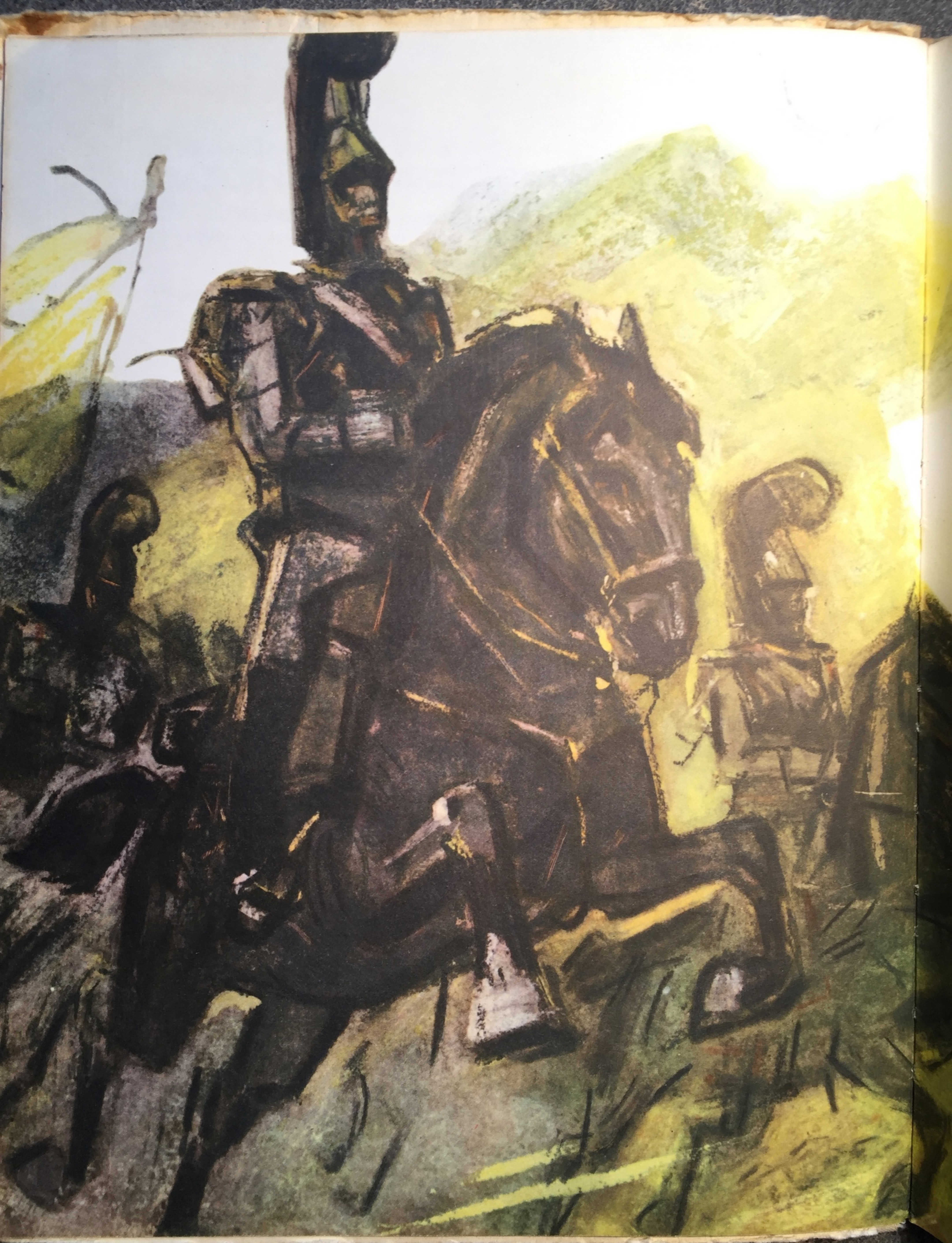
Французский император, как и все завоеватели, понимал, что до тех пор, пока не будет завоевана Россия, нельзя оставаться хозяином в Европе, нельзя стать господином во всем мире. Он знал, что Россию населяет храбрый, многочисленный народ; знал, что русская армия сильна, ее солдаты выносливы и смелы, ее офицеры и генералы умеют воевать.

Наполеон усиленно готовился к войне с Россией. Чтобы разбить русских, он собрал войска со всей Франции, со всех подвластных ему стран Европы и создал Великую французскую армию.

Кроме французских корпусов, в нее входили австрийские и прусские, баварские и саксонские, голландские и швейцарские, итальянские и португальские полки и дивизии.

К границе России мчалась стотысячная французская конница. Она много раз по приказу Наполеона начинала сражения, рубила и топтала солдат противника. Она же часто и последней кончала сражения — преследовала, гнала, уничтожала или брала в плен разбитые войска противника.

К границе России двигалась полумиллионная масса пехоты, а среди нее гордость Наполеона — императорская гвардия.

За ней везли могущественную артиллерию, которая огнем сотен своих орудий громила войска противника, чтобы пехоте и кавалерии легче было их уничтожить.

Всего в поход на русскую землю двинулись шестьсот сорок тысяч солдат при тысяче двухстах орудиях.

Двенадцать корпусов Великой французской армии колонна за колонной маршировали по дорогам Европы, держа направление на Восток.

Этими корпусами командовали известные маршалы и генералы, много раз водившие войска к победам.

Здесь был маршал Даву, командовавший сильнейшим корпусом французской армии. Беспощадный к врагу, он был бесжалостен и к своим солдатам. Опытный военачальник Даву побеждал в труднейших сражениях. Перед походом на Россию он, командуя двадцатью семью тысячами солдат, разгромил пятидесятитысячную прусскую армию.

Здесь был маршал Ней, который слыл «храбрейшим из храбрых». Наполеон говорил о нем: «Это лев» и поручал Нею самые трудные боевые задачи.

Здесь был маршал Мюрат, один из лучших кавалеристов того времени. Он командовал отборной резервной кавалерией французской армии.

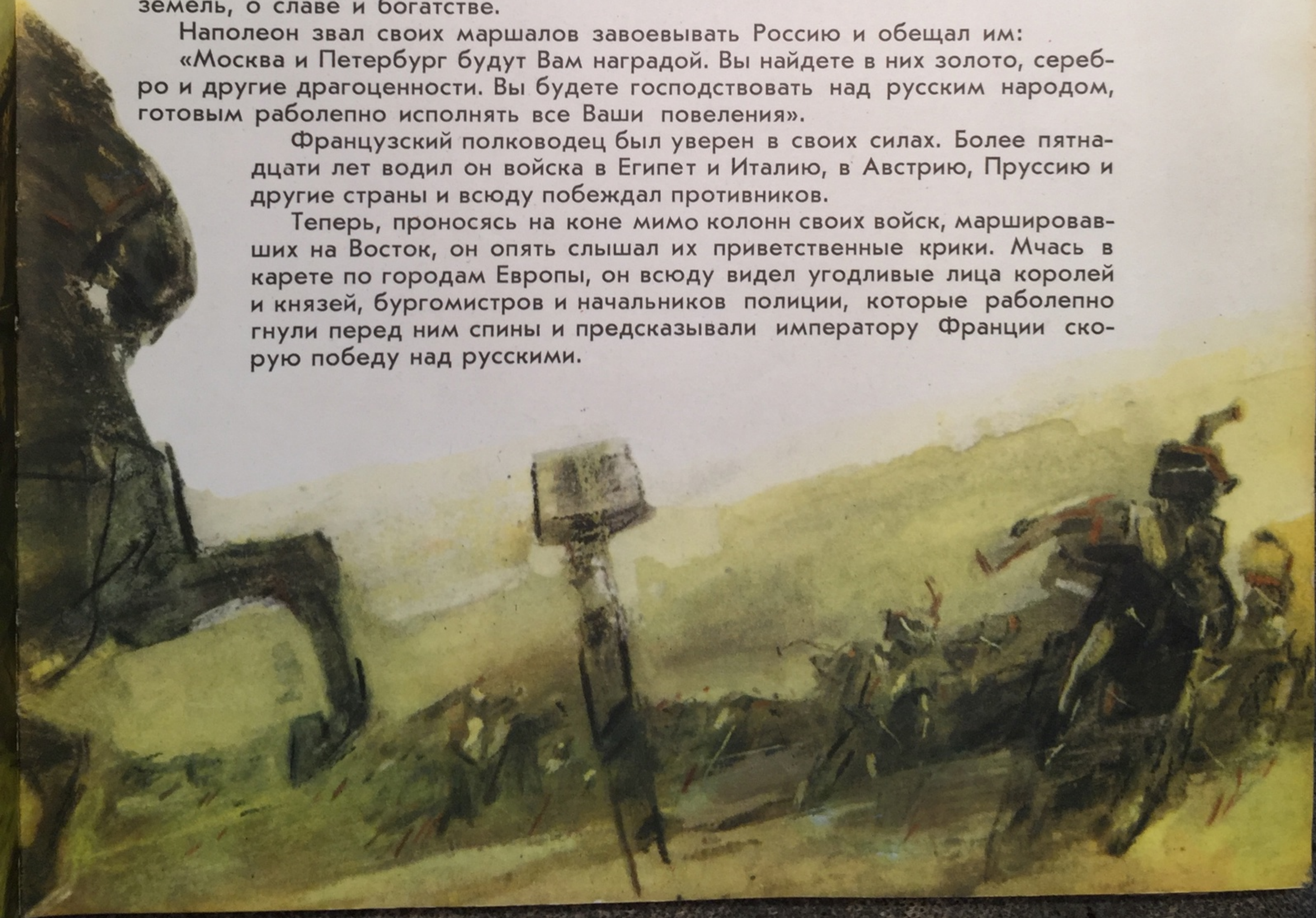
Здесь было немало других маршалов и генералов, прославившихся во многих войнах. Смелые, честолюбивые, они всегда мечтали о захвате чужих земель, о славе и богатстве.

Наполеон звал своих маршалов завоевывать Россию и обещал им:

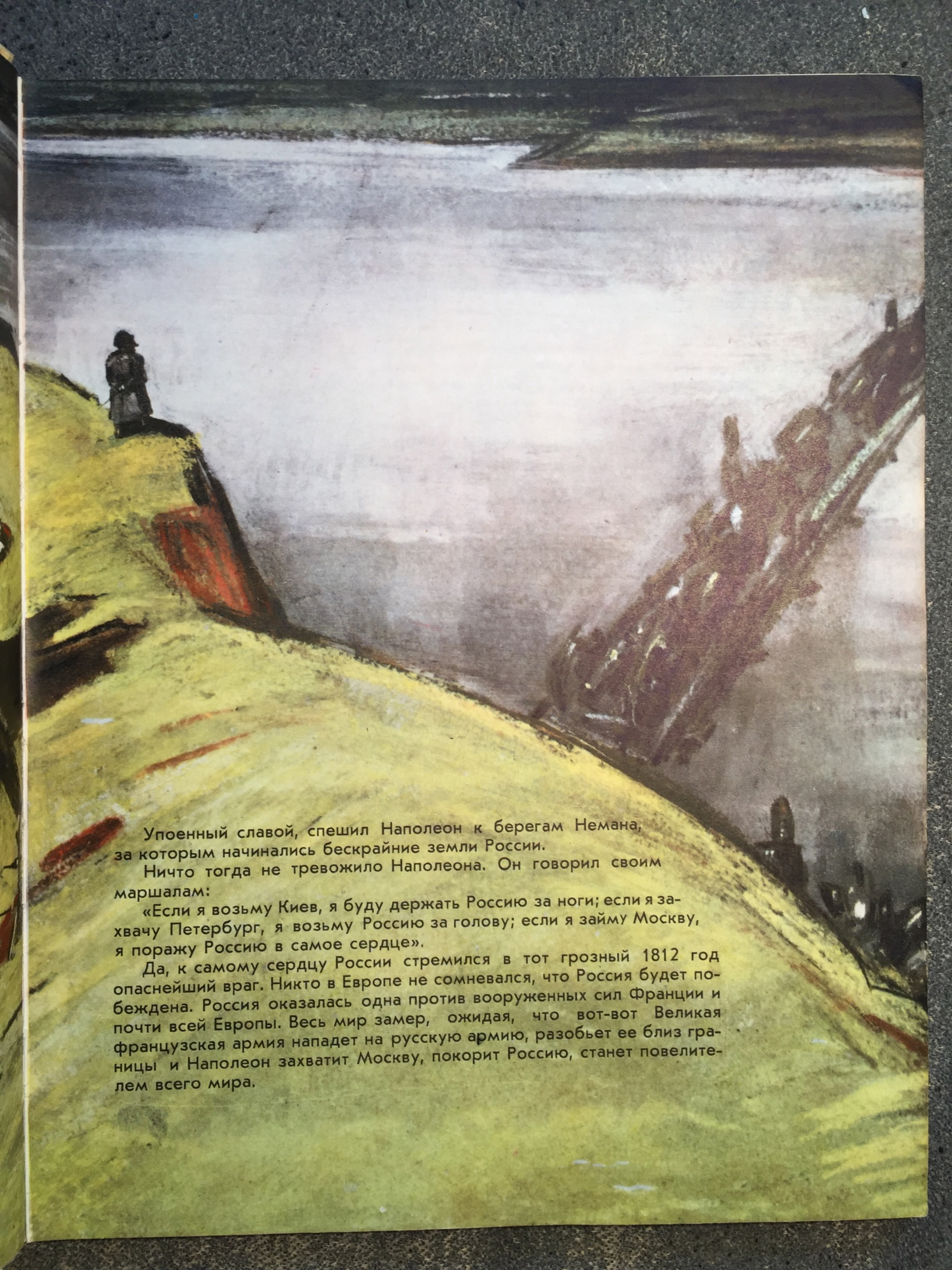
«Москва и Петербург будут Вам наградой. Вы найдете в них золото, серебро и другие драгоценности. Вы будете господствовать над русским народом, готовым раболепно исполнять все Ваши повеления».

Французский полководец был уверен в своих силах. Более пятнадцати лет водил он войска в Египет и Италию, в Австрию, Пруссию и другие страны и всюду побеждал противников.

Теперь, проносясь на коне мимо колонн своих войск, маршировавших на Восток, он опять слышал их приветственные крики. Мчась в карете по городам Европы, он всюду видел угодливые лица королей и князей, бургомистров и начальников полиции, которые раболепно гнули перед ним спины и предсказывали императору Франции скорую победу над русскими.

Упоенный славой, спешил Наполеон к берегам Немана,
за которым начинались бескрайние земли России.

Ничто тогда не тревожило Наполеона. Он говорил своим
маршалам:

«Если я возьму Киев, я буду держать Россию за ноги; если я за-
хвачу Петербург, я возьму Россию за голову; если я займу Москву,
я поражу Россию в самое сердце».

Да, к самому сердцу России стремился в тот грозный 1812 год
опаснейший враг. Никто в Европе не сомневался, что Россия будет по-
беждена. Россия оказалась одна против вооруженных сил Франции и
почти всей Европы. Весь мир замер, ожидая, что вот-вот Великая
французская армия нападет на русскую армию, разобьет ее близ гра-
ницы и Наполеон захватит Москву, покорит Россию, станет повелите-
лем всего мира.

НА ГРАНИЦЕ РОССИИ СОСРЕДОТОЧИЛАСЬ РУССКАЯ АРМИЯ

Для защиты России к ее границе, к берегам Немана, подошла русская армия.

Ее солдаты всегда славились своей смелостью, находчивостью, стойкостью в бою. Сыны сильного, любящего свою Родину народа, трудовые люди России всегда были миролюбивы, любили свой труд, не хотели войн. Они боролись с суровой природой и веками боролись против своих угнетателей — русских помещиков и царей.

Трудовым людям России очень тяжело жилось при царях, помещиках в ярме крепостного права. Но они знали, что иноземные захватчики не освободят крестьян из крепостного рабства. Иноземные захватчики еще и сами будут жестоко угнетать народ, будут издеваться над всем, что дорого русскому сердцу, сделают своей колонией Россию.

И потому русские люди всегда поднимались на войны против иноземных захватчиков, угрожавших России. В справедливых войнах за свою страну, за жизнь своего народа, русские войска совершали чудеса храбрости. Они отстояли нашу Родину от многих опасных нападений.

В войнах, которые вела Россия, ее войска научились воевать.

Русские кавалеристы были отличными всадниками, лихо рубили саблями, метко стреляли с коня, наносили в конном строю страшные удары длинными пиками.

Самыми знаменитыми в мире наездниками были русские казаки. Они с детства садились на коней: подростками пасли их в ночном, на лугах, состязались друг с другом в конной езде; взрослыми трудились на конях в поле. Казаки не расставались с лошадьми ни летом ни зимой.

И потому казак на коне ловок и быстр в разведке, победоносен в атаке, бесстрашен и хитер при охране своих войск, стремителен в преследовании врага, неуловим при отступлении.

Русские пехотинцы были стойки в обороне, решительны в атаке. Русские артиллеристы отличались бесстрашием перед любой атакой противника, никогда не отдавали напавшему врагу своих орудий.

Русские солдаты горячо и сильно любили свою Родину — Россию и в боях за нее не жалели своей жизни.

В войнах, которые вела Россия, прославились и многие русские генералы. Это были военачальники, любившие Россию, ее армию, ценившие русских солдат. Эти полководцы талантливо командовали войсками, в решающие моменты боя были впереди, и потому солдаты уверенно шли за такими генералами в сражения и часто побеждали более сильных врагов.

Таковыми генералами-полководцами были Петр Багратион и Барклай де Толли, командовавшие русскими армиями, сосредоточенными на границе России. Таковыми генералами были Дмитрий Дохтуров, Николай Раевский, Дмитрий Неверовский, Петр Коновницын, Алексей Ермолов, братья Тучковы, донской атаман Матвей Платов и многие другие.

Все они происходили из дворян, старались укрепить помещичий строй, сохранить царское правительство. Но, когда России угрожала опасность иноземного вторжения, эти генералы не жалели жизни в боях за Родину.

Командовавшие русскими армиями генералы Багратион и Барклай не боялись нападения Великой французской армии. Они командовали русскими войсками, которые уже сражались с войсками Наполеона в 1805, 1806 и 1807 годах, и не уступали им в храбрости и стойкости. Оба генерала не раз смотрели смерти в глаза и не уступали французским маршалам ни в смелости, ни в искусстве водить войска в сражения.

МИХАИЛ БАРКЛАЙ ДЕ ТОЛЛИ

Совсем юным начал Михаил Барклай службу в русской армии. Шотландец по происхождению, сын небогатого поручика, он не мог рассчитывать на быстрое продвижение по службе, подобно сыновьям богатых русских помещиков.

Честный, самоотверженный офицер Барклай и не искал легкой карьеры. Он полюбил русскую армию и ей посвятил всю свою жизнь.

Его видели хладнокровным, храбрым при героической атаке турецкой крепости Очаков. Он успешно штурмовал под турецкими пулями крепости в Бессарабии. Его мужество и военные способности были хорошо известны в армии. И все же долго пришлось Барклаю командовать батальоном, полком, тянуть служебную лямку, прежде чем ему присвоили чин генерала.

Наконец, награжденный орденами, отмеченный генеральским званием, Барклай де Толли стал командовать дивизией. Ему пришлось водить войска в сражения на территории Финляндии, Швеции, Восточной Пруссии. То были опасные и трудные походы. Сильный противник и суровая природа — северная зима, снега и льды, казалось, непроходимые болота и леса — вставали на пути русских войск.

Однажды Барклаю де Толли предстояло пройти с войсками по льду Ботнического залива из Финляндии к берегам Швеции.

Мало кто решился бы вести войска в такой поход. Впереди простиралась ледовая равнина. На ней торосы, полыньи, трещины. Перед походом несколько дней дули ветры с юга, и лед ослабел. Он мог разломиться, раскрошиться, и солдаты с лошадьми, с пушками, снаряжением погибли бы в пучине подо льдом.

Генерал Барклай послал разведку промерить толщину льда, наметить, где обойти опасные места.

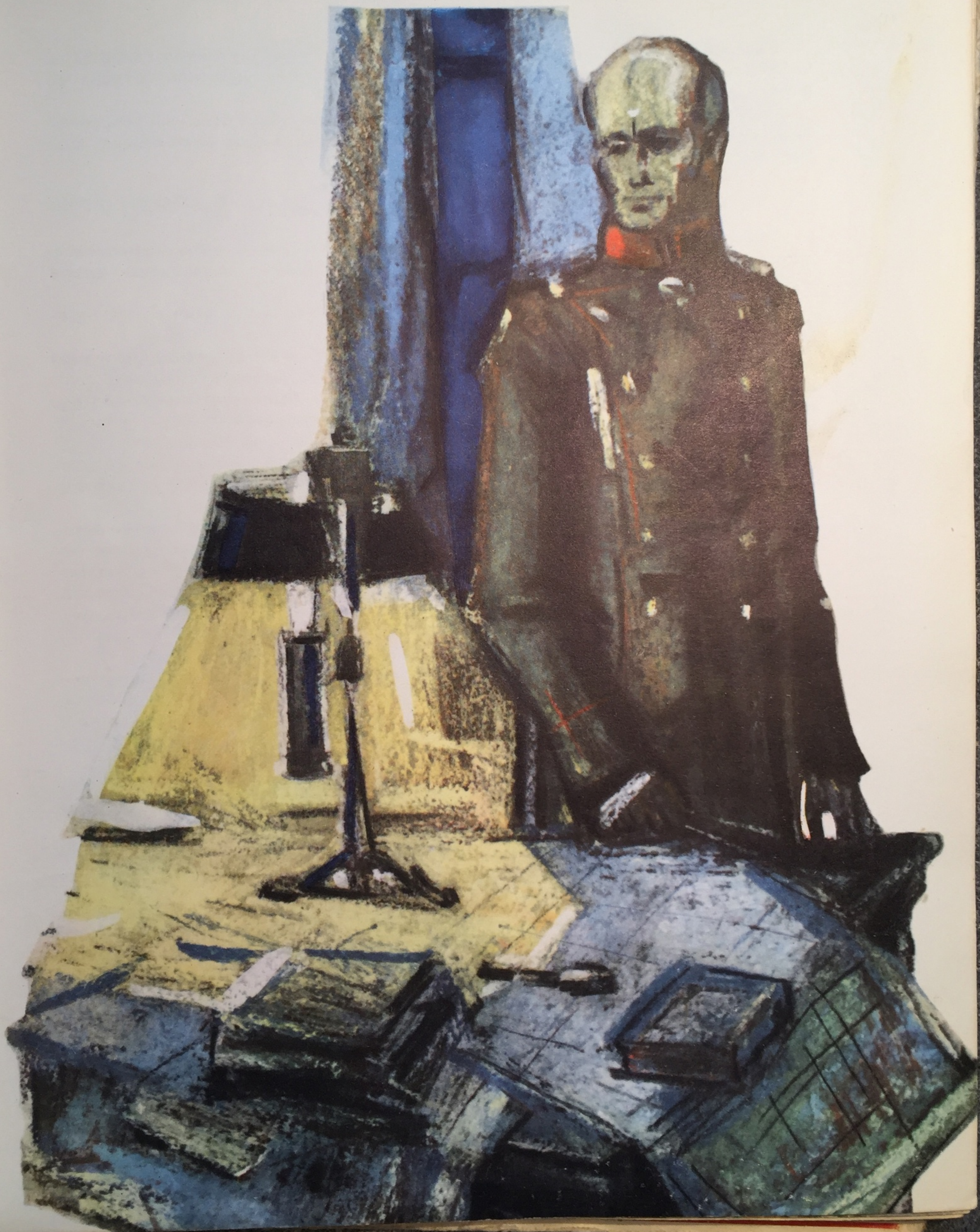
«Победа и слава должны быть храброму войску покорны», — сказал генерал солдатам и сам повел их за собой в стоверстный марш через Ботнический залив к берегам Швеции.

Еще более тяжелые бои вел Барклай против французских маршалов в Восточной Пруссии.

Это было за пять лет до войны 1812 года. Уже тогда в 1806—1807 годах французский император искал победы над Россией. Он послал к ее границе передовой отряд под командованием своего лучшего маршала Ланна.

У города Пултуска передовой отряд Ланна натолкнулся на передовой отряд Барклая. Русские отбили удар французов, сами перешли в атаку и разбили дивизию врага.

А через несколько недель Барклай снова столкнулся с маршалами Франции под городом Прейсиш-Эйлау. Был холодный ветреный январь 1807 года. Над полем боя мела пурга. Она скрывала от русских войска французов. Пользуясь метелью, маршалы Наполеона повели свои дивизии на штурм русской обороны. Французы внезапно появились из снежной пелены и стремительно атаковали. Командовавший здесь участком обороны Барклай был тяжело ранен. Пуля раздробила ему руку. Но генерал не покинул своих солдат. Перевязав раненую руку, подняв шпагу здоровой рукой, он повел войска в контратаку и отразил опасный натиск.

Барклай де Толли был не только храбрым, искусным и стойким генералом. С 1810 года он занимал пост военного министра России, разумно готовил ее войска к боям.

И теперь, в 1812 году, после долгих лет войн и походов, опытный бесстрашный генерал Барклай де Толли готов был снова сразиться с опаснейшим врагом, грозившим России.

ПЕТР ИВАНОВИЧ БАГРАТИОН

Семнадцатилетним сержантом начал военную службу в мушкетерском полку Петр Багратион и тридцать лет, до самой смерти, не покидал рядов русской армии.

День за днем, год за годом ходил он в дальние походы, учил солдат сражаться и сам сражался в сотнях боев и схваток.

Большая воинская слава пришла к Багратиону в 1799 году. Тогда знаменитый русский полководец Александр Васильевич Суворов командовал русскими войсками, действовавшими в Италии. Трудно было русским солдатам. Им противостоял сильный противник — французские войска во главе с опытными генералами, а союзники русских — австрийцы плохо воевали. Трудно было и потому, что непривычны русским жара Италии, каменистая ее земля, незнакомы, трудно доступны высочайшие горы Европы Альпы, свиреп леденящий холод на их вершинах.

И всюду, где наступала армия Суворова, ее передовым отрядом — авангардом командовал Багратион. И всюду, где армии Суворова приходилось отходить, ее арьергардом — отрядом прикрытия — командовал все тот же Багратион. Багратион оправдал доверие своего учителя — полководца Суворова.

Авангарду приходилось действовать впереди своих войск, вести разведку, первому вступать в бои с сильнейшим противником, прокладывать дорогу главным силам своей армии.

Арьергарду приходилось останавливать и сдерживать сильнейшего противника, прикрывать главные силы своей армии, пока она уйдет от опасности.

Во главе авангарда Багратион штурмовал цитадель города Брешиа, взял в плен ее коменданта, 1800 солдат, захватил 42 орудия. Затем он овладел городом Лекко, был ранен, но остался в строю.

Долго не давался войскам Суворова укрепленный противником город Нови. Шестнадцать раз его атаковал Багратион, шестнадцать раз терпел неудачу и все-таки семнадцатой атакой ворвался в Нови.

Русской армии пришлось тогда в труднейших условиях переходить через альпийские горы. Стояла поздняя осень, непрерывно лили дожди, в горах бушевали метели, ночами на перевалах солдат сковывал мороз.

По горным ущельям и кручам, таща на себе провиант и оружие, переноса на руках пушки, поднимались все выше и выше русские войска.

Впереди был Сен-Готардский перевал. Он считался неприступным. К нему вела лишь узкая тропа, на которой не могли развернуться для боя войска. Здесь противник остановил армию Суворова. Несколько раз группки русских солдат бросались в атаку и каждый раз погибали. Тогда Суворов приказал Багратиону обойти позиции противника. Это можно было сделать, лишь преодолев неприступные вершины. И Багратион отважился на такой штурм. Про-

бираясь между скалами, цепляясь за их скользкие уступы, хватаясь за корни-
вища кустов, всаживая в расселины штыки и поднимаясь на руках, поддержи-
вая друг друга, взбирались русские солдаты по отвесным горным склонам,
над бездонными пропастями.

Местные охотники-проводники отказались вести русских туда, где никогда
не ступала нога человека, и Багратион повел свой отряд сам. Он достиг заоб-
лачных высот, где летали лишь орлы, и оттуда неожиданно атаковал тыл

французов. В это время Суворов атаковал с фронта и овладел неприступным Сен-Готардом.

Русские войска пошли дальше и... зашли в тупик. Союзники-австрийцы обманули. Дорог, о которых они говорили, дальше не было; провианта и снарядов, которые они обещали русским, не оказалось, и в это же время 20-тысячную русскую армию стала окружать 70-тысячная армия известного французского генерала Массена.

Суворову пришлось уводить свои войска от опасности. Прикрывал их отход двухтысячный арьергард генерала Багратиона.

На горных тропинках, на снежных перевалах Багратион занимал оборону, останавливал и отбрасывал противника.

Арьергард Багратиона выиграл время и дал возможность Суворову увести русскую армию от гибели.

Массена, одержавший много побед, говорил, что он отдал бы все эти победы за одно такое отступление, какое совершили под командованием Суворова русские войска, прикрытые арьергардом Багратиона.

Багратион был любимейшим учеником Суворова.

Еще выше поднялась боевая слава Багратиона в 1805 году на полях Австрии. Тогда русская армия под командованием русского полководца Михаила Илларионовича Кутузова выступила на войну против Наполеона.

В глубине Австрии, у города Ульма, русские войска должны были соединиться с австрийскими полками и вместе атаковать французов.

Кутузов приблизился к Ульму и услышал тревожную весть. Огромная австрийская армия была разбита французами и вся сдалась им в плен.

Теперь против 50-тысячной русской армии, измученной тяжелым походом, оказалась 200 000-ная французская армия.

Наполеон отдал приказ своим маршалам обрушиться на армию Кутузова, разгромить ее и взять в плен.

Русские войска начали отступление, и прикрывал их отход арьергард под командованием все того же испытанного генерала Багратиона.

Французские маршалы, упоенные недавней победой над австрийцами, решительно атаковали русских и сразу же почувствовали, что разбить русские войска не так-то легко и просто. Солдаты Багратиона стойко отражали натиск и сами переходили в контратаки.

400 километров отходила русская армия Кутузова, преследуемая армией Наполеона. Десятки раз маршалы пытались отрезать русским дороги на восток, окружить их и разбить. И каждый раз Кутузов мастерскими движениями уводил свои войска от гибели.

Наконец, русская армия перешла реку Дунай. Последние всадники арьергарда промчались через Дунайский мост, когда на нем появились гнавшие за ними французские кавалеристы. В этот момент русские саперы взорвали мост, и он вместе с французами рухнул в дунайские волны.

Теперь широкая река отделяла русскую армию от главных сил французской армии. Впервые за много дней боев и походов русские солдаты расположились на отдых, расседлали и распрягли коней, составили свои ружья в козлы, стали варить кашу, чинить порванную обувь, готовились к ночлегу.

И той же ночью Кутузову стало известно, что новая, еще более грозная опасность, нависла над русскими войсками.

Дело в том, что еще один мост через реку Дунай сохранился в городе Вене. Его обороняли австрийцы. Французские маршалы сказали австрийцам, что они воюют только с русскими, и охрана пропустила французов за Дунай.

Главные силы Наполеона спешно двинулись вперед, чтобы отрезать пути русским войскам, спокойно отдыхавшим на берегу Дуная.

Снова по боевой тревоге двинулась в поход русская армия.

А Багратион поднял свой арьергард и пошел с солдатами на смерть, чтобы спасти всю русскую армию.

Арьергард Багратиона должен был опередить корпуса французских маршалов, преградить им путь и сдерживать сильнейшего врага, пока войска Кутузова не отойдут на восток, откуда к ним на помощь шли из России резервы.

В глухую ночь, в осеннюю непогоду, без дорог, через поля и виноградники безостановочно шел арьергард Багратиона. Он опередил корпуса французских маршалов и у городка Шенграбен преградил им путь.

30 000 французов напали на 5 000 русских солдат и, казалось, что они сразу же их сомнут. Русские артиллеристы подожгли деревню, через которую шел противник, и сорвали его атаку. Французы обошли горящую деревню, развернулись для наступления с фронта и с флангов.

Лучшие маршалы Наполеона Ланн, Сульт, Мюрат, Удино окружили пехоту Багратиона, но она штыками пробилась из окружения.

Наполеон рассердился на своих маршалов, не сумевших разбить Багратиона. Загоняя коней, император сам примчался на поле боя и подвел туда свои главные силы. Он был уверен, что уничтожит арьергард Багратиона, догонит и разобьет армию Кутузова. Но солдаты арьергарда стояли насмерть.

Видевшие этот бой австрийские крестьяне называли арьергард Багратиона «Дружиной героев». Дружина сражалась, погибала, но сдерживала врага, спасала свою армию, все дальше и дальше отходившую на восток.

Наконец, стало известно, что армия Кутузова уже вне опасности. Багратион вывел свой арьергард из боя и пошел также на восток. Он выполнил боевую задачу — спас русскую армию, к тому же сохранил половину своего отряда и захватил более ста пленных французских солдат и трех офицеров.

Таким был генерал Петр Багратион.

Стройный и гибкий, приветливый с офицерами и любимый солдатами, Багратион всегда невозмутимо стоял на своем наблюдательном пункте. Но солдаты знали, что в трудный момент боя их генерал на донском скакуне сам поведет полки в атаку. Они знали, что в самые трудные часы отступления Багратион сойдет с коня, обнажит шпагу и будет отходить рядом с последними солдатами арьергарда.

Ни один маршал Франции не пользовался такой любовью своих солдат, ни один из французских генералов не мог сравниться с Багратионом ни боевым опытом, ни искусством водить войска в сражения.

Наполеон считал Багратиона лучшим генералом русской армии.

В русской армии были знамениты не только Багратион и Барклай. Армия славилась многими бесстрашными, талантливыми генералами.

Славен был командир корпуса генерал Дмитрий Дохтуров. В самые опасные минуты боев он всегда находился среди солдат, водил свои полки к победам. Скромный, отзывчивый Дохтуров сам говорил:

«Я никогда не был придворным, не искал милостей у царедворцев; я дорожу любовью войск, которые для меня бесценны».

Славился своей отвагой и воинской доблестью начальник штаба 1-й армии генерал Алексей Ермолов. В молодости он был близок к Суворову. Ермолова ненавидел царь Павел I, сажал в тюрьму, изгонял из армии.

Ермолов был бесстрашен в боях. В самый опасный момент сражения под Прейсиш-Эйлау он, командуя конной артиллерией, прискакал с пушками, лихо развернул их на позиции и огнем в упор остановил противника.

Любили в русской армии 28-летнего начальника артиллерии Александра Кутайсова. Это он отдал приказ артиллеристам, чтобы они «с позиций не снимались, пока неприятель не сядет верхом на пушки. Артиллерист должен жертвовать собой и последний выстрел по врагу выпустить в упор».

Ценили в русской армии умного и храброго командира корпуса Николая Раевского; стойких и умелых командиров дивизий Петра Коновницына и Дмитрия Неверовского; уважали лихого казачьего атамана Матвея Платова.

Нет, не уступали французским маршалам русские генералы, ученики Суворова, соратники Кутузова. Нет, не уступали солдатам Наполеона русские солдаты, ветераны многих походов и войн. В них, в солдатах, и была сила русской армии; с такими солдатами и побеждали боевые русские офицеры и генералы.

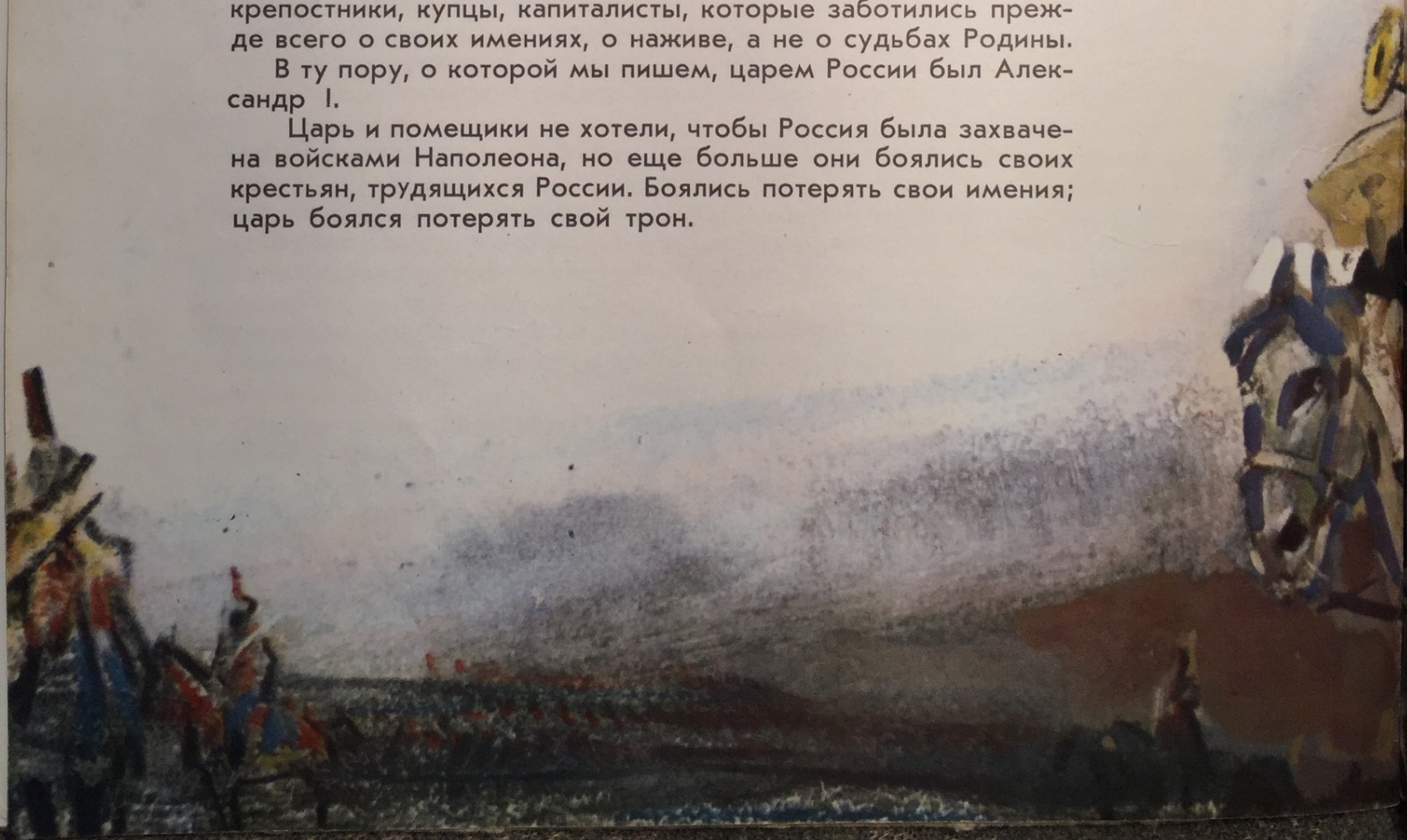
С такой армией Россия могла отразить нашествие Наполеона.

ПЛАН АЛЕКСАНДРА I И ПЛАН НАПОЛЕОНА

Беда России, несчастье ее народа было в том, что Россией правили до 1917 года цари. В ней хозяйничали помещики-крепостники, купцы, капиталисты, которые заботились прежде всего о своих имениях, о наживе, а не о судьбах Родины.

В ту пору, о которой мы пишем, царем России был Александр I.

Царь и помещики не хотели, чтобы Россия была захвачена войсками Наполеона, но еще больше они боялись своих крестьян, трудящихся России. Боялись потерять свои имения; царь боялся потерять свой трон.

Александр I окружил себя придворными генералами и офицерами, которые не умели командовать войсками в боях, зато считали, что солдат надо прежде всего обучать красиво ходить на дворцовых парадах в Петербурге. Они насаждали в армии беспощадную муштру, избивали солдат, издевались над ними.

Эти генералы и сам царь не любили тех русских полководцев, которые хорошо относились к солдатам. Они завидовали тем генералам, кто умел побеждать врагов в трудных боях.

Царь изгонял талантливых генералов из русской армии. Так был удален от командования войсками полководец Кутузов в тот самый момент, когда на русскую землю надвинулась армия Наполеона.

Царь не подготовил страну к обороне.

В русской армии, которая сосредоточилась на западной границе России, было в три раза меньше войск, чем в армии Наполеона. Против шестисот тысяч солдат Великой французской армии царь выставил армию, в которой было всего двести тысяч солдат.

Александр I стал сам командовать русскими войсками, взяв себе в советчики бездарных придворных генералов. Вместе с ними царь составил план военных действий.

По этому плану русские войска были разделены на три армии.

1-й армией командовал генерал Барклай де Толли.

2-й армией командовал генерал Багратион.

3-й армией командовал генерал Александр Тормасов.

Армия Тормасова находилась далеко от района, которому угрожал Наполеон, и в начале войны в боях не участвовала. Удары главных сил Великой французской армии должны были отразить армии Барклая и Багратиона.

1-я и 2-я армии были разделены пространством в сто верст, и эту территорию никто не оборонял.

Александр I и его приближенные генералы рассчитывали, что Наполеон пошлет свои главные силы разбить 1-ю армию Барклая, а в это время 2-я армия Багратиона ударит по противнику с фланга.

План как будто хитрый, а на самом деле русские войска, поставленные по такому плану, были обречены на разгром. Опытные генералы правильно говорили, что это план сумасшедшего или изменника.

В самом деле: у Наполеона было в три раза больше войск, чем у русских. Он мог сразу напасть большими силами на армию Барклая и на армию Багратиона и одновременно разбить обе армии, стоявшие порознь, на расстоянии в сто верст одна от другой.

И Наполеон тут же воспользовался ошибками царя. Он узнал от своих шпионов, что русские армии стоят далеко одна от другой, что сил у них мало и что пространство между ними никто не обороняет, и стремительно перешёл в наступление, вторгся в Россию.

На 1-ю армию Барклая де Толли наступали главные силы Наполеона.

На 2-ю армию Багратиона наступали численно втрое превосходящие ее войска под командованием Жерома — брата французского императора.

В пространство между русскими армиями выдвигался огромный корпус маршала Даву.

1-я русская армия была отрезана от 2-й армии, и Наполеон дал слово своим маршалам, что Барклай и Багратион больше не встретятся.

Французский полководец стремился не только разбить русские войска. Он намеревался обойти армию Багратиона, отсечь ей пути отхода, взять ее в плен и полностью уничтожить.

Царь Александр I и его придворные генералы увидели опасность, испугались, оставили русские войска и удрали с фронта в Петербург.

В таких тяжелых и опасных для России условиях началась война 1812 года.

ЧТО ОСТАВАЛОСЬ ДЕЛАТЬ ГЕНЕРАЛАМ БАГРАТИОНУ И БАРКЛАЮ?

Первое и самое важное, что требуется от генерала, от офицера, от солдата и от каждого человека в опасные часы жизни, — это не пугаться, не растеряться.

Надо не бояться противника, не страшиться опасности, а мужественно,

спокойно оценить силу противника, увидеть его слабые стороны. И тогда будет ясно, что надо сделать, чтобы не только избежать опасности, но и нанести врагу поражение.

Так и поступили генералы Барклай и Багратион. Оба командарма увидели, что план царя провалился. Они понимали, что при таких условиях нельзя ни нападать на войска Наполеона, ни стоять и ждать его нападения.

Оставался только один-единственный выход: с боями отходить. Как ни трудно и горько смелым генералам, командующим опытными, закаленными в боях войсками, отступать перед противником, но приходится и отступать, если у противника больше сил и драться с ним пока невыгодно.

Надо было отступать, чтобы соединить силы 1-й и 2-й армий, не дать возможности Наполеону разбить эти армии каждую порознь.

Войска Барклая и Багратиона начали отход от границы России на восток. Войска Наполеона немедленно повели преследование.

Но русские не бежали. Как только французы приближались, русские сами бросались в контратаки на преследующего противника.

Против сорокатысячной армии Багратиона наступало шестьдесят тысяч войск Жерома, а стороной ее обходил семидесятитысячный корпус маршала Даву.

Багратион, отходя, назначил для прикрытия своей армии казачьи полки донского атамана Матвея Платова. Под городком Мир в Белоруссии атаман Платов устроил Жерому засаду. Он поставил в городке только один казачий полк, а семь казачьих полков с конной артиллерией спрятал в лесах поблизости.

Вскоре передовой отряд противника ворвался в городок Мир, и на его улицах завязалась кавалерийская рубка. На помощь своему авангарду Жером послал свежие уланские полки. Тогда скрытые в лесу казачьи полки лихо выскочили из леса, атаковали с шашками наголо уланские полки, и те обратились в бегство.

Но не тут-то было. Атаман Платов и это предусмотрел и поставил в засаду у дороги еще один казачий отряд. Казачьи сотни бросились наперерез бегущим уланам и лавой их атаковали.

Сотни французских офицеров и солдат были зарублены саблями, заколоты дротиками, которые казаки ловко метали с коней на всем скаку. Много врагов было взято в плен.

Надежно прикрытый арьергардом атамана Платова, Багратион повел свои войска дальше.

Наполеон решил все же во что бы то ни стало окружить армию Багратиона. По приказу императора корпус Даву перехватил пути движения 2-й армии. Но Багратион быстро совершил маневр, то есть повернул войска на новое направление, перешел на другую дорогу и увел армию из-под удара.

Еще раз Жером и Даву нагнали 2-ю армию, и еще раз Багратион уклонился от них и по новому пути ушел от опасности.

В третий раз казалось, что французы уже обязательно окружают Багратиона, но и в третий раз он не дался врагам в руки, спас свою армию.

Наполеон разгневался, удалил своего брата Жерома из армии, а маршалу Даву приказал во что бы то ни стало нагнать и разбить армию Багратиона. Возле города Могилёва Даву удалось преградить Багратиону путь.

Здесь с корпусом маршала Даву столкнулся корпус генерала Николая Раевского. Раевский сам повел свои войска в атаку. Рядом с генералом шли в бой его сыновья — мальчики, которым было всего 11 и 17 лет.

Корпус Раевского отбросил войска Даву, и Багратион благополучно повел свою армию к Смоленску.

В те же дни на 1-ю армию Барклая де Толли наступали главные силы французской армии. Они догнали и атаковали под городом Витебском русский корпус генерала Остерман-Толстого. Русским было очень трудно защищаться. С фронта их атаковала пехота, с флангов — конница маршала Мюрата. Сюда же с основными силами подошел и Наполеон.

Наступил очень опасный момент, когда, казалось, невозможно устоять. К генералу Толстому приезжали офицеры и спрашивали, что делать.

— Стоять и умирать, — отвечал русский генерал.

Корпус Остерман-Толстого таял с каждым часом. К вечеру ему на помощь подоспела 3-я пехотная дивизия генерала Коновницына. Натиск Наполеона был и здесь отбит.

Барклай повел свою армию к Смоленску и соединился с подошедшей армией Багратиона.

Наполеон, обещавший своим маршалам, что Барклай и Багратион никогда не встретятся, напрасно похвастался.

СРАЖЕНИЕ У СМОЛЕНСКА

В русских войсках царила радость. Они радовались встрече, радовались, что, отходя от границы, успешно сражались с Наполеоном.

Теперь Барклай и Багратион могли действовать вместе. И они стали выдвигать свои армии вперед, чтобы атаковать французские войска.

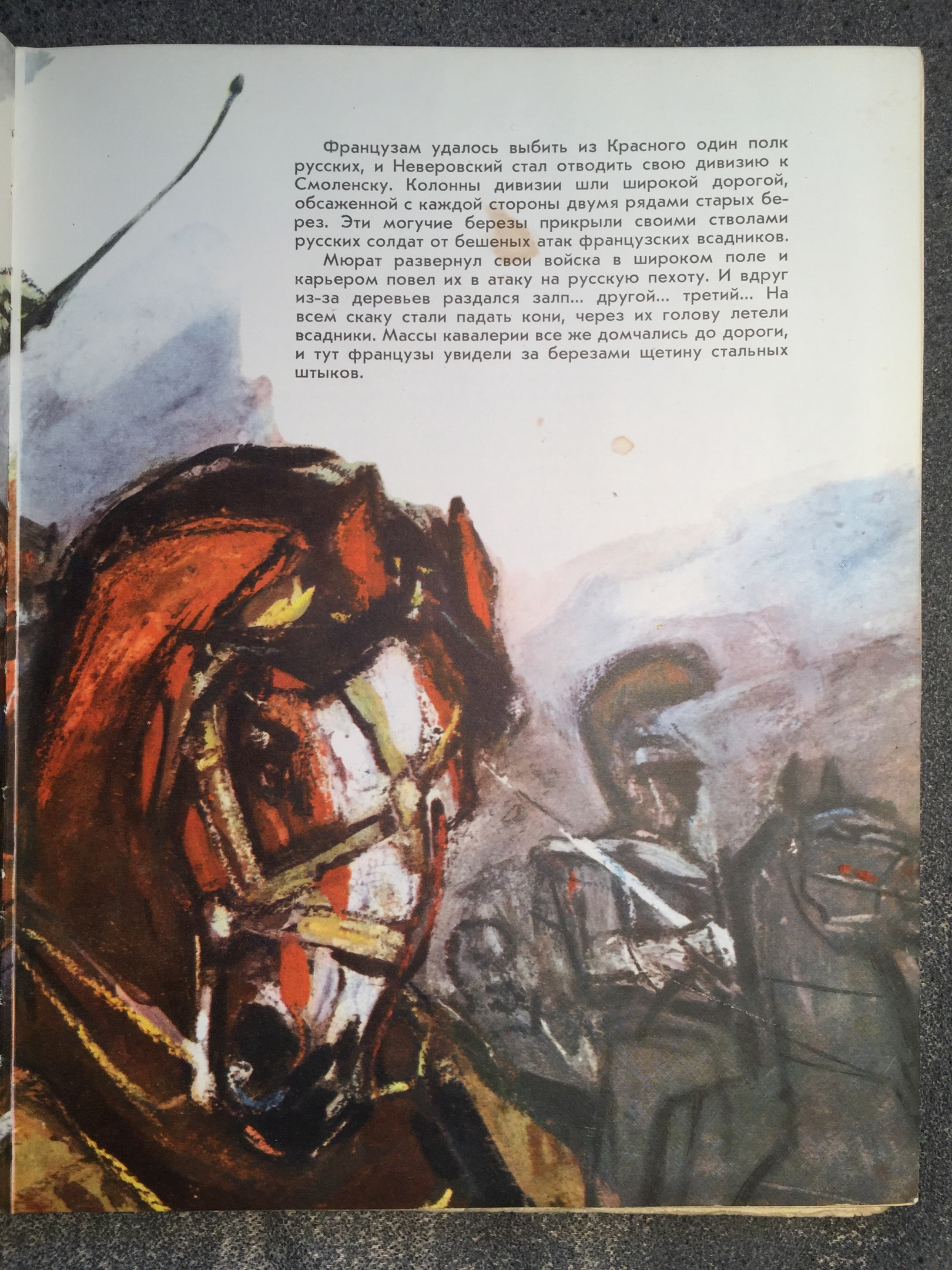
Но и Наполеон не был обескуражен. У него под Смоленском было сосредоточено 250 тысяч солдат в то время, как в обеих русских армиях насчитывалось всего 120 тысяч. Французский полководец рассчитывал одним ударом разбить обе армии и, взяв Смоленск, сразу открыть дорогу на Москву.

Барклай и Багратион разослали во все стороны разведчиков, и вскоре стала видна опасность, угрожавшая русским армиям. У Смоленска проходили три дороги, по которым можно было идти на Москву. Одна шла через город, а другие — севернее и южнее его. Двигаясь по ним, Наполеон мог отрезать русские войска у Смоленска и прорваться на Москву.

К тому же Наполеон уже приблизился к Смоленску в то время, как армиям Багратиона и Барклая требовалось еще два дня пути, чтобы достичь города. И оказалось, что путь Наполеону к Смоленску у города Красный преграждает всего одна 27-я пехотная дивизия генерала Дмитрия Неверовского. На ее силы мало кто рассчитывал, потому что не могли 10 000 солдат одной дивизии остановить главные силы французской армии, тем более, что эта дивизия еще ни разу не была в бою. Служили в ней крестьяне, только что взятые из деревень на фронт.

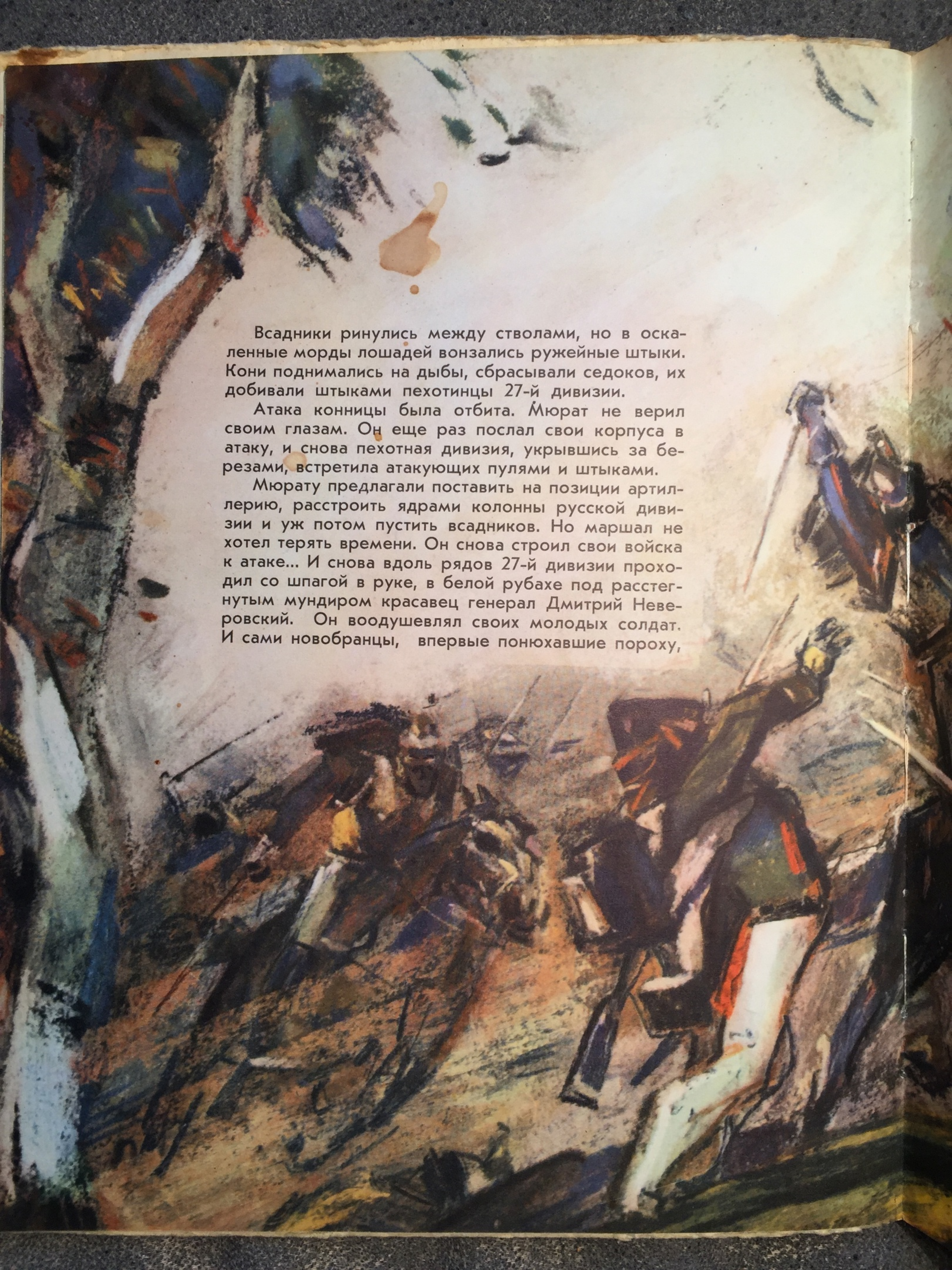
Эту вот дивизию молодых солдат атаковали три кавалерийских корпуса маршала Мюрата. Маршал был уверен, что его лихие опытные конники порубят русских новобранцев саблями, потопчут лошадьми.

Французам удалось выбить из Красного один полк русских, и Неверовский стал отводить свою дивизию к Смоленску. Колонны дивизии шли широкой дорогой, обсаженной с каждой стороны двумя рядами старых берез. Эти могучие березы прикрыли своими стволами русских солдат от бешеных атак французских всадников.

Мюрат развернул свои войска в широком поле и карьером повел их в атаку на русскую пехоту. И вдруг из-за деревьев раздался залп... другой... третий... На всем скаку стали падать кони, через их голову летели всадники. Массы кавалерии все же домчались до дороги, и тут французы увидели за березами щетину стальных штыков.

Всадники ринулись между стволами, но в оскаленные морды лошадей вонзались ружейные штыки. Кони поднимались на дыбы, сбрасывали седоков, их добивали штыками пехотинцы 27-й дивизии.

Атака конницы была отбита. Мюрат не верил своим глазам. Он еще раз послал свои корпуса в атаку, и снова пехотная дивизия, укрывшись за березами, встретила атакующих пулями и штыками.

Мюрату предлагали поставить на позиции артиллерию, расстроить ядрами колонны русской дивизии и уж потом пустить всадников. Но маршал не хотел терять времени. Он снова строил свои войска к атаке... И снова вдоль рядов 27-й дивизии проходил со шпагой в руке, в белой рубаше под расстегнутым мундиром красавец генерал Дмитрий Неверовский. Он воодушевлял своих молодых солдат. И сами новобранцы, впервые понюхавшие пороху,

увидали, что смелая пехота, построенная в плотные ряды, может залпами из ружей и штыками отбить атаки даже знаменитой конницы Мюрата.

Опять ряды за рядами, ряды за рядами, сверкая саблями, скачут к дороге французские кавалеристы и опять им навстречу гремят залпы пехоты, по-прежнему недоступны ее солдаты за стволами родных берез.

27-я пехотная дивизия Неверовского отбила пять, потом еще пять... десять... двадцать кавалерийских атак.

Наполеон пришел в неопишемую ярость. Он требовал от Мюрата немедленно ворваться в Смоленск. Взбешенный Мюрат продолжал атаки. Наступил вечер. Дивизия Неверовского, отразив за день более сорока атак, спокойно отошла к Смоленску.

«Это было львиное отступление, — говорили об отходе дивизии. — Это лев», — говорили о ее командире Дмитрие Неверовском.

Дивизия на целые сутки задержала наступление Наполеона. За это время подоспел пехотный корпус Раевского, соединился с 27-й дивизией Неверовского и стал на защиту Смоленска.

БОЙ В ГОРОДЕ

Но и теперь Смоленск находился в большой опасности. У генерала Раевского было 15 000 солдат, а Наполеон подвел к городу 185 000.

Раевскому говорили:

— Вы идете на верную гибель.

Генерал отвечал:

— В Смоленске я защищаю всю русскую армию, а может быть, всю Россию.

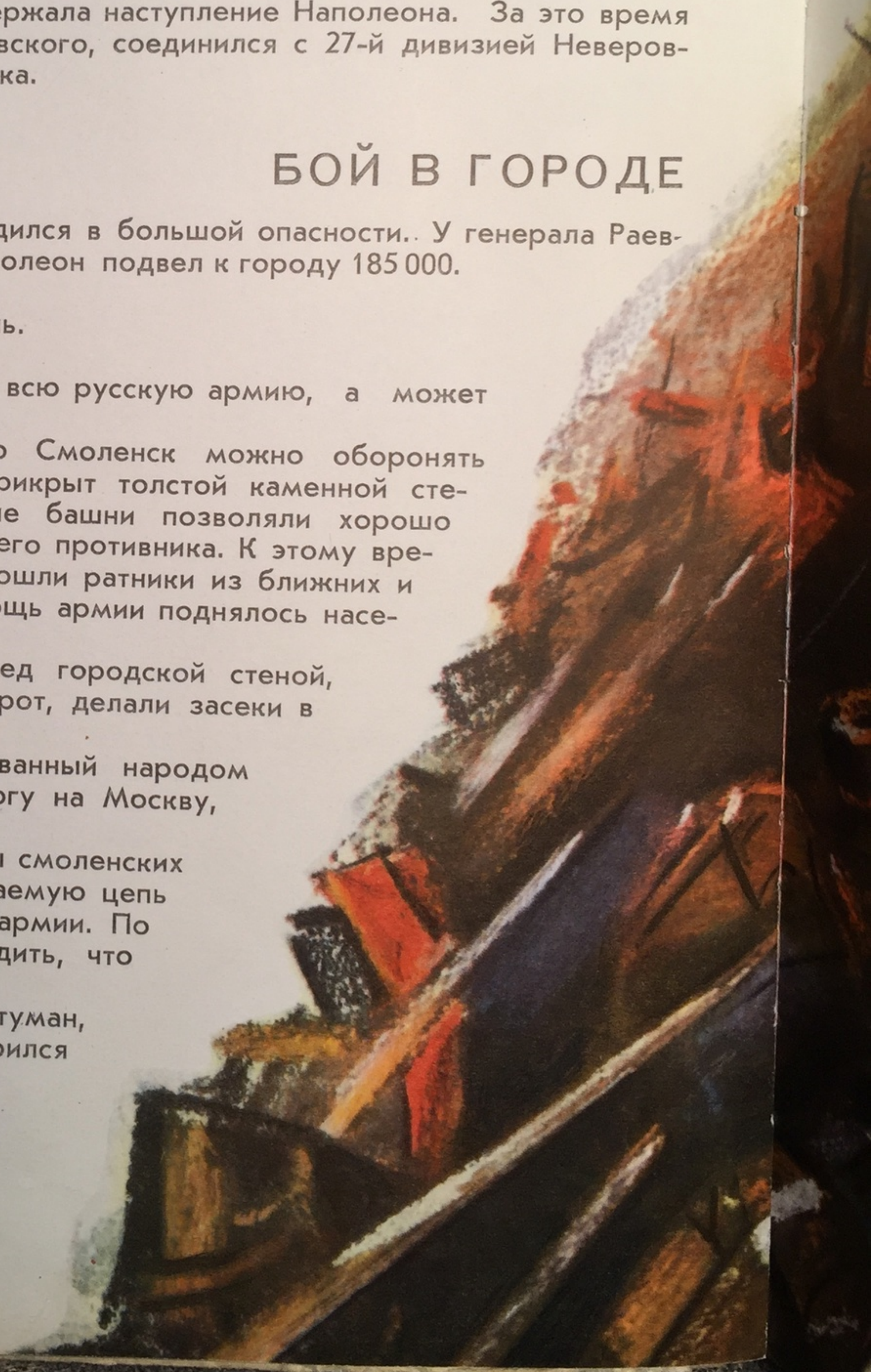
Опытный генерал видел, что Смоленск можно оборонять меньшими силами. Город был прикрыт толстой каменной стеной длиной в 5 верст. Ее высокие башни позволяли хорошо видеть и обстреливать атакующего противника. К этому времени на защиту Смоленска подошли ратники из ближних и дальних сел и городов. На помощь армии поднялось население Смоленска.

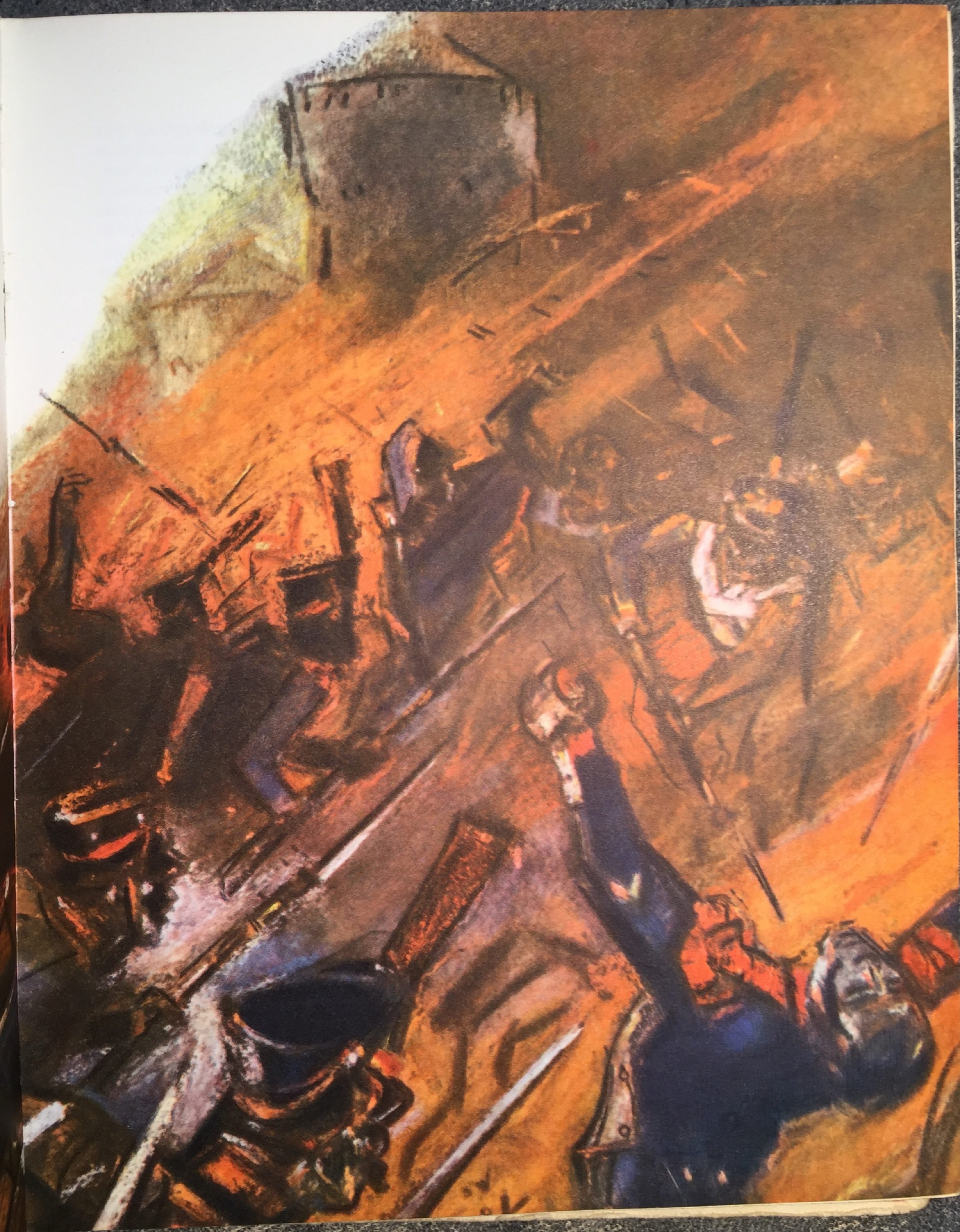
Жители углубляли рвы перед городской стеной, строили завалы у городских ворот, делали засеки в садах предместья.

Древний город России, названный народом «Ключ-город», запиравший дорогу на Москву, готовился к отпору.

В ночь на 16 августа с высоты смоленских башен русские увидели нескончаемую цепь костров в лагере французской армии. По числу костров можно было судить, что здесь собраны ее главные силы.

С рассветом 16 августа белый туман, стоявший над Днепром, растворился в лучах восходящего солнца.

Стало видно, как в открытом поле строятся колонны французов. Вот они тронулись и пошли в наступление. Корпус Нея атаковал предместье Смоленска. В 9 часов утра к атакующим войскам подъехал сам Наполеон. По его приказу открыли огонь 150 пушек. Затем в атаку пошли главные силы французской армии. Их встретил огонь 70 русских пушек. Французы, неся потери от русских ядер, все же достигли рва у городских стен. Им навстречу бросились русские пехотинцы. На всем фронте завязался рукопашный бой. Рвы заполнялись телами убитых и раненых. Французы не выдержали штыкового удара русских и отошли.

Снова гремели пушки. Снова били барабаны, собирая в строй полки. Трубили трубы и гудел набат, скликая население тушить пожары, помогать русским воинам в бою.

Новые и новые дивизии бросает Наполеон на город. Из последних сил держится, истекая кровью, пехота генерала Раевского.

К вечеру на взмыленном коне примчался к Раевскому офицер-гонец с запиской Багратиона:

«Друг мой! — писал Багратион. — Я не иду, а бегу. Желал бы иметь крылья, чтобы скорее соединиться с тобой. Держись!»

Корпус Раевского держался. Весь жаркий августовский день отражал он грозные атаки французской армии. И отстоял Смоленск.

Ночью к Смоленску подоспела армия Багратиона, подошел Барклай. Корпус генерала Раевского был сменен корпусом генерала Дохтурова.

Наступил следующий день — 17 августа. Наполеон не отказался от сво-

его плана. Он готовил генеральный штурм Смоленска. Ему нужно было захватить в городе переправу через Днепр и открыть прямую дорогу на Москву.

Зная упорство русских, он поставил для обстрела их позиций уже не 150, а 300 орудий. Под их огнем запылал весь город. Горели дома и магазины, амбары и сараи. Рушились стены и крыши зданий.

Среди огня, в дыму и пыли металась жителями, плакали дети, стонали раненые. Ратники выносили из огня раненых детей, больных и стариков. Казаки подхватывали детишек в седла и увозили из города.

После страшной бомбардировки города Наполеон бросил на штурм корпуса Нея, Даву и Мюрата. Город был обложен с трех сторон.

Бои шли в предместье, у городских ворот, на бастионах. На улицах, в садах, в подворьях кипели схватки.

И этот генеральный штурм французской армии был отражен корпусом Дохтурова, дивизией Коновницына. Миновал еще один день боев.

Наполеон понял, что штурмом он не возьмет Смоленск, и решил обойти его. Барклай и Багратион разгадали маневр Наполеона и решили отвести свои армии на восток.

Дохтуров получил приказ оставить пылающий Смоленск, в котором из 2500 домов уцелело 350. С последними солдатами город покидали и жители-смоляне.

Утром Наполеону доложили, что Смоленск пуст. Французские войска вступили в город. Их полководец видел дымящиеся развалины и не видел

победы. Он потерял в бою за Смоленск 20 000 отборных солдат и офицеров и не достиг цели. Русская армия, потеряв 10 000 солдат, сохранив свои основные силы, снова отошла, закрывая дорогу на Москву.

Он гнался за ней от самой границы, много раз настигал и каждый раз, неся большие потери, получал отпор. Наполеона снова поразила стойкость русских солдат.

Одного из них он видел сейчас мертвым на берегу Днепра. Это был русский егерь. Накануне Наполеону доложили, что один русский солдат, укрывшись на берегу, удерживает у переправы роту французов. Каждый выстрел русского егеря бил наповал. Пришлось подтащить пушку. Ее ядра взрыли землю вокруг стрелка, разбили в щепы дерево, служившее ему укрытием... Только к ночи русский прекратил стрельбу.

Наполеона тревожила не только стойкость русских солдат. Его страшила еще и ненависть мирных жителей России. Он видел, что так же, как пуст Смоленск, были пусты все города и села на пути, которым шли французские войска. Население не хотело оставаться с завоевателями, отнимавшими хлеб, коней, коров, не щадившими ни женщин, ни детей, ни стариков. Крестьяне закапывали свой хлеб в землю, сжигали избы, угоняли скот и прятались в лесах.

Во всех странах Европы Наполеон заставлял население кормить его армию, а в России на его пути не оказалось ни провианта, ни людей. Солдаты Великой французской армии стали голодать. Они начали разбегаться в поисках пищи по деревням, мародерствовали — грабили, убивали мирных жителей.

Население оккупированной территории поднималось на партизанскую борьбу с захватчиками. Такой народной войны нигде в Европе не видел Наполеон. Армия его несла тяжелые потери. Наполеону пришлось ставить охрану в городах и селах, на всех дорогах. И потому у Смоленска оказалось всего 250 000 солдат из 600 000, шедших на Россию.

В тревоге были маршалы и генералы французской армии. Маршал Мюрат убеждал императора остановиться и не идти дальше, на Москву. Наполеон сам колебался. Но он уже не мог остановиться. Он знал, что русские войска сохранили силы, что к ним на помощь подойдут резервы и тогда они погонят французов из России.

У Наполеона осталась одна надежда — догнать войска Барклая и Багратиона и разбить их в генеральной битве. И Великая французская армия пошла дальше на восток.

ПОЛКОВОДЕЦ КУТУЗОВ

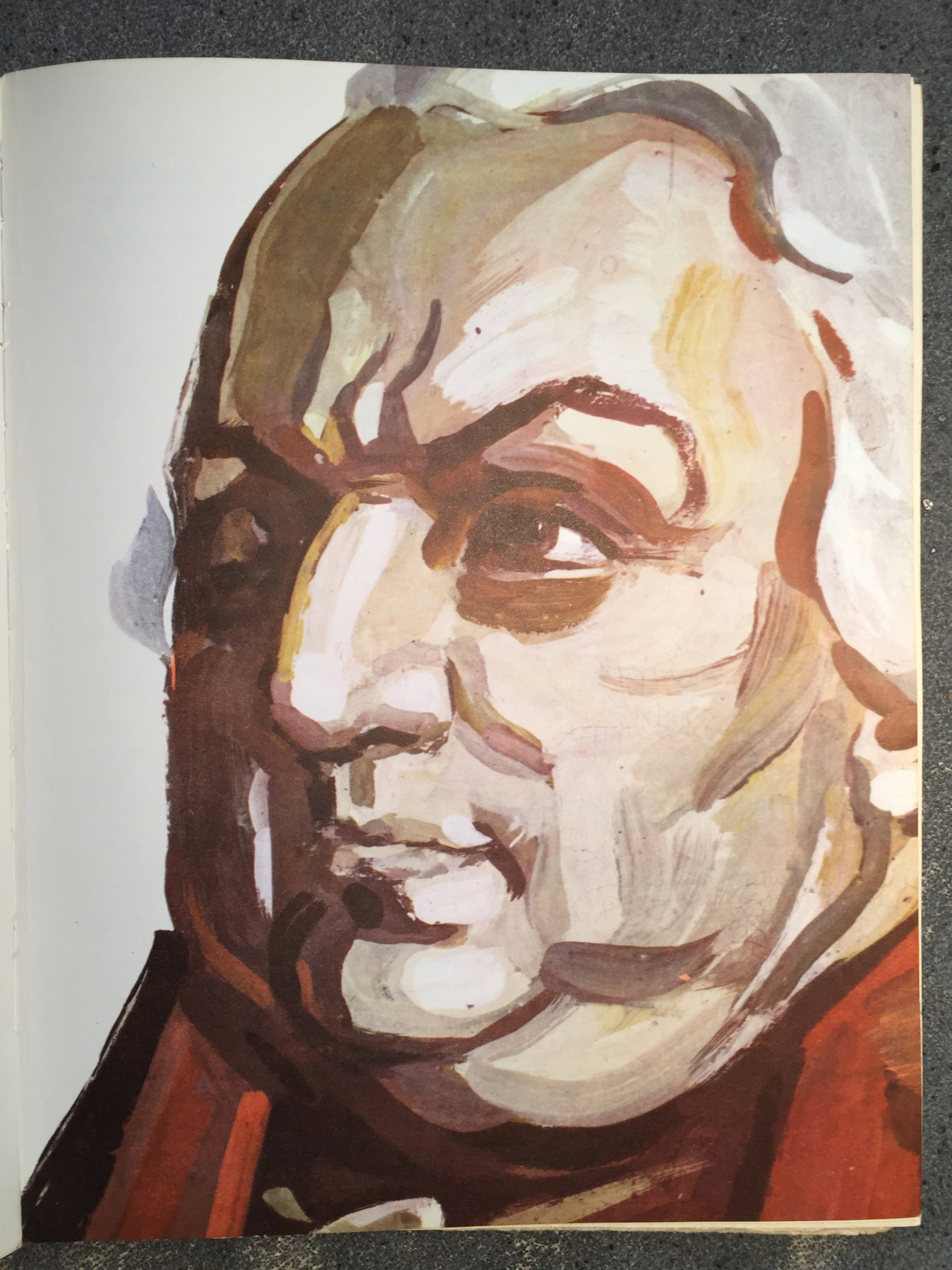
Русская армия отходила от Смоленска к Москве, и в армии и в народе все сильнее слышался ропот: до каких пор будем отступать?

До Москвы оставалось чуть больше двухсот верст. Дальше так не могло продолжаться.

Русская армия, не уступавшая французской армии в сражениях на полях Европы, была вдвойне готова героически сражаться на родной земле.

И в армии, и в народе все чаще, все громче спрашивали, где тот полководец, который поведет русские войска к победам, к спасению России.

Барклай де Толли и Багратион были замечательными генералами, но они

не водили большие массы войск в такой большой войне, как Отечественная война 1812 года. К тому же они часто спорили между собой о том, как лучше действовать, и действовали порознь.

Нужен был полководец, способный объединить 1-ю и 2-ю армии и командовать всеми вооруженными силами России.

Такой полководец в России был, и народ и армия его называли — Михаил Илларионович Кутузов.

Кутузов родился в 1745 году в Петербурге. Его отец Илларион Матвеевич прослужил 30 лет военным инженером в русской армии. Он был очень образованным человеком и свою любовь к знаниям и труду привил своему сыну Мише с самого детства.

Когда Миша подрос, его отдали учиться в кадетский корпус — так называлась тогда Инженерно-артиллерийская школа.

Мальчик рос здоровым, веселым. Товарищи любили его за доброту, преподаватели ценили за ум, способности и прилежание.

Будущий полководец отлично учился. Он усвоил математику, тактику, изучил языки — немецкий, французский, латынь, а впоследствии еще и турецкий, английский, шведский; он любил литературу, военную историю. Но особые способности проявил в инженерном деле и артиллерии.

В 1759 году Миша Кутузов окончил кадетский корпус. Несмотря на то, что ему было всего 15 лет, его оставили при школе помогать офицерам в обучении кадетов.

Вскоре Кутузов получил офицерский чин и перешел на строевую службу — стал командиром роты в Астраханском полку. Полком командовал Александр Васильевич Суворов.

Суворов учил свой полк и роту Кутузова решительным, стремительным штыковым атакам. Он учил пехоту стойко отражать отчаянные атаки кавалерии, а кавалерию — неудержимой атаке на пехоту.

Для этого Суворов строил роту Кутузова в одну шеренгу и посылал на нее конницу. Бешено мчались всадники на солдат роты Кутузова, а те должны были, выставив штыки, твердо стоять, не боясь, что их затопчут лошади. Кони неудержимо рвались через шеренгу, потому что их кололи шпорами седоки и потому, что за пехотной шеренгой стояли лукошки с овсом, поставленные там по приказу Суворова; лошадей, рвавшихся к овсу, трудно было удержать. Только в последнюю секунду пехотинцы делали шаг в сторону, пропуская через шеренгу коней.

Суворов часто поднимал роту Кутузова ночью по тревоге, то есть так, как будто солдатам нужно сразу идти в бой. Солдаты спешно одевались, хватали ружья, патроны, быстро становились в строй. Командир полка вел солдат за собой по полям и лесам, через холмы и овраги, переправлялся через реки, приучал солдат быстро и долго ходить — совершать марши по любой местности.

Суворов проводил учения днем и ночью, в жару и в мороз, под дождем и под снегом.

Тяжела была солдатская служба, но Суворов говаривал: «Тяжело в ученье, легко в бою».

И, действительно, закаленные, хорошо обученные суворовские солдаты не боялись жары и ненастья, совершали стремительные марши, неожиданно об-

рушивались на противника и побеждали во многих войнах, которые вела Россия.

И, главное, Кутузов увидел, что Суворов не бьет, не обижает солдат. А в те времена во всех армиях солдат жестоко наказывали за малейшую провинность, за всякую ошибку, а часто и ни за что.

Солдата нередко прогоняли сквозь строй. Это было страшное наказание. Две шеренги солдат строились лицом друг к другу с прутьями в руках, а между шеренгами гнали приговоренного к наказанию солдата, раздетого до пояса, и по приказу офицера каждый солдат бил несчастного по спине прутом. Многие не выдерживали наказания и умирали.

Этого не было в войсках Суворова. Служба в них была сурова, но Суворов требовал от офицеров справедливого отношения к солдатам. Его солдаты всегда были сыты, хорошо одеты, их не наказывали понапрасну, не издевались над ними, не убивали шпицрутенами.

Суворов верил в русских солдат, и солдаты отвечали ему тем же, шли за ним в бои и побеждали.

Кутузов учился у Суворова науке побеждать, понял, что сила армии в солдате, и всю жизнь ценил и берег русских солдат.

А жизнь офицера и генерала Кутузова была долгая, трудная и опасная. Кутузов участвовал во многих боях. Особенно опасен для него оказался бой против турок в Крыму, на берегу Черного моря, у деревни Алушты.

Турки высадили там десант с моря и стали наступать на русские позиции. Кутузов повел свой батальон навстречу врагу. Солдаты атаковали турецкий десант, многих перекололи штыками, остальных погнали к морю. Кутузов со знаменем в руках преследовал противника и в этот момент был тяжело ранен. Турецкая пуля пронзила ему голову. Правый глаз стал слепнуть. Врачи думали, что Кутузов умрет. Но могучий организм Кутузова победил смерть. Он выздоровел, окреп и, несмотря на потерю глаза, снова вернулся в строй.

Сейчас у Алушты стоит памятник на том месте, где, обливаясь кровью, упал молодой Кутузов, отстаивавший крымскую землю от врагов. Этот памятник оберегают местные жители, его видят пионеры, приезжающие в Артек.

В бою у турецкой крепости Очаков Кутузов был еще раз тяжело ранен — и снова в голову. И опять врачи не думали, что молодой офицер выживет; и опять Кутузов победил смерть. Его лечили в России, послали поправлять здоровье за границу.

Кутузов окреп и, пользуясь отпуском, ездил по странам Европы, изучал их историю и жизнь. Кутузов встречался с выдающимися учеными того времени, знакомился с достижениями науки, беседовал с иностранными полководцами, познавал их военное искусство, совершенствовал свои знания в языках. Больше всего Кутузов любил читать книги. Он стал образованнейшим человеком своего времени.

Все это очень помогло Кутузову впоследствии, когда он водил русские войска в Европейские походы. А пока Кутузов после окончания отпуска вернулся в Россию, снова стал в ряды Русской армии, и потянулись годы и десятилетия строевой и боевой службы.

Кутузов не сразу сделался знаменитым полководцем. Более сорока лет

провел он в походах и войнах, прежде чем стал главнокомандующим всеми вооруженными силами России.

За эти сорок лет он командовал ротой и батальоном, полком и дивизией, корпусом и армией.

Когда Кутузов достиг 45 лет и был уже генералом, командовал корпусом егерей, ему приказали участвовать в штурме турецкой крепости Измаил. Эта крепость на высоком и крутом берегу Дуная считалась неприступной. Она была обнесена высокими стенами, окружена глубоким рвом. Два ряда пушек торчали из бойниц, грозя каждому, кто захочет атаковать крепость.

«Крепость была, — как говорили тогда, — без слабых мест».

Много раз русские войска пытались взять Измаил и каждый раз терпели неудачу. Тогда к Измаилу прибыл Суворов, собрал к себе лучших генералов и вызвал своего любимого ученика Кутузова.

Суворов очень ценил и любил Кутузова за его храбрость, умение воевать и за ум. «Умен, умен, хитер, хитер, — никто его не обманет», — говорил Суворов о Кутузове.

Суворов поручил Кутузову вести на штурм Измаила колонну, выполнявшую труднейшую задачу на левом фланге армии. Суворов сам говорил: «Кутузов шел у меня на левом фланге, но был у меня правой рукой».

Холодным туманным декабрьским утром 1791 года Кутузов повел своих егерей на штурм Измаила. Его колонну встретил огонь орудий и град пуль, но Кутузов увлек за собой егерей и ворвался в глубокий крепостной ров. Отсюда егеря стали подниматься на крепостной вал, но были отброшены обратно на дно рва.

Турки сбрасывали на засевших во рву русских солдат бочки с горящей смолой, камни и бревна. Падали убитые и раненые егеря, и Кутузов запросил у Суворова поддержки. Тот не послал ему на помощь войска, а передал, что Кутузов уже назначен комендантом крепости Измаил.

Михаил Илларионович понял, что Суворов уверен в его успехе; уверен, что Измаил будет взят и Кутузов станет его комендантом. А коль скоро так, значит, надо взять крепость во что бы то ни стало.

Кутузов снова повел своих солдат на штурм крепостной стены. Егеря с боем, помогая друг другу, пробились штыками в крепость, и на ее улицах закипел кровавый бой. Дрались за каждую улицу, за каждый дом, врукопашную, штыками и прикладами, саблями и ножами, даже кулаками.

Навстречу колонне Кутузова пробились с разных сторон другие колонны армии Суворова — турецкий гарнизон был разгромлен, Измаил пал.

После боя Кутузов спросил Суворова, как мог он назначить коменданта крепости, когда она еще в руках противника.

Суворов ответил:

— Я знаю Кутузова, а Кутузов знает Суворова; если б не пал Измаил, Суворов умер бы под его стенами и Кутузов также. — И добавил: — Не было обороны отчаянней и крепости крепче, чем Измаил.

Кутузов стал комендантом Измаила. Он охранял со своим корпусом границы России на Дунае, потом на Буге, выслеживал и ловил шпионов, диверсантов, преследовал банды разбойников, которые пытались увести русских жителей за границу, в плен, в рабство, угнать скот, сжечь русские села и деревни. Долгие годы длилась эта трудная, боевая служба.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА КУТУЗОВА С НАПОЛЕОНОМ

Наступил 1805 год. Наполеон, который уже вел войны в Европе, стал угрожать и России. Русский царь Александр I не хотел уступать позиции России в Европе и, главное, Россия стремилась отразить угрожавшее ей нападение Франции.

Кутузов во главе русской армии двинулся в далекую Австрию, чтобы там воевать с Наполеоном. С первых дней войны армия Кутузова попала в тяжелое, очень опасное положение. Как мы уже знаем, войска Австрии, союзницы России, были разбиты французскими войсками, и армия Кутузова оказалась одна против сильнейшего врага.

Наполеон перешел в наступление, чтобы окружить и разгромить русскую армию. Кутузов отбил все атаки французов и мастерскими движениями увел свою армию за реку Дунай. Мало того, Кутузов при помощи военной хитрости заманил за Дунай целый французский корпус и разгромил его на глазах у Наполеона.

Французский император видел гибель своего корпуса и ничем не мог ему помочь.

Кутузов увел русские войска из-под ударов Наполеона, соединился с подошедшими из России резервами, и силы его сравнялись с силами Наполеона.

Теперь русская армия могла одержать победу над французской армией, а вместо этого на полях Австрии понесла поражение. Русскую армию повел на гибель не Кутузов, а сам царь Александр I.

Он приехал на фронт, оттеснил Кутузова от командования армией и стал командовать сам при помощи австрийских бездарных генералов. По их плану войска были заведены в район озер и оврагов, и там на них неожиданно обрушились войска Наполеона.

Александр убежал с поля боя и свалил всю вину за поражение на Кутузова. Он удалил замечательного полководца из армии. Преследуемый царем, израненный в боях, одиноко и грустно жил вдали от любимых войск Михаил Илларионович Кутузов.

Лишь через пять лет — в 1811 году, когда русские войска неудачно выступили против турецкой армии, Кутузову снова поручили командовать русскими дивизиями на Дунае.

Там, под крепостью Рущук, Кутузов окружил и взял в плен огромную турецкую армию во главе с ее командующим Великим Визирем Ахмет-беем. И, несмотря на эту новую победу, царь опять удалил Кутузова из армии.

У Кутузова, как и у Суворова, была одна судьба. Цари удаляли их из армии, забывали о них, когда не было войн, и снова призывали, когда России угрожала опасность, когда русской армии становились нужны талантливые полководцы.

Теперь, когда Наполеон взял Смоленск и стал приближаться к Москве, когда грозная опасность нависла над Петербургом, над всей Россией, Александр Первый вынужден был, вопреки своей воле, прислушаться к мнению армии и народа и назначить Кутузова главнокомандующим вооруженными силами России.

Старый полководец (Кутузову было в 1812 году 67 лет) быстро собрался и, меняя в карете шестерки коней, помчался к русской армии.

30 августа под Царево-Займищем Кутузов на небольшом донском коне появился перед войсками. Солдаты, завидев издали главного командующего, стали торопливо чистить обувь, строиться в ряды, а Кутузов, подъехав к строю, сказал:

— Не надо всего этого. Мне нужно посмотреть, здоровы ли Вы, дети мои. Солдату в походе не до щегольства. Ему нужно отдыхать после трудов и готовиться к бою.

Солдаты очень обрадовались, увидев любимого полководца. По всей армии разнеслась поговорка: «Приехал Кутузов бить французов».

И Кутузов верил в русские войска. Он писал своим родным в Петербург:

«Я нашел армию в полном духе, и хороших генералов много... Я полон надежды... Думаю исправить дела к чести России».

Но Кутузов сознавал всю опасность, грозившую Родине, и всю тяжелую ответственность, которая легла на его старые плечи. Узнав о падении Смоленска, он сказал:

— Ключ от Москвы взят.

Действительно, до Москвы оставалось уже менее 200 километров. Великая французская армия уменьшилась в числе, но в ней оставались отборные войска. Командовавший ими Наполеон был не только полководцем, но и французским императором и мог решать и делать все, что хотел. А Кутузов знал, что в Петербурге остался его личный враг, русский император Александр Первый. Кутузов понимал, что стоит ему хоть в чем-нибудь ошибиться, как царь опять прогонит его из армии. Огромная ответственность легла на плечи старого русского полководца, которому была вверена судьба России. И Кутузов не убоился этой ответственности. Кутузов решил дать Наполеону генеральное сражение.

ЕСТЬ ПОД МОСКВОЙ БОЛЬШОЕ ПОЛЕ

Поле, на котором разыгралось генеральное сражение Отечественной войны 1812 года, находится близ села Бородино, в 125 километрах западнее Москвы.

Это поле любит и знает наш народ. Из года в год, из десятилетия в десятилетие вот уже полтора века сюда идут люди, чтобы увидеть поле воинской славы России, поле, где решалась ее судьба.

И сейчас приходят на это поле труженики заводов и колхозов, учителя и школьники, ветераны войн и молодые солдаты, суворовцы и генералы, маршалы, награжденные орденами Суворова и Кутузова.

Сюда едут люди со всех стран мира. Во всем мире знают, как знаменит был полководец Наполеон, и все хотят подивиться на поле, где русские войска остановили победный путь завоевателя.

Пройдут годы и десятилетия, а люди новых поколений все равно будут приходить к селу Бородино, к полю всемирной русской славы. Они поднимутся на холмы, взойдут на древние курганы, и откроются им чарующие картины русской природы. Увидят они широкие долины и зеленые склоны высот, тихие реки и убегающие на запад и на восток дороги; откроются им дали, манящие туда, где голубое небо точно склоняется к земле, сливаясь с темнеющей грядой лесов.

Это Подмосковье. Здесь сердцевина нашей великой Родины. Сюда, к Москве, всегда рвались завоеватели. Бородинское поле лежит на путях к нашей столице, и потому на нем не раз гремели жестокие бои. Потому, наверное, и реки и ручьи, что текут по Бородинскому полю, называются: река Война, река Колочь, ручей Огник, ручей Стонец. Значит, и в незапамятные времена здесь воевали люди земли Московской и реку называли «Война»; здесь кололись и реку называли «Колочь»; здесь бились огнем, и потому ручей — «Огник»; стонали раненые, и стал ручей называться «Стонец».

И здесь же, на равнинах и холмах, решались судьбы России и всей Европы в 1812 году. Потому на высоте в деревне Горки близ села Бородина воздвигнут гранитный памятник с орлом, широко раскрывшим крылья, — здесь в

день Бородинской битвы был командный пункт командующего русской армии Кутузова. А на другом, на западном краю поля, за деревней Шевардино есть другая высота с каменным монументом. На ней в день Бородинской битвы находился командный пункт командующего французской армии Наполеона.

Памятники... памятники... памятники... Они стоят по всему полю, на высотах и холмах, как часовые. Их поставили в день столетия Бородинской битвы солдаты русской армии своим предкам, павшим в 1812 году.

С высоты у деревни Горки, если стать лицом к западу, хорошо виден справа крутой берег реки Колочь, прямо впереди лежит село Бородино, влево в центре поля деревня Семеновская, за ней Утицкий лес; между селом Бородино и Семеновской возвышается Курганная высота.

На военно-исторические карты мира навеки вписаны эти названия деревень, рек и высот.

Офицеры, посланные Кутузовым выбирать место сражения, остановились на Бородинском поле, потому что через него, сближаясь, идут от Смоленска к Москве Старая и Новая Смоленские дороги. Заняв здесь оборону, русская армия преграждала движение французской армии к Москве. Обороняться на этом поле было выгодно, потому что правая его часть прикрыта рекой Колочь, в центре командует над всем полем Курганная высота, в левой части поля высится холм у деревни Шевардино, а на Старой Смоленской дороге возвышается высота близ деревни Утица.

Эти высоты легко можно было укрепить, на них организовать оборону; равнины между ними были удобны для атак пехоты и конницы, в долинах ручьев и рек за высотами могли сосредоточиваться резервы, в лесах — располагаться лазареты.

Кутузов решил здесь дать сражение. Сюда отошла и заняла оборону русская армия.

ШЕВАРДИНСКИЙ БОЙ

Вслед за русской армией по Старой и Новой Смоленским дорогам шла французская армия. Ее главные силы двигались к Бородину по Новой Смоленской дороге, а по старой наступал корпус маршала Понятовского.

Французы выступили из леса у Новой Смоленской дороги, в верстах пяти от русской позиции, и увидели Шевардинский холм, на котором русские построили укрепление — редут.

Маршалы донесли Наполеону, что двигаться дальше без боя невозможно. С Шевардинского редута могли ударить ядра русских пушек. Оттуда могла атаковать вбок — во фланг русская конница. Перед редут, по оврагам, скрытые кустами, рассыпались русские егеря, державшие дорогу под обстрелом.

Император выехал вперед к опушке леса. Он осмотрел в подзорную трубу позицию русских и приказал атаковать редут у Шевардина.

35 000 солдат и 180 орудий двинулись с Новой и Старой Смоленских дорог, чтобы штурмовать редут справа и слева. Редут обороняли 12 000 русских солдат при 42 орудиях.

5 сентября 1812 года в 2 часа дня вспыхнул горячий Шевардинский бой.

На редуте засверкали огни, он окутался пороховым дымом, ядра русских пушек ударили по наступающим колоннам противника. Французская пехота остановилась. Вперед выдвинулись французские пушки. Более часу гремела пушечная канонада. Наполеону показалось, что его орудия подавили оборону русских, и он послал свои корпуса в новую атаку. Французов осыпали пули русских егерей, их встретили штыками гренадеры, рубили саблями русские гусары и казаки. Атака на редут была отбита.

В 5 часов дня французские маршалы снова с двух сторон повели войска в атаку и ворвались на редут. Но уже бежали им навстречу гренадеры, мчалась кирасирская дивизия, которую вел сам Багратион. Могучие всадники на огромных конях, одетые в кирасы, вооруженные тяжелыми палашами, смяли французов, а гренадеры штыками погнали их, выбили из редута, отбили деревню Шевардино.

Вскоре Багратион увидел новую опасность. Дело в том, что штабные офицеры, которым Кутузов поручил определить линию обороны, расставили вой-

ска так, что Старая Смоленская дорога осталась открытой. Противник, двигаясь по ней, мог обойти позицию русской армии и отрезать ее у города Можайска от Москвы.

Багратион донес Кутузову, что «левый фланг армии в величайшей опасности». Кутузов и сам увидел эту опасность и уже решил, что позади Шевардина, южнее деревни Семеновской, нужно строить новые укрепления — флеши. Он приказал отвести туда войска 2-й армии и закрыть старую смоленскую дорогу.

Но сделать это сразу нельзя было. Флеши еще строились, и пришлось продолжать бой до ночи. Но и ночью, стоило только войскам начать отход от Шевардина, как французы бросались в преследование. Они могли на плечах отходящих русских солдат занять флеши.

Уже близилась полночь, а оторваться от наседавшего врага все не удавалось.

Тогда командир Шевардинского отряда генерал Горчаков пошел на хитрость. Он приказал своим солдатам, стоя на месте, кричать «УРА», а барабан-

щикам, трубачам бить и трубить сигнал «В АТАКУ». Французские генералы решили, что русские снова атакуют, и прекратили наступление. Отряд Горчакова быстро снялся с позиции и отошел на флеш. А гусары и казаки, прикрывая отход, напали на французов с флангов, сковали их атакой.

Вокруг горели стога сена, пылали избы Шевардина. В отсвете пожаров проносилась конница, металась силуэты людей, сверкали сабли, щетинились штыки.

Как только гусары и казаки узнали, что Горчаков спокойно отошел, они мгновенно развернулись и ловко скрылись в темноте.

К оставленному русскими редуту подъехал окруженный свитой Наполеон. Пожары освещали тысячи убитых, раненых, разбитые орудия. Император смотрел на захваченный редут и снова, как и в Смоленске, не видел победы. Он приказал привести к нему русских пленных. Он хотел узнать у пленных, будут ли русские еще сражаться или отступят дальше. Маршалы ответили, что русских пленных нет. Русские в плен не сдавались. Даже раненые бросались на конвоиров, погибали, но пощады не просили. Бесстрашный генерал Колленкур сказал императору:

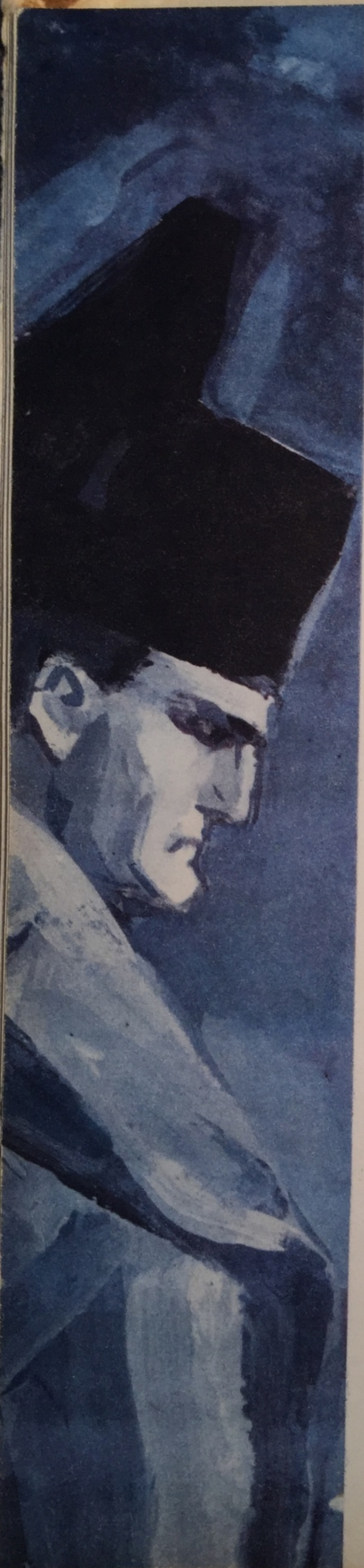
— Русского солдата мало убить, его еще и повалить нужно.

— Завтра я повалю их своей артиллерией, — пригрозил Наполеон, но сам он понимал, что на Бородинском поле его ждет опасное, тяжелое сражение.

Боем у Шевардина Кутузов выиграл время для постройки новых укреплений у деревни Семеновской, показал врагу силу своей армии. Но и русский полководец понимал, какое грозное испытание ждет его на Бородинском поле.

ПОЛКОВОДЦЫ ПЕРЕД БИТВОЙ

На следующий день, 6 сентября, боев не было, но и в этот день определялось, кто победит в сражении.

Военные специалисты часто говорят, что полководцы выигрывают бои до их начала. Это означает, что от того, какую полководец займет позицию, как расставит на ней свои войска, как решит действовать, какой отдаст приказ, зависит успех борьбы на поле боя.

Войска перед сражением еще не атакуют, не стреляют, но уже борются умы военачальников. Так было и перед Бородинской битвой.

Чего добивались полководцы в этой битве?

Наполеону нужно было атаковать русскую армию, разбить ее и сразу выиграть войну. Кутузову нужно было отразить атаки французской армии, нанести ей поражение и выиграть войну. Обе стороны искали победы.

А как этого добиться?

Штабы обеих армий вели разведку: старались выяснить, сколько у противника солдат, орудий, как расставлены его войска. И оба полководца вели рекогносцировку. Это означает, что командующие объезжают поле боя, определяют, где можно атаковать противника, как лучше действовать своим войскам.

На белой лошади в сопровождении свиты маршалов и генералов скакал вдоль поля Наполеон, а на другой стороне поля, также окруженный генералами, проезжал в открытой коляске Кутузов. Оба видели одно и то же поле у Бородина, и каждый по-своему думал.

Наполеон видел Старую и Новую дороги, что вели к Москве. Он видел в подзорную трубу русскую армию, закрывшую эти дороги. Эта армия заняла позицию от реки Москвы, вдоль реки Колоочь, через Курганную высоту, высоту у деревни Семеновской и далее через Утицкий лес на высоту у деревни Утица, что у Старой Смоленской дороги.

И думал французский полководец о том, где ему нанести главный удар по русской армии, чтобы ее разбить и открыть дороги на Москву, думал о том, в какое место сосредоточить для этого удара свои силы.

Наполеон нашел это место. Он и славился тем, что умел находить на поле боя решающее место, подводить к нему решающие силы и наносить в нужный момент решающий удар.

Император приказал собрать главные силы своей армии к Шевардину, оттуда ударить на флешу, прорвать там оборону русских войск, зажать их между реками Колоочь и Москва и там уничтожить.

Было, как будто, у Наполеона другое, еще лучшее ре-

шение. Он видел, что позиция русской армии заканчивается у Старой Смоленской дороги и, если там атаковать большими силами, можно обойти позицию русских, быстро достичь Можайска, где сходятся дороги на Москву, перехватить эти дороги, и тогда армии Кутузова придется сдаться в плен или погибнуть. Наполеон умел и любил обходить фланги противника, окружать его и уничтожать. Он много раз так достигал победы, выигрывал войны. И опытный маршал Даву советовал Наполеону обойти фланг русских войск.

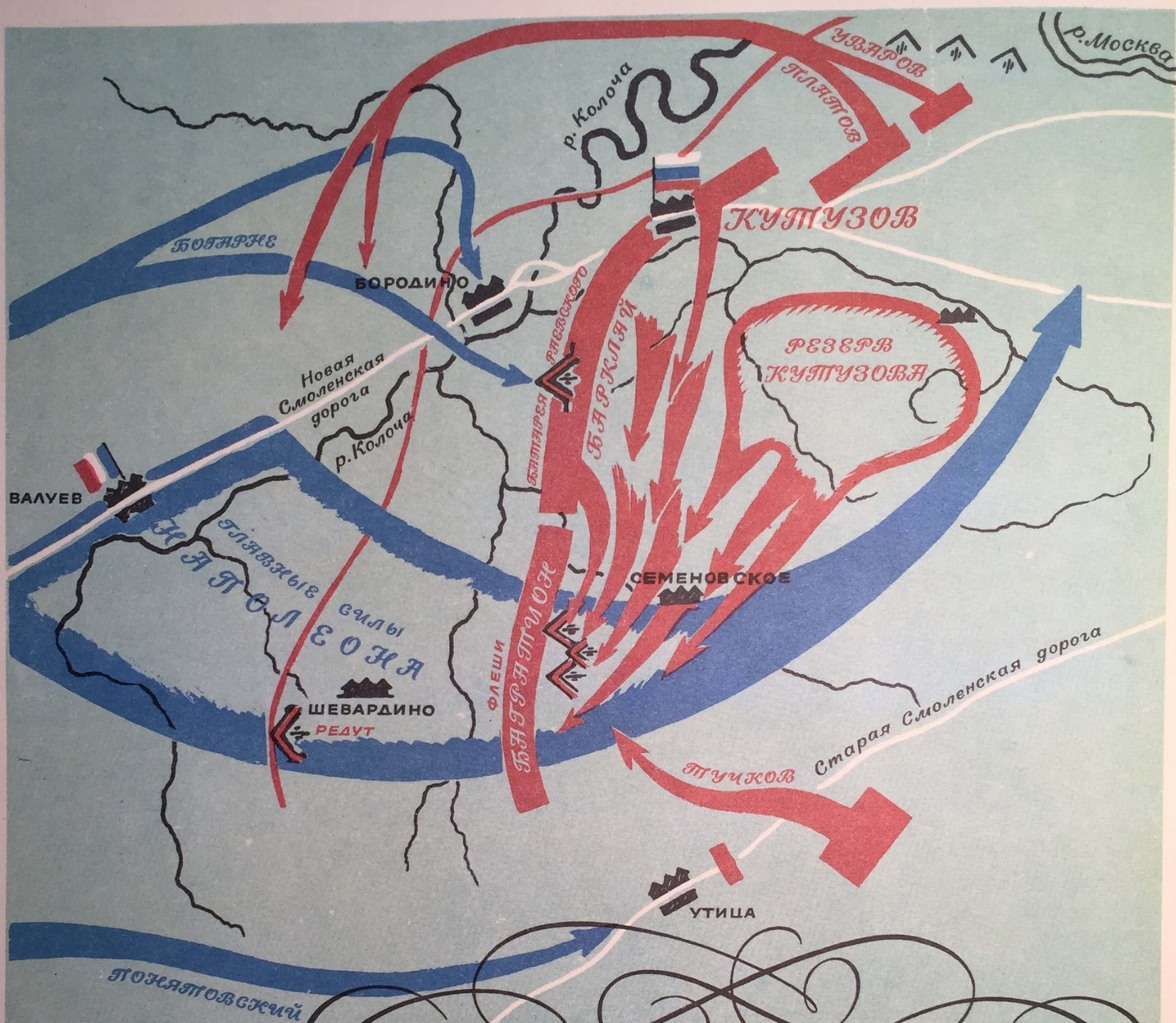
Но тут Наполеон ответил: «Этого нельзя делать. Если мы обойдем русских, Кутузов отойдет». Император уже знал, что и Кутузов был мастером маневра, он не раз обманывал французов и достигал успеха. А Наполеону нужно было сражение во что бы то ни стало, чтобы разгромить войска Кутузова и сразу выиграть войну. И он решился на фронтальную атаку позиции русской армии.

Что же должен был делать полководец русской армии Кутузов?

Тому, кто занимает оборону, бывает очень трудно решать боевую задачу. Инициатива всегда у наступающего. Это значит, что наступающий сам решает, как ему действовать. Он выбирает место, где нанести главный удар, и он же первым начинает бой тогда, когда ему, наступающему, это выгодно.

Следовательно, Кутузову надо было определить, где, какими силами и когда ударит Наполеон, а учтя все это, так построить оборону, так расставить свои войска, чтобы сорвать все замыслы противника. Особенно было трудно Кутузову, потому что нельзя было ему ошибаться. В этой битве решалась не только судьба русской армии и ее командующего, а и судьба всей России.

Русский полководец видел, что главные силы французской армии сосре-

ЗАМЫСЛЫ НАПОЛЕОНА И КУТУЗОВА ПЕРЕД БОРОДИНСКИМ СРАЖЕНИЕМ

точились у Шевардина против флешей, на которых заняла оборону 2-я армия Багратиона; видел нескончаемые колонны французов, тянувшиеся от Шевардинского кургана до леса на далеком горизонте. Все поле перед флешами, насколько охватывал глаз, было занято противником.

Казалось бы, против главных сил Наполеона Кутузову надо ставить и свои главные силы. Начальник штаба русской армии генерал Беннигсен так и советовал поступить. Но Кутузов решил иначе. То, чего не понимал генерал Беннигсен и не понимал маршал Даву, но то, что понял Наполеон, понял и Кутузов. Он понял, что Наполеон его обойдет по Старой Смоленской дороге, если русская армия расположится главными силами у флешей. А Кутузову нужно было, чтобы Наполеон не обходил русскую позицию, а наступал на нее с фронта, в лоб, неся при этом большие потери. Кутузов так и писал в Петербург:

«Я решусь на сражение, если не буду обойден. Ежели Наполеон будет маневрировать и обходить мою позицию, то я отведу войска и у Можайска закрою дорогу на Москву». Оба полководца разгадали замыслы друг друга. Вот почему Кутузов не стал просто загоразживаться от удара Наполеона. Нет, он сохранил за собой свободу действий, то есть инициативу. Если Наполеон будет его обходить, Кутузов свободно отойдет по широкой Новой Смоленской дороге, и французам придется все начинать сначала; если же Наполеон поведет фронтальную атаку на левое крыло русской армии, Кутузов переведет туда свои резервы и отобьет врага. Кутузов уверенно ждал фронтальной атаки французов, потому что верил в стойкость русских солдат, потому что верил в искусство командовавшего здесь обороной генерала Багратиона.

Мало того, Кутузов распорядился поставить скрытно у Старой Смоленской дороги целый пехотный корпус генерала Тучкова, приказав ему неожиданно ударить слева во фланг французам, когда те пойдут в атаку на флешы. К сожалению, решение Кутузова сорвал барон Беннигсен, который вывел корпус Тучкова из засады и поставил его открыто на Утицком кургане. Беннигсен, став начальником штаба русской армии, хотел занять пост Кутузова и часто мешал ему командовать.

Полководцы обдумали свои планы, расставили свои армии. У Наполеона было 135 000 солдат и 580 орудий, у Кутузова 120 000 солдат и 640 орудий. Орудий в русской армии было больше, и они были лучше французских, но солдат меньше, тем более, что среди них было 10 000 ополченцев, которые в сражении почти не участвовали.

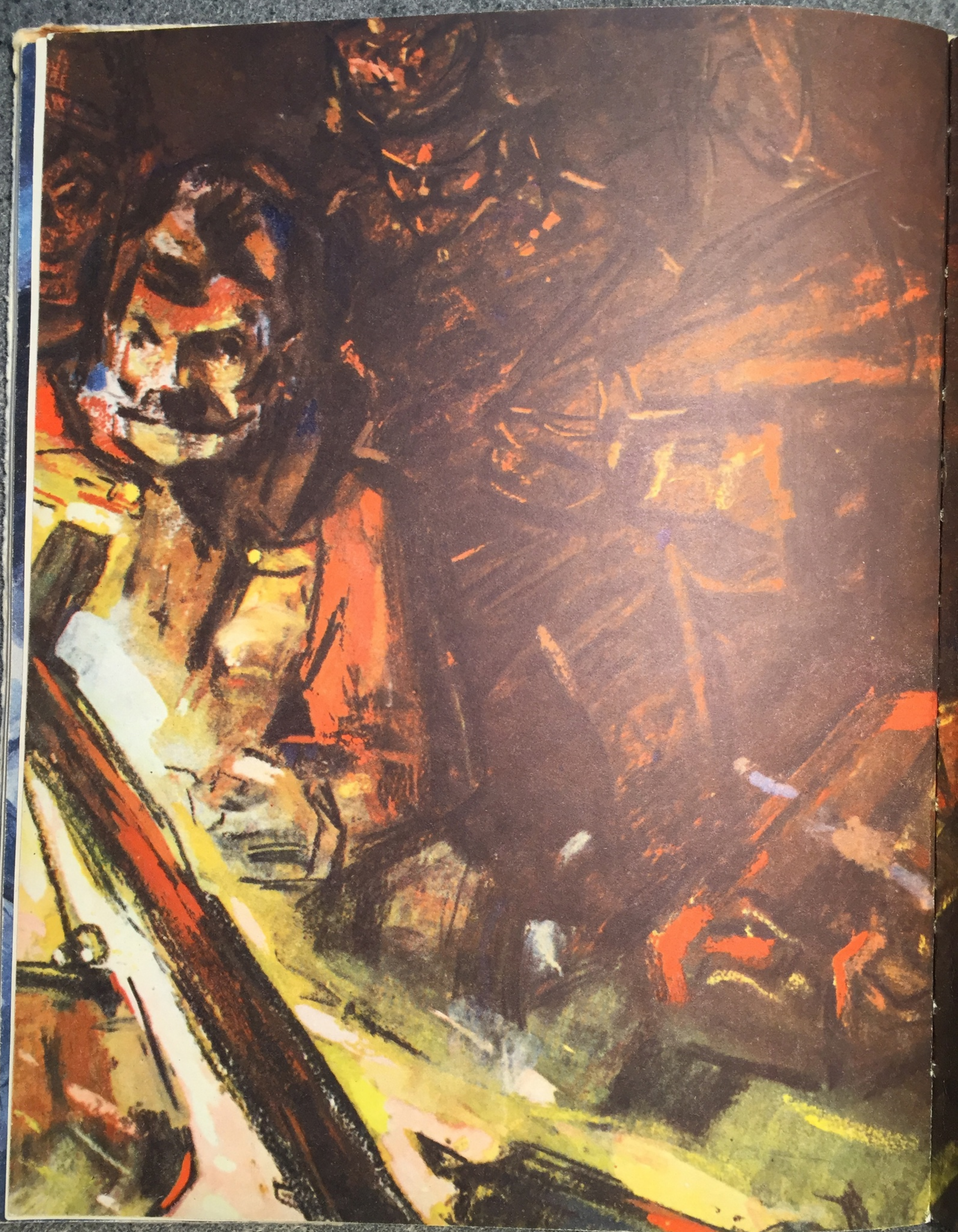
Кончился день 6 сентября, и над Бородинским полем медленно поплыла долгая осенняя ночь.

НОЧЬ НАКАНУНЕ БОРОДИНСКОЙ БИТВЫ

Над всем огромным лагерем русской армии воцарилась тишина.

Вечером среди полков еще разъезжали адъютанты Кутузова, проверявшие, как заняли войска свои позиции, затем и они исчезли.

У бивуачных костров почти никто не спал. Тяжкое это дело — ждать боя и знать, что многие не останутся в живых. В такие часы люди вспоминают свой дом, своих матерей и отцов, сестер и братьев и, конечно, своих жен и

дорогих детей. И люди помнят, что, защищая свою землю, свою Родину, они тем самым защищают и свою семью.

В суровом спокойствии готовились русские люди к сражению. Солдаты помнили слова Кутузова:

— Стойте, как часовые, позади Москва! — и готовились защищать Бородинское поле, не щадя жизни.

Десятки солдат, раненных на Шевардинском редуте, тайком покинули лазареты, вернулись в свои полки, чтобы участвовать в генеральном сражении.

Земляки просили тех, кто останется в живых, передать последний привет и наказ родным. Родственники и братья, служившие в разных полках, сходились и молчаливо прощались.

Многие чистили оружие, чинили амуницию или задумчиво глядели в темное небо, с которого падали осенние звезды.

К утру в русском лагере стало еще тише. Смолк приглушенный говор. Солдаты уснули.

В лагере французской армии с вечера ярко горели костры, солдаты пировали. Наполеон объезжал войска, они громко приветствовали императора. Но с каждым часом, приближающимся к началу сражения, французов все сильнее охватывала тревога. Днем французские солдаты видели, что все огромное поле Бородино, насколько мог охватить глаз, было занято русскими войсками. Их стойкость в бою все уже знали, и каждый француз понимал, что многим и многим не придется вернуться с этого поля сражения к своим бивуакам.

В тревоге был и французский император. Он жаждал сражения и боялся его. То ему казалось, что русские отходят без боя, а Наполеон хотел в этом сражении выиграть войну, и он выходил из палатки, вглядывался в огни русских бивуаков. То его одолевали сомнения: а что, если он не выиграет сражения, не выиграет войну?

В ту ночь не спал и Кутузов.

В пустом, брошенном обитателями доме в деревне Татариново он терпеливо ждал утра. Все приказы на сражение были отданы, но старому полководцу не спалось. Он медленно ходил по комнате, иногда садился к столу, на котором была разложена карта, и снова и снова думал о том, как сможет наступать Наполеон и как отразить его наступление.

С рассветом французские солдаты были уже на ногах.

Разрывая тишину полей, рокотали барабаны, и под их мерную дробь войскам читали воззвание императора. Он звал свои войска в сражение, обещал им победу над русскими, отдых и богатую добычу в Москве. И солдаты Великой французской армии поверили своему полководцу, с которым много раз побеждали армии европейских стран.

Адъютанты донесли Наполеону, что русские не ушли, что они занимают прежнюю позицию.

— Наконец, они попались! Идем открывать ворота Москвы! — воскликнул император.

Он сел на коня и поскакал к Шевардинскому кургану, на свой командный пункт.

Там его уже ждали маршалы и генералы, там стояли его корпуса и самая отборная часть его армии — императорская гвардия.

НАЧАЛО БОРОДИНСКОГО СРАЖЕНИЯ

Наполеон очень любил эти минуты перед сражением, когда по его приказу «Пойдите и принесите мне победу» войска устремлялись в наступление с криком «Да здравствует император!»

В эти же минуты на свой командный пункт в деревне Горки прибыл и полководец Кутузов.

Он оглядел в подзорную трубу Бородинское поле. В утренней мгле гасли костры и двигались люди. Вниз к Бородину, исчезая в тумане, убегала широкая светлая лента смоленской дороги. Над рекой Колоочь клубился туман. Медленно поднимаясь, он открывал поле с разноцветными пятнами войск, избы и церковь села Бородина.

Кутузов увидел свои позиции и стал спокойно ждать, как разыграется сражение.

ПЕРВЫЕ АТАКИ

Над Бородинским полем прогремел первый орудийный выстрел. И сразу загрохотали батареи по всему фронту — у деревни Горки, у села Бородино, у деревни Семеновской, за Утицким лесом и у деревни Утица.

Туман еще клубился над рекой Колоочь, когда французы, скрытые утренней мглой, внезапной атакой овладели селом Бородино. Они перебежали по мосту через Колоочь, двинулись в расположение русской позиции.

Им навстречу Барклай де Толли послал полки русских егерей. Егеря прижали противника к берегу реки, часть перекололи, другую часть погнали обратно за Колоочь.

Под пушечным огнем русские саперы взорвали мост, и больше здесь противник не смог пройти.

Атака на село Бородино должна была отвлечь внимание русских от главного удара французов на флеши у деревни Семеновской.

На флешах посыпался град ядер из 102 французских орудий. Под их прикрытием маршал Даву развертывал свой пехотный корпус для атаки. Одна его дивизия двинулась вдоль Утицкого леса, южнее (левее) флешей, построилась колоннами и устремилась на левую флешь.

Притаившись за бруствером, ждали противника русские артиллеристы. Все быстрее идут французы, их офицеры дают сигнал «БЕГОМ», все ближе они к флешам. И вдруг ударили десятки русских пушек, и флеша как будто выдохнула облака дыма; снова грянули пушки, и снова дым поплыл над полем, и раскаленные ядра обрушились на колонны врага.

Под маршалом Даву вздыбился конь, рухнул мертвым наземь. Даву был контужен, но вскочил и увидел, как его солдаты убегают от страшного артиллерийского огня русских.

Маршал обнажил шпагу, сигналами собрал к себе всех офицеров, построил одну дивизию в колонны и сам повел в атаку. Он достиг флешей, но уже бежали посланные Багратионом в контратаку полки 27-й дивизии Неверовского. Они отбросили дивизию Даву и погнали вниз в долину реки Каменки.

Наполеону доложили, что две атаки маршала Даву отбиты и русские сами атакуют. На помощь маршалу Даву Наполеон двинул в наступление корпус маршала Нея, корпус маршала Жюно и кавалерию маршала Мюрата.

Багратион донес Кутузову, что на флешах наступают подавляющие силы противника. Кутузов убедился, что главный удар французы наносят по армии Багратиона, и послал ему на помощь свои резервы. Но резервы были еще в пути, когда маршалы третьей атакой захватили флеша. Правда, ненадолго. И третью атаку отбил Багратион, но при этом погибла почти вся гренадерская дивизия генерала Воронцова, понесли потери дивизии Неверовского и кирасиры.

В это же время Наполеон начал свою первую атаку на Курганную высоту. На ней была сооружена батарея из восемнадцати орудий. Она была обведена бруствером высотой более двух метров, окружена широким рвом глубиной в два метра. Перед высотой были выкопаны волчьи ямы. (Это ямы, прикрытые сверху так, что их не видно. Люди, проваливаясь в них, не могут выбраться; кони, падая туда, ломают ноги.)

Вокруг высоты расположился пехотный корпус генерала Раевского, и потому батарею называли «батареей Раевского». Она была сооружена в ночь перед битвой, и французы о ней не знали. Они атаковали, но попали под прицельный огонь тяжелых пушек, понесли потери и отступили.

По батарее Раевского стали бить батареи противника, поставленные северней села Бородино.

После долгого артиллерийского огня французы снова повели штурм Кур-

ганной высоты. Опасна была эта вторая атака. Колонна за колонной, волна за волной шла с фронта на приступ пехота, с боков атаковала кавалерия. На бруствере закипела рукопашная борьба. Ров был полон раненых и убитых, а французы все лезли и лезли. Они ворвались на высоту, и там все смешалось. Погибло пехотное прикрытие батареи, погибали артиллеристы. Бригада французского генерала Бонами стала поднимать свое знамя на Курганной высоте.

В это время позади батареи Раевского долиной ручья Огник проезжали начальник штаба 1-й русской армии генерал Ермолов и начальник артиллерии генерал Кутайсов. Боевые генералы сразу поняли, что центр русской позиции прорван, что противник разрезает надвое русскую армию, и это грозит ей поражением.

АТАКИ ФРАНЦУЗОВ
НА ФЛЕМИ
И БАТАРЕЮ РЕЗЕРВНОГО

Генералы подняли стоявшие в резерве батальоны и повели в контратаку. На Курганной высоте с новой силой закипел рукопашный бой. Погиб в атаке молодой генерал Александр Кутайсов; даже тело его не удалось найти. О гибели генерала узнали, когда его конь прибежал с батареи в тыл без седока с залитым кровью седлом. Был ранен пулей в шею навывлет генерал Ермолов, но, не обращая внимания на боль, могучий генерал продолжал командовать атакой. Среди орудий дрался огромного роста, страшной силы полковник-артиллерист Костенецкий. Шпага в его руках сломалась. Костенецкий схватил банник — длинную крепкую палку, которой прочищали пушку, и, как дубиной, наносил удары. От каждого удара сваливался замертво француз. Тут же дрался солдат Ручкин, уничтоживший четырех французов, спасший своего полковника.

И здесь, на батарее Раевского, совершил подвиг фельдфебель егерского полка Золотов.

Он зорко оглядывался вокруг и увидел, что генерал Бонами пытается собрать своих солдат для новой схватки. Золотов, как кошка, прыгнул на спину французскому генералу, свалил его, связал при помощи своих товарищей и потащил с Курганной высоты. Солдаты Бонами, оставшись без командира, растерялись, вся бригада была разбита и бежала.

Золотов доставил пленного Бонами на командный пункт Кутузова. Главнокомандующий тут же произвел фельдфебеля в офицеры.

На защиту батареи Раевского подоспели соседние полки и погнались за зарвавшихся французов. Пехотинцы так увлеклись преследованием, что Ермолову пришлось даже послать казаков, чтобы те повернули их обратно.

Около 250 000 солдат двух армий шли колонна на колонну, шеренга на шеренгу, сталкивались грудь с грудью. Видны были прямоугольники пехоты, мчались вороные и белые, гнедые и серые кони с всадниками, одетыми в кирасы и каски, сверкающие медью на солнце.

Все выше и выше к зениту поднималось солнце.

Как всегда, в этот ясный сентябрьский день золотилась листва белых берез вдоль Смоленской дороги и вдали синели хвойные леса. Легкий ветер сгонял с голубого неба последние тучи. И только над Бородинским полем ветер не мог развеять серые облака порохового дыма, плотные тучи пыли, поднятой ногами людей, копытами коней.

Гром сотен орудий потрясал землю, и гул этой пальбы плыл по воздуху, долинами рек, на десятки километров окрест. И всюду русские люди, выйдя из домов, прислушивались к этому грозному гулу сражения, в котором решалась их судьба.

Близился полдень, и Наполеоном все сильнее овладевала тревога.

Много лет провел он в войнах, много дал сражений, и всегда его войска после первых атак сокрушали противника и на командный пункт императора волокли захваченные знамена, вели пленных, а свита поздравляла французского полководца с блестящей победой, войска кричали «Виват».

А тут прошел час, другой, третий... шестой — Наполеон ввел в сражение свои главные силы, а победы все не было.

И Наполеон почувствовал себя «как во сне, когда человеку представляется наступающий на него злодей, и человек во сне размахнулся и ударил своего злодея с тем страшным усилием, которое, он знает, должно уничтожить

его, и чувствует, что рука его, бессильная и мягкая, падает, как тряпка, и ужас неотразимой гибели охватывает беспомощного человека», — так писал об этом Лев Николаевич Толстой.

Наполеон уже не мог прекратить сражение. Ему нужна была победа во что бы то ни стало. Он снова и снова бросал свои войска под огонь русских батарей, под удары русской пехоты и кавалерии.

В четвертой атаке французы снова захватили флеши. Московский, Сибирский, Астраханский пехотные полки контратаковали и оттеснили противника.

За четвертой атакой последовала пятая. Французы опять появились на флешах. Их знамя уже поднялось на среднем укреплении. Это видел генерал Александр Тучков, спешивший со своей бригадой на помощь защитникам флешей. Схватив знамя бригады, Тучков бегом повел солдат в бой. Александр Тучков погиб в рукопашном бою, но его бригада освободила флешь, водрузила на ней свое знамя.

А в это же время, неподалеку от флешей, на Старой Смоленской дороге, пал смертельно раненный брат Александра Тучкова, командир корпуса генерал Николай Тучков. Его корпус стал отходить.

Все левое крыло русской армии было под сильнейшим натиском.

Тогда Багратион собрал все силы и опять погнал противника. Мюрат обнажил шпагу, остановил бегущих и повел их в новую атаку... Но сам чуть не попал в плен и, спасаясь, также ускорал.

Маршалы поняли, что атаками с фронта невозможно взять флеши Багратиона, решили их обойти по Утицкому лесу. Пехота маршала Жюно продвину-

лась из леса на поляну и повела шестую атаку на флеши, но была смята кирасирами. Жюно погнал свой корпус в седьмую атаку на флеши, но попал под контратаку Рязанского, Брестского, Минского и Кременчугского полков. Русские, украинцы и белоруссы загнали противника обратно в лес.

Шесть часов, не утихая, грохотали бои на флешах Багратиона. И не принесли французам успеха.

Наполеон не хотел мириться с неудачей. Он поставил против флешей 400 орудий, построил перед ними три пехотных и три кавалерийских корпуса, всего 45 000 солдат — в два раза больше, чем у русских, — и послал их в восьмую атаку на флеши.

Багратион видел, как сгущаются массы войск противника, как грозно двинулись они на флеши. Он вскочил на коня и сам повел кавалерию в контратаку. Карьером неслась русская конница на конницу французов. Сблизились. Сшиблись. Вокруг Багратиона падали убитыми свои и чужие всадники. Врач 2-й армии Гангарт, сопровождавший своего командира, упал на землю вместе с убитым под ним конем.

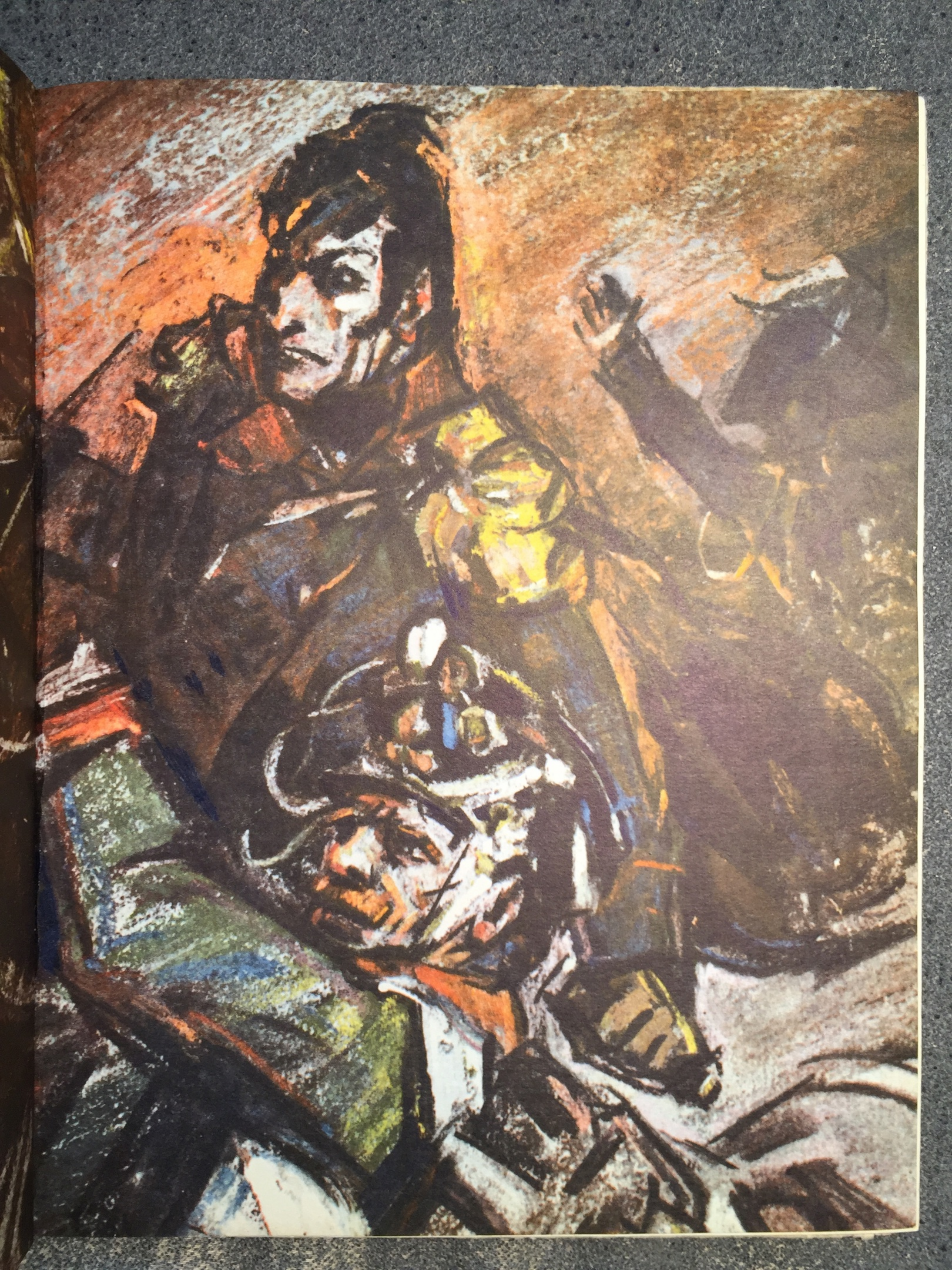
— Поднимите Гангарта, — приказал ординарцам Багратион и помчался дальше. Он помчался навстречу французским маршалам. Он еще ни разу не уступал им в боях. Он не сдал бы своих флешей и сейчас...

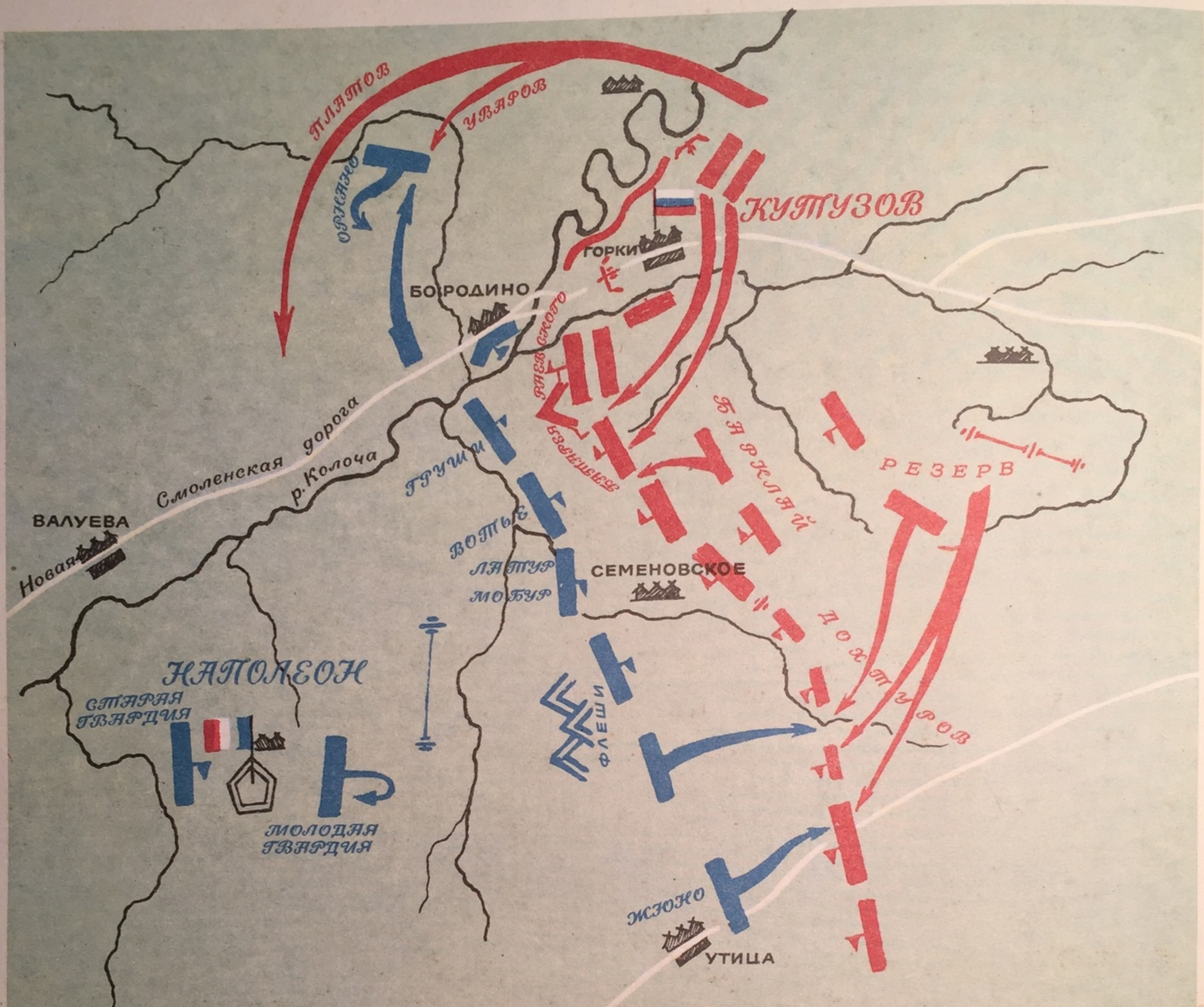
Вдруг осколок ядра раздробил Багратиону ногу.

Тяжелораненый генерал склонился к шее коня. Адъютанты подхватили Багратиона и осторожно повезли к деревне Семеновской.

ОБХОД ЛЕВОГО ФЛАНГА
ФРАНЦУЗОВ
ПЛЯТОВЫМ И УЗЯРОВЫМ

Он истекал кровью и тяжело дышал. Обожженное порохом лицо бледнело. С каждой минутой ему становилось все хуже.

Санитары опустили Багратиона на землю, разрезали сапог, начали перевязку. Багратион понял, что не сможет больше командовать войсками, и приказал передать Барклаю де Толли, что теперь он решает успех обороны. А Багратиона положили в коляску и медленно повезли в тыл.

Навстречу ему с развернутыми знаменами шли из резерва колонны русской конницы. Солдаты приветствовали своего любимого полководца. Превозмогая боль, Багратион поднял слабеющую руку, которая столько раз шпагой указывала войскам цель атаки.

К коляске приблизился унтер-офицер Андриянов. Любимый ординарец командующего 2-й армией, никогда не покидавший его в боях, теперь просил разрешения вернуться в строй.

Багратион молча кивнул головой. Андриянов привстал в стременах, отдал честь генералу, повернул коня и понесся догонять своих товарищей. Вместе с ними врубился Андриянов в колонну врагов, свалил одного, сбил грудью коня другого, схватился с третьим, мстя за смертельную рану своего командира.

С потерей командующего войска 2-й армии лишились руководства, стали отходить.

ОПАСНЫЙ МОМЕНТ СРАЖЕНИЯ

Наступил очень опасный для русских момент сражения.

Маршалы донесли Наполеону, что они захватили флеши, что русские отходят за Семеновский ручей, что видны уже тылы русской армии.

Маршалы просили императора бросить в наступление свой главный резерв — императорскую гвардию и ручались, что русская армия будет разбита и побежит.

Наполеону самому показалось, что он близок к полной победе. Он всегда ждал такого момента сражения, когда силы противника начинают сдавать, и тогда бросал в наступление свою гвардию. Гвардейская пехота довершала разгром, гвардейская кавалерия преследовала бегущего противника и полностью его уничтожала.

Наполеон думал, что этот решающий момент сражения, которого он так ждал, наконец, наступил и отдал приказ:

— Гвардию в огонь!

Мимо императора с приветственными кликами пошли в бой гвардейские полки.

И вдруг на командный пункт Наполеона к Шевардину стали прибывать из-за Бородина, с левого фланга французской армии, адъютанты на взмыленных конях и с тревогой произносили только одно слово:

— Казаки... казаки... казаки!!!

Оказывается, Кутузов, увидев опасность на своем левом фланге, бросил на левый фланг Наполеона казачий корпус атамана Платова и кавалерийский корпус генерала Уварова.

Массы русской конницы перешли севернее села Бородина реку Войну и

появились на фланге противника, угрожая его тылам. Оттуда стали разбегаться обозы, мчались по дорогам и без дорог повозки, кухни, фуры марки-тантов. Начала отступать пехота. Командовавший войсками левого фланга пасынок Наполеона Евгений Богарне, опасаясь казаков, укрылся в каре своей пехоты. Русская конница нагнала страху на противника. Паника катилась по тылам и стала распространяться в войсках.

Наполеон немедленно остановил наступление своей гвардии, в тревоге поехал сам на левый фланг своей армии, чтобы спасти там положение.

А Кутузов за это время подвел к левому флангу своей армии резервы, послал туда генерала Дохтурова, написав ему записку:

«Дмитрий Сергеевич, надо стоять до последней крайности».

Спокойный, мужественный, опытный генерал Дохтуров привел в порядок отошедшие от флешей русские войска и занял оборону на высоте у деревни Семеновской.

Так Кутузов вырвал победу, которую Наполеон, казалось, уже одержал на Бородинском поле, и она стала для французов невозможной.

ПОБЕДУ В БОЮ ДОБЫВАЮТ СОЛДАТЫ

Миновали два часа затишья на поле битвы.

Кутузов, добившись цели, решил поберечь свою конницу и отвел ее назад. Наполеон вернулся к Шевардину и возобновил атаки.

Снова закипели схватки, и опять судьбу сражения, судьбу России решали русские солдаты. И множество их покрыло себя неувядаемой славой.

С каждым часом битвы все больше потерь несла пехота, и все важнее становилась роль артиллерии, на которую опиралась оборона. На русские батареи все чаще нападали французы. Погибало пехотное прикрытие. Все меньше артиллеристов оставалось у орудий. И на них вал за валом катились вражеские атаки.

У артиллеристов, как всегда, было одно спасение: НЕ ТРУСИТЬ! Бить и бить из своих орудий. Бить чем чаще, чем прицельней, тем опасней для атакующих врагов.

На одной из батарей погибла почти вся артиллерийская прислуга, но уцелевшие канониры Иван Беляев, Иван Тюрин, Василий Крыгин бесстрашно, непрерывно вели огонь, и, не выдержав, покатились назад атакующая пехота противника.

Еще опаснее были атаки французской конницы. Бешеным аллюром мчалась она на батареи. С каждой минутой становились видней ожесточенные лица всадников, сверкающие клинки. Вот-вот налетят на батареи, станут рубить, топтать конями...

И снова спасает артиллеристов их стойкость и меткий огонь. Они бьют по коннице разрывными гранатами. Валятся кони, падают через их головы кавалеристы. Но уцелевшие рвутся вперед. Они уже рядом. Не дрогнув, бьют по ним в упор русские пушкеры Михаил Панков и Михаил Абрамов. И французы не выдерживают, поворачивают коней и удирают...

На одной из батарей в живых остался только артиллерист Дмитрий Иноземцев, уцелело одно орудие, и то с перебитым колесом. Иноземцев заменил колесо и продолжал вести огонь — сам подносил ядра, сам заряжал, сам наводил и стрелял по атакующим колоннам противника.

Прекращались атаки и контратаки, и с новой силой продолжалась артиллерийская дуэль.

Деятнадцатилетний артиллерист Владимир Павлов точно пристрелялся по вражеским батареям, и его ядра взорвали одиннадцать зарядных ящиков. От этих сокрушающих взрывов гибли французы, валялись мертвыми кони, опрокидывались вверх колесами орудия.

Обозленные французы отвечали бешеным огнем. Их гранаты падали среди зарядных ящиков русских батарей и в секунды, пока гранаты, вертясь, шипели перед взрывом, фейерверкеры Григорий Березин, Степан Лукьянов успевали их отшвырнуть.

Все чаще стали бить французские орудия. А потом снова налетела французская кавалерия и ворвалась, наконец, на русские батареи. На выручку своих орудий прискакали драгунские эскадроны и погнались противника. Французские всадники шпорами кололи бока коней, били их ножнами сабель, чтобы скорей ускакать под прикрытие своих орудий. Но неотвязно мчались за ними русские драгуны. На плечах бегущих ворвались в расположение врага, и вот

уже драгуны Николай Привалов и Фома Дрига спешили, повернули французские пушки и стали бить из них по французам.

Опомнились французские кавалеристы, снова строятся к атаке. Теперь русским драгунам надо спешно уезжать под прикрытие своих войск, а жаль оставлять захваченные французские пушки. Хорошо бы их увезти с собой. Но перебиты артиллерийские лошади, а на своих ничего нет, кроме седел. Находчивы драгуны. Трофим Ляхов, Григорий Верига, Лаврентий Синельников, Карп Томенко, Леонтий Сторожев туго подтягивают подпруги седел, привязывают орудийные постромки к стремянам, вскакивают на коней и увлакивают французские пушки из-под носа у французов.

Противник снова атакует. И опять в расположении русских войск возникают опасности. Первый удар атакующие всегда наносят по офицерам, чтобы лишить войска командиров. Офицер, особенно в рукопашном бою, не только командует, но сражается и сам. Ему некогда думать о защите своей жизни. Об этом всегда должны думать его подчиненные. Будет жив офицер, значит, крепче будет оборона, успешней атака, а погибнет командир — рассыпятся роты, батальоны, отступят полки и дивизии. Поэтому первые удары наносит

враг по офицерам. Солдаты знают об этом и стараются оберегать своих офицеров.

В рукопашном бою француз уже нацелил штык в грудь поручика Алексеенко, но ловким ударом солдат Семен Лукьянчик отбил штык, уничтожил врага, спас офицеру жизнь. Другой француз замахнулся штыком на майора Пушкина, и нет уже времени бить по врагу, еще миг — и погибнет офицер; но доли секунды было достаточно солдату Афанасию Стрелкову, чтобы броситься вперед и заслонить своей грудью офицера. Солдат Стрелков погиб, а майор Пушкин ударом шпаги заколол убийцу и, собрав свой батальон, продолжал руководить боем. В другом месте французы окружили капитана Задонского, оглушили его, поволокли в плен. Это увидел рядовой Василий Бескоровайный, крикнул:

— Братцы, не выдавай командира! — бросился с товарищами на выручку.

Солдаты прикладами и штыками разметали противника, вырвали у французов из рук офицера Задонского.

Невозможно перечислить всех, кто геройски сражался на Бородинском поле. Их были тысячи... тысячи... тысячи...

Это они, русские солдаты, выполняя приказы своих командиров, своего полководца Кутузова, наносили тяжкие удары по врагу, срывали планы Наполеона.

Миновал полдень, с каждым часом таяли ряды войск. Уже захватил Наполеон флеши, высоту за деревней Утица, Бородино, и опять казалось ему, что близится победа.

И маршалы доносили, что они уже вышли на фланг русской армии, что нужен еще один сильный удар и конница пойдет по тылам русской армии. Это значит, что французская конница атакует русские войска сзади, захватит их резервную артиллерию, обозы, затопчет раненых, лежащих возле лазаретов, выйдет на Новую Смоленскую дорогу и отрежет всю русскую армию от Можайска, от Москвы. Наполеон поверил своим маршалам и приказал кирасирским корпусам атаковать русских на Семенов-

ских высотах во фланг и в тыл. Кирасирские корпуса считались тяжелой кавалерией. В ней были громадные кони, в нее отбирались самые высокие и сильные всадники, они надевали медные нагрудные кирасы и медные шлемы, были вооружены тяжелыми палашами. Никто, казалось, не мог устоять под ударами «железных всадников».

Вот эти кирасирские дивизии и пошли в атаку на ослабленный фланг русской армии. Они прошли долиной Семеновского ручья, стали подниматься на отлогий берег. Все быстрее и быстрее нарастал бег их коней, дрожала, гудела земля под тяжким скоком тысяч и тысяч копыт.

Сверкающие под солнцем лавины всадников затопили Семеновские высоты, на которых стояли всего четыре гренадерских полка — Московский, Измайловский, Литовский, Финляндский. Казалось, их сомнет и раздавит кирасирская атака.

Но что это? Кирасиры наскочили на русских grenадер и отскочили назад. Снова, разогнав лошадей, налетели и снова отпрянули.

Полки русских grenадер построились в каре — в строй, при котором батальоны становятся в четырехугольник и каждая сторона обращена лицом в поле, и каждая сторона ведет огонь, и каждая сторона ошетичилась штыками.

С какой стороны ни налетали кирасиры, их встречали ружейные залпы и острые штыки. Непоколебимо стояли каре русских grenадер.

Сейчас на этом месте возвышается монумент. Он врос основанием в землю, квадратный, гранитный, неприступный, напоминая, что 150 лет тому назад здесь, как гранитные утесы, стояли русские полки.

РЕДУТ СМЕРТИ

Все сумрачнее становился Наполеон. У французского полководца оставалась последняя надежда: взять батарею Раевского, захватить, наконец, центр русской позиции, рассечь надвое русскую армию.

Он понимал, что до тех пор, пока Курганная высота с ее редутом и орудиями, возвышающаяся над Бородинским полем, не будет взята, победа над русскими невозможна.

В двух атаках на батарею Раевского уже полегли отборные полки французской армии, и потому солдаты называли батарею «редут смерти».

Наполеон вызвал одного из лучших своих генералов — командира кирасирского корпуса Коленкура и приказал взять Курганную высоту.

— Я буду там живым или мертвым, — поклялся Коленкур императору.

Коленкур повел свой корпус в бой, обскакал батарею стороной и стремительно ринулся на нее с тыла. Издали казалось, что небывалая змея, сверкая чешуей, вскочила на Курганную высоту.

Защитники батареи не смогли отразить этот неожиданный удар с тыла, потому что в то же время с фронта батарею атаковала французская пехота.

Героически дрались и погибли у орудий русские артиллеристы; героически дрались и почти все погибли защищавшие высоту пехотинцы 24-й дивизии генерала Лихачева. Сам Лихачев, раненый, пошел на штыки французов.

Коленкур сдержал свое слово. Он захватил Курганную высоту и погиб на ней. В третьей атаке погибло столько кирасир, что «редут смерти» называли также «могилой французской кавалерии».

ЧТО ДЕЛАТЬ ПОЛКОВОДЦУ КУТУЗОВУ? ЧТО ДЕЛАТЬ ПОЛКОВОДЦУ НАПОЛЕОНУ?

В это время в деревню Горки на командный пункт Кутузова прискакал с донесением от Барклай де Толли полковник Вольцоген.

Он доложил Кутузову, что батарея Раевского пала, фронт русской армии прорван и что Барклай советует приказать русским войскам скорее отступить.

Что было делать полководцу Кутузову?

Он и сам знал, что все укрепления русской позиции — и флеши Багратиона, и батарея Раевского, и Утицкий курган, и деревня Семеновская, и село Бородино взяты противником; знал он, что командующий 2-й армией генерал Багратион смертельно ранен и унесен с поля сражения, а теперь командующий 1-й армией генерал Барклай требует спешного отступления.

Но знал полководец Кутузов и русских солдат.

Пятьдесят лет водил он их в войнах, много раз видел, как они храбро дрались в самых гибельных боях, и знал, что русские солдаты не побегут с Бородинского поля.

Кутузов не отдал приказа отступать. Он приказал готовиться к контрнаступлению. По этому приказу русская армия стала строиться к бою на новой позиции, позади батареи Раевского.

Тогда же на командный пункт Наполеона приехали его маршалы. Они

настойчиво просили послать в бой императорскую гвардию, ручались, что русские будут разбиты и побегут.

Наполеон не хотел посылать в бой свой последний резерв — императорскую гвардию. Маршалы настаивали и, уступая им, император сел на коня, поехал к батарее Раевского.

Он увидел, как по приказу Кутузова на новой позиции строятся для боя русские войска. И то, что не понимали французские маршалы, чего не понимал Барклай де Толли, но что понимал Кутузов, понял и Наполеон: он понял, что русские не побегут — они готовы стоять насмерть.

— Я не могу рисковать своей гвардией, своим последним резервом за три тысячи километров от Парижа, — сказал Наполеон.

Он приказал отвести войска с Бородинского поля.

Французский полководец возвращался с Бородинского поля, на котором он оставил убитыми и ранеными 58 000 солдат и 49 генералов. Победы не было!

Страшен был, как писали очевидцы, вид воспаленного лица императора, глаза его блуждали, сгорбленная фигура выражала усталость и безнадежность.

НОЧЬ ПОСЛЕ БОРОДИНСКОЙ БИТВЫ

К ночи угасли бои на всем фронте. Армия Наполеона оставила Бородинское поле и отошла на запад. Ее солдаты вернулись на те же места, с которых они пошли в яростные и бесплодные атаки.

Армия Кутузова заняла позиции восточнее села Бородина. Ее передовые части вышли на Курганную высоту, к деревне Семеновской, казаки добрались даже до Шевардина.

Знаменитое с того дня поле у села Бородина затихло.

Над ним взошла луна и сквозь разорванные облака, точно единственный глаз неба, глядела на страшную картину битвы.

Трупы, трупы лежали грудami, валялись в одиночку на равнинах, на холмах и скатах высот. Тысячи раненых, снесенных в долины рек, к ручьям, опушкам леса стонали, проклинали Наполеона, его войну, звали родных. Но родина солдат французской армии была далеко — позади находился Гжатск, а не Париж.

Недвижно было все на поле битвы. Только кони, потеряв всадников, бродили точно силуэты, ища траву, не политую кровью, или тянулись к реке Колочь на водопой. Мелкая ее вода, окрашенная кровью, обтекала убитых, шевелила их одежду и, рябась на перекатах, тихо колыхала брошенные кивера.

Чем ближе к утру, тем злее становился холод, все сильнее дул ветер, и под его осенний свист умирали тяжелораненые солдаты.

Затихла битва. Но незримо и беззвучно бились в часы той ночи мысли полководцев.

Впервые за десятилетия войн видел Наполеон поле, на котором за десять часов битвы пало с двух сторон 100 000 человек. Впервые не несли ему трофейные знамена, не вели пленных, не слышно было вокруг него ни лести, ни победных кликов.

Все войны, которые он вел, решались победой в одном сражении, как он

говорил, «одним ударом грома». А тут французские войска не только не разбили русских, а сами отступили.

Не мог Наполеон не понимать, что проиграл он на Бородинском поле не только битву, но и всю войну.

За Бородинским полем, в доме села Татариново, сидел в раздумье Кутузов. Он не раз видел перед собой бегущего врага, сам познал горечь поражения под Аустерлицем, умел слушать грозную музыку войны и понимал, что русская армия нанесла врагу на Бородинском поле непоправимое поражение.

Но и русскому полководцу доложили, что его армия потеряла 44 000 солдат убитыми и ранеными, что убиты начальник артиллерии генерал Кутайсов, братья Тучковы, унесен с поля боя тяжелораненый Багратион, что выбыли из строя двадцать три русских генерала. И полководец понимал, что завтра нельзя давать Наполеону новое сражение.

Мысль великого русского стратега поднялась в ту ночь над полем Бородинского сражения. Он видел Францию, Европу, свежие корпуса Наполеона между Неманом и Бородином. Но он видел и бескрайние просторы России, видел ее могучие силы.

Полководец Кутузов понимал, что война двух таких титанов, как Россия и Франция, не решается одним сражением, что «когда дело идет не о славе выигранных баталий, но об уничтожении всей армии врага», нужны новые тяжелые удары.

Кутузов верил, что победа впереди, и, полный веры в нее, повел свои войска на соединение с главной силой, несущей победу — с могучими резервами народа.

КУТУЗОВ НА ПОКЛОННОЙ ГОРЕ

Русская армия, оставив Бородино, отходила к Москве. Вслед за ней медленно, нерешительно, точно ощупью, двигалась армия Наполеона.

Ясным сентябрьским днем Кутузов со штабными командирами поднялся на Поклонную гору, что высится перед Москвой у Можайской дороги.

Древняя столица России, хорошо видная с вершины горы, блестела под сентябрьским солнцем окнами домов, сверкала золотыми куполами церквей.

Кутузов должен был тогда, 13 сентября 1812 года, решить: защищать ли Москву или сдать ее без боя Наполеону. Мало, кому приходится решать такие мучительно трудные задачи, какие решает полководец, которому доверены судьбы страны.

Кутузов знал, что народ и армия видят в нем спасителя России, ждут, что он поведет войска в новое сражение под Москвой и не пустят врага в любимую столицу. Армия и жители Москвы готовы были сражаться у ее стен. «Лучше умереть под Москвой, чем отдать ее неприятелю», — говорили солдаты.

Все это подсказывало Кутузову, что надо дать сражение под Москвой и, если придется, то дать самый кровавый бой на улицах города.

В этом бою можно было потерять всю армию. Но ее можно было потерять и без боя, сдав Москву. С падением Москвы в армии могла упасть дисциплина, солдаты перестали бы верить в победу, перестали бы верить ему, полководцу Кутузову; а без этого армия не может побеждать.

Знал также старый полководец, что, если он сдаст Москву, царь Александр может прогнать его с поста главнокомандующего, как уже не раз прогонял его из армии. И если царь все же вынужден был вопреки своему желанию в 1812 году снова призвать Кутузова командовать русскими войсками, то теперь охотно мог обвинить его в том, что Кутузов боится Наполеона и потому сдал Москву без боя, и тогда старому полководцу, отдавшему всю жизнь военной службе, придется навсегда уйти из армии и умереть с позорным пятном виновника поражения России.

О защите Москвы говорили и штабные генералы, среди которых были любимцы царя и недруги Кутузова.

По всем соображениям, Москву надо было защищать. Но великий полководец всегда видит не только данное поле битвы, не только цель ближайшего сражения, — он видит, как можно выиграть всю войну, и Кутузов был таким полководцем.

Кутузов видел, что позиции, выгодной для обороны Москвы, не было; не оказалось и резервов: царь и губернатор Москвы Растопчин обещали их прислать для защиты столицы, но не прислали.

И мысль полководца все время напряженно искала выхода из труднейшего положения, в котором оказалась армия, Россия; искала единственно верного решения.

Полководец был готов пойти против желания царя, вопреки настроению армии и народа, которые готовятся Москву оборонять, но повести дело так, чтобы в конце концов разгромить врага и спасти Россию.

Он понял, что для этого необходимо прежде всего выиграть время.

Из опыта войны с Наполеоном было известно, что французский полководец всегда побеждал в одном решающем, генеральном сражении, но на этот раз он не достиг у Бородина такой победы.

Было ясно, что русская армия у Бородина нанесла страшную рану французской армии. Однако у Наполеона оставались еще сильные резервы — поэтому нужно время и нужны новые сражения, чтобы сокрушить силу Великой французской армии.

А для новых сражений необходимо мобилизовать силы России, нужно, чтобы эти силы успели подойти на помощь армии. Значит, опять требуется время.

Есть ли смысл при таком положении защищать Москву, принесет ли русским это сражение спасительную победу, когда позиции, выгодной для обороны столицы, нет и отсутствуют резервы?

Кутузов ясно сознавал, что сражение под Москвой было бы губительно для русской армии. И как это ни горько было старому полководцу, но он не находил иного решения, как сдать Москву без боя.

Кутузов хорошо знал свою армию, свой народ. Он надеялся все же, что сдача Москвы не испугает русских солдат и они будут верить, что старый полководец ведет их к победе.

Он понимал, что свободолюбивый русский народ не покорится завоевателю, в конце концов победит. Он верил в силы России, в силу ее народа, но сейчас все зависело от того, какое он, Кутузов, примет решение. И мысль русского полководца неизбежно приходила к одному выводу: Москву нужно оставить.

Нужно увести русские войска в такой район, где солдаты могли бы отдохнуть, куда бы подошли резервы страны и откуда, в то же время, можно было бы снова и снова наносить удары по врагу.

«Надо непременно, — думал полководец, — прикрыть этот замысел военной хитростью, чтобы до поры до времени его никто не разгадал».

Если и раньше Кутузов говаривал, что «подушка, на которой спит полководец, не должна знать его мыслей», то теперь он тем более скрывал свои планы. Он знал, что за ними охотились не только французские шпионы, но и ставленники царя, сидевшие в штабе армии, способные разболтать эти планы и готовые столкнуть старого полководца с поста главнокомандующего, чтобы занять его место.

Таким ставленником царя был прежде всего начальник штаба армии барон Беннигсен, доносивший Александру Первому о каждом шаге Михаила Илларионовича.

Стоя на Поклонной горе, Кутузов в глубоком раздумье глядел на старейшую столицу России, на родную Москву, огромную и величественную. Вокруг над осенними полями царила чарующая тишина, в воздухе и на жнивье серебрилась под солнцем осенняя паутина, рядом среди лип приютилась деревушка Фили, и невыразимо тяжело было русскому полководцу отдавать родную землю иноземному захватчику.

Поодаль от Кутузова генералы обсуждали позицию, избранную Беннигсеном для обороны Москвы, и признавали ее негодной для сражения.

Барклай де Толли, опытный и честный, несмотря на мучившую его лихорадку, сел на коня и еще раз объехал позицию.

Вернувшись, он указал Беннигсену, что на ней невозможно обороняться, и доложил об этом Кутузову. Беннигсен сделал вид, что изумлен этим заключением, и обещал еще раз осмотреть позицию, но так и не сделал этого.

Судьбу Москвы окончательно должны были решить на военном совете в Филях.

ВОЕННЫЙ СОВЕТ В ФИЛЯХ

В 5 часов пополудни в деревне Фили, в чистой избе крестьянина Фролова, собрался военный совет. Вокруг стола с военной картой разместились военачальники.

Здесь были генералы Барклай и Раевский, Дохтуров и Ермолов, Коновницын, Уваров, Платов, полковник Толь и другие опытные храбрые командиры корпусов, дивизий русской армии, ее лучшие штабные начальники.

На военном совете Беннигсен поставил вопрос: сразиться ли под стенами Москвы или сдать ее неприятелю?

Кутузов сердито прервал его, указав, что обсуждать нужно иной вопрос: рисковать ли потерей всей армии и Москвы, приняв сражение на невыгодной позиции, или сдать Москву без сражения.

Один за другим генералы подавали советы.

Беннигсен настаивал на сражении под Москвой. Этот коварный хитрец был в выгодном положении: если русские победят, он окажется прав, настаивая на

сражении; если же русские понесут поражение, в этом будет виноват Кутузов как главнокомандующий.

Барклай де Толли предложил сдать Москву и отступить по дороге на Нижний Новгород (теперь это город Горький).

Толь советовал сразу, без боя, отойти на Калужскую дорогу.

Было мнение отойти на город Тверь (теперь это город Калинин).

Раевский предложил не отступать и не обороняться, а немедленно наступать на запад, навстречу Наполеону.

Вот сколько разных предложений высказали генералы на военном совете в Филях. Какое же из них было верно? От верного решения зависела судьба Москвы, судьба России.

Беннигсен был не прав, потому что на плохой позиции без резервов была бы разбита русская армия, потеряна Москва и Россия проиграла бы войну.

Барклай как будто был прав, потому что, отходя на Нижний Новгород, русская армия сохраняла связи с Петербургом и другими краями России. Но он не учитывал при этом, что Наполеону оставались открытыми пути на Тулу и Брянск, где были тогда военные заводы России, и на Калугу, где находились запасы провианта и боеприпасов русской армии; а, главное, Наполеон сохранял бы дороги на запад к своим резервам и на юг и на юго-запад в неразоренные войной губернии России.

Неправильно было бы отступать на Тверь, хотя в этом случае прикрывался Петербург — столица России, и царь был бы доволен, но все районы России оставались для Наполеона открытыми.

Казалось, был прав Толь, предлагая отойти на Калужскую дорогу, потому что этим прикрывались города Калуга, Тула и Брянск, Наполеону закрывались пути на юг и юго-запад России. Но... переход сразу от Москвы на Калугу был бы тут же замечен французами, и Наполеон продолжал бы преследовать русскую армию, не дал бы ей возможности отдохнуть, окрепнуть, собраться с силами.

Отвергли и смелое, но отчаянное предложение немедленно атаковать французскую армию, потому что к Наполеону могли спешно подтянуться корпуса Шварценберга, Ренье, Виктора, не участвовавшие в Бородинском сражении, а к Кутузову новых сил пока не поступило, и русская армия была бы разбита в неравном бою.

Какое же предложение должен был принять полководец Кутузов? Как решить стратегическую задачу? Какой отдать приказ войскам?

От этого зависела судьба армии и Москвы, судьба России! Кутузов выслушал мнения генералов и заявил:

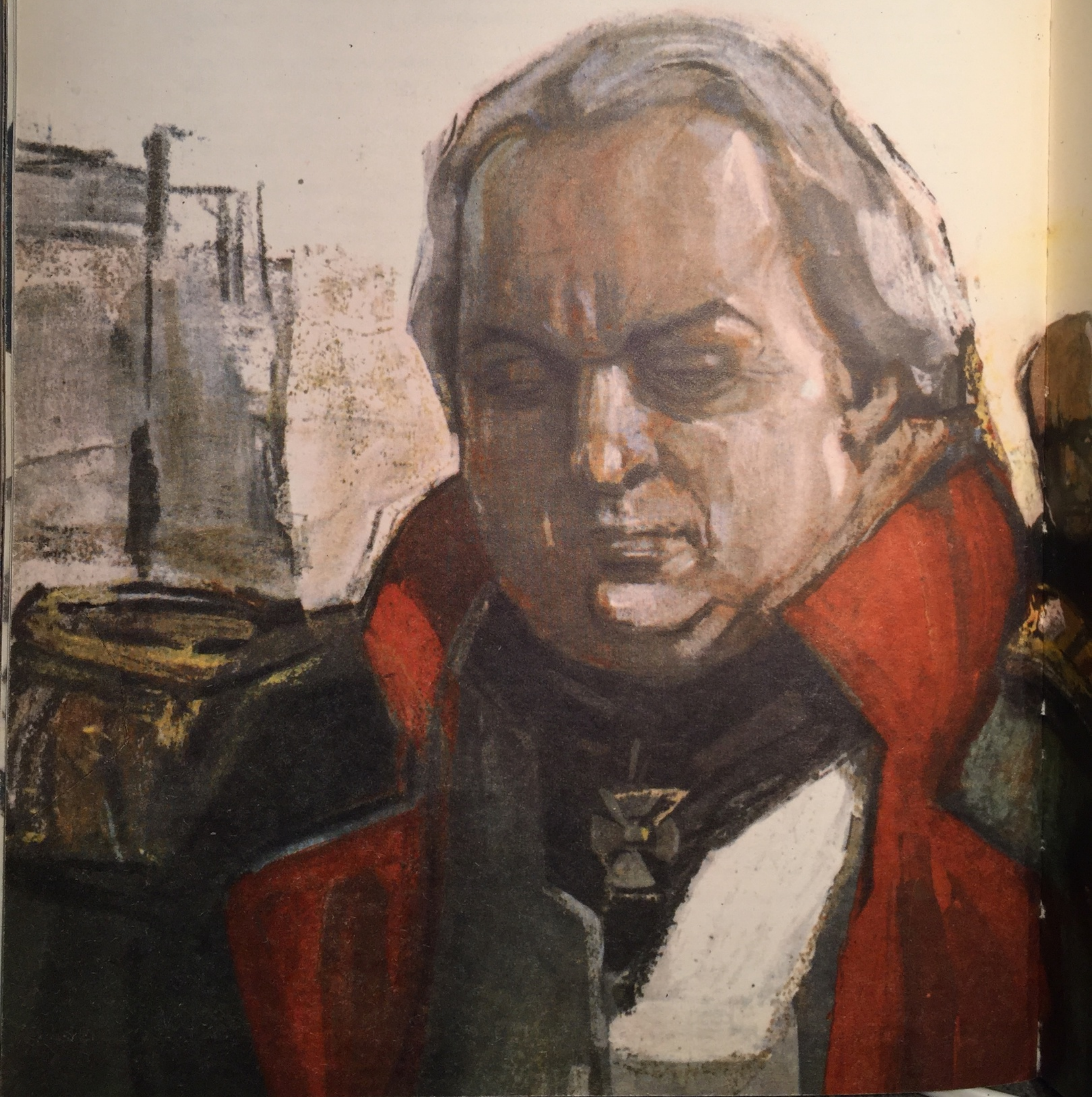
«С потерей Москвы не потеряна Россия. Первою обязанностью поставляю сохранить армию и сблизиться с войсками, идущими к нам на подкрепление. Самим уступлением Москвы приготовим мы гибель неприятелю. Из Москвы я намерен идти по Рязанской дороге. Знаю, ответственность обрушится на меня. Но жертвую собой для блага отечества. Приказываю отступать».

Генералы были изумлены: отход по Рязанской дороге не сулил как будто бы никаких выгод.

Отступая на Рязань, русская армия открывала французам пути на Петербург, Тулу, Брянск и Калугу, во все почти районы России — на север, юг и

запад; а на востоке, на Рязанской дороге, куда должна была отойти русская армия, как будто и нечего было прикрывать.

Кутузов отдал приказ и поднялся, дав понять генералам, что военный совет окончен.

Молча, не глядя друг на друга, разъехались генералы к своим войскам.
Кутузов остался один. Что пережил он в ту ночь?

Говорят, что иногда из его комнаты доносились глухие, сдерживаемые рыдания; говорят, что он всю ночь не спал и тяжелыми шагами ходил по скрипящим половицам избы, время от времени подходил к столу и склонялся при свете свечи над картой России.

Весть о сдаче Москвы обожгла сознание всей армии. В некоторых полках отказывались верить приказу отступить из Москвы. Войска проходили через Москву, но солдаты считали, что их ведут в обход для нового наступления на неприятеля.

Узнав, что Москву сдают, многие солдаты и офицеры плакали, как дети.

Герой обороны Бородина, раненный на батарее Раевского полковник Монахин, узнав, что Москву сдали, в гневе сорвал повязки со своих ран и умер.

Не пережил падения Москвы и Петр Иванович Багратион. Из Владимирской губернии, куда его отвезли на излечение, он продолжал слать своей армии в Москву советы и указания, как надо воевать, и не получал ответа. Однажды офицер, которого Багратион послал в армию, не зная, что от генерала скрывают падение столицы, вернувшись, рассказал, что русской армии в Москве нет, там уже хозяйничают французы. В страшной тревоге за судьбу армии и страны генерал Багратион, забыв о своей раздробленной ноге, вскочил с кровати и тут же упал. Наступила агония и смерть.

Даже мужественный Барклай де Толли стал сомневаться в победе России.

Весть о сдаче Москвы донеслась молнией до ее населения, и толпы жителей двинулись вслед за армией из столицы. Над пустеющей Москвой плыл унылый звон церковных колоколов, а люди все шли и шли. Русские люди не хотели оставаться с иноземными захватчиками.

В тревоге и унынии двигалась через Москву русская армия.

Кутузов сидел в открытой пролетке на обочине Рязанской дороги, глядя, как мимо него проходят последние полки.

В первые же часы вступления французов в Москву начались пожары. Русский полководец в глубоком раздумье смотрел на небосклон, обогранный заревом. Порой холодный сентябрьский ветер приносил из горящей Москвы пепел и запах гари, шевелил седые волосы старого генерала, и никто не знал, какие думы обуревают его голову, какие чувства волнуют его сердце, по каким путям поведет он русскую армию на спасение России. Великий полководец хранил невозмутимое молчание.

Здесь мы оставим его и посмотрим, что делал в тот день Наполеон.

НАПОЛЕОН НА ПОКЛОННОЙ ГОРЕ

На то же место, где стоял на Поклонной горе Кутузов, прибыл со штабом Наполеон.

«Наконец-то! Вот он, знаменитый город!» — воскликнул император. Да и пора уже: все усилия, все потери были позади, а великая цель жизни, к которой он так долго стремился, достигнута — Москва у его ног. Последние русские солдаты покидают Москву, преследуемые авангардом Мюрата.

Армия Кутузова была единственной силой, которую надо было разбить, чтобы победить Россию, и теперь, как понимал Наполеон, Кутузов, боясь нового сражения, бежит, а он, Наполеон, победителем стоит на Поклонной горе, на вершине своих самых смелых мечтаний.

Начиная эту войну, император Франции хотел прежде всего победить Россию.

Но иногда он высказывал своим близким и другие планы. Он хотел пойти из Москвы на Кавказ, а оттуда до английских владений рукой подать; или пройти из Москвы через Среднюю Азию в Индию, подвластную Англии, чтобы там сокрушить британское могущество.

Бонапарт считал, что, сделавшись хозяином в России, он подчинит все государства на берегах Балтийского и Черного морей и тогда станет господином Запада и Востока и повелителем всего мира.

Не потому ли в личном обозе императора везли тщательно укрытые императорские регалии и его статую, которую собирались торжественно установить в Кремле?

Стоя на Поклонной горе, перед Москвой, оставленной русской армией, Наполеон ни минуты не сомневался в своей победе.

Осталось только принять ключи от Москвы. Он принимал ключи Берлина и Вены, ключи австрийских, прусских, итальянских и португальских городов, и всюду депутации вручали эти ключи императору Франции с низким поклоном.

Но здесь, под Москвой, прошел час, другой, третий, а ключей от русской столицы императору Франции не несли.

Вернувшись из Москвы, разведчики и личные адъютанты императора доложили, что город почти пуст. Большая часть жителей ушла вслед за русской армией, не пожелав оставаться с властелином Европы.

И тогда вспомнил Наполеон, что так же, как пуста сейчас Москва, был пуст Смоленск и другие города и деревни России, по которым проходила его армия.

Французский император понимал, что народ русский не покоряется ему, но еще не сознавал, что русские люди низвергают его в пропасть.

По мановению руки императора французские войска, торжествуя, двинулись вперед и несколькими потоками безостановочно стали вливаться в улицы Москвы.

Сам Наполеон поселился в Кремле и спокойно уснул сном победителя.

ПОЖАР МОСКВЫ

Страшно было пробуждение императора.

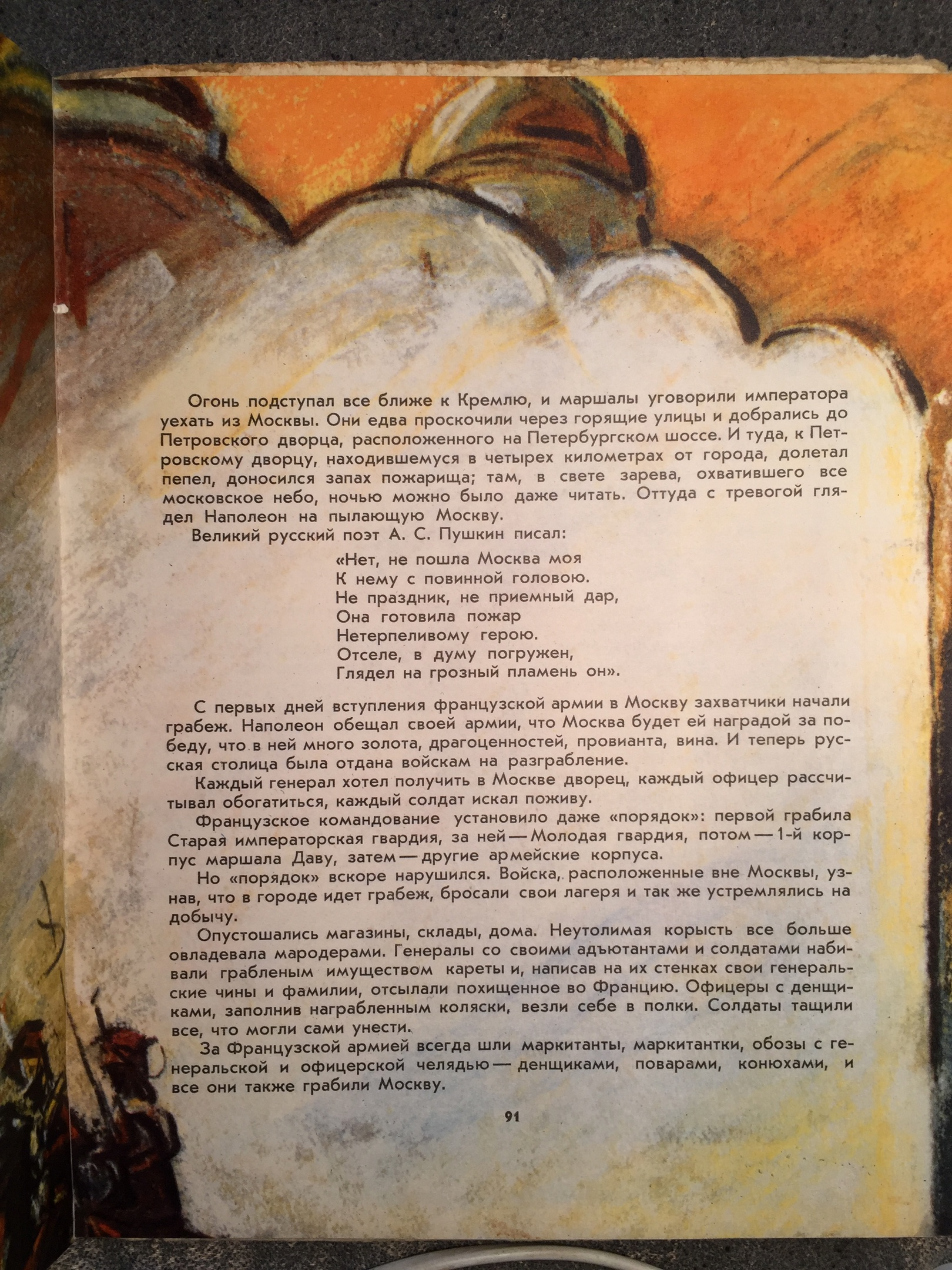
В окна Кремлевского дворца било зарево пожара.

Наполеон вскочил. Прислуживавший ему лакей подал одежду, но сапоги полетели в лицо лакея, а император босой, полуголый, кинулся к окнам, выходящим на Красную площадь. На Красной площади горели торговые ряды. Он кинулся к окнам, выходящим на Москву-реку, и увидал, как охваченное огнем пылало Замоскворечье.

Одевшись, Наполеон вышел на кремлевский двор, стал отдавать распоряжения потушить пожар, но все было напрасно.

— Какое ужасное зрелище! Это сами они поджигают! — произнес Бонапарт. — Сколько прекрасных зданий горит. Какая необычайная решимость. Что это за люди!

Огонь подступал все ближе к Кремлю, и маршалы уговорили императора уехать из Москвы. Они едва проскочили через горящие улицы и добрались до Петровского дворца, расположенного на Петербургском шоссе. И туда, к Петровскому дворцу, находившемуся в четырех километрах от города, долетал пепел, доносился запах пожарища; там, в свете зарева, охватившего все московское небо, ночью можно было даже читать. Оттуда с тревогой глядел Наполеон на пылающую Москву.

Великий русский поэт А. С. Пушкин писал:

«Нет, не пошла Москва моя
К нему с повинной головою.
Не праздник, не приемный дар,
Она готовила пожар
Нетерпеливому герою.
Отселе, в думу погружен,
Глядел на грозный пламень он».

С первых дней вступления французской армии в Москву захватчики начали грабеж. Наполеон обещал своей армии, что Москва будет ей наградой за победу, что в ней много золота, драгоценностей, провианта, вина. И теперь русская столица была отдана войскам на разграбление.

Каждый генерал хотел получить в Москве дворец, каждый офицер рассчитывал обогатиться, каждый солдат искал поживу.

Французское командование установило даже «порядок»: первой грабила Старая императорская гвардия, за ней — Молодая гвардия, потом — 1-й корпус маршала Даву, затем — другие армейские корпуса.

Но «порядок» вскоре нарушился. Войска, расположенные вне Москвы, узнав, что в городе идет грабеж, бросали свои лагеря и так же устремлялись на добычу.

Опустошались магазины, склады, дома. Неутолимая корысть все больше овладевала мародерами. Генералы со своими адъютантами и солдатами набивали грабленным имуществом кареты и, написав на их стенках свои генеральские чины и фамилии, отсылали похищенное во Францию. Офицеры с денщиками, заполнив награбленным коляски, везли себе в полки. Солдаты тащили все, что могли сами унести.

За Французской армией всегда шли маркитанты, маркитантки, обозы с генеральской и офицерской челядью — денщиками, поварами, конюхами, и все они также грабили Москву.

Солдаты, офицеры, генералы и даже маршалы, не смущаясь своим высоким званием, торговали награбленными шубами, драгоценностями, мехами, сахаром, чаем и дорогим вином.

Все, что нельзя было увезти, мародеры разбрасывали, втоптывали в грязь, уничтожали. На улицах Москвы и во дворах валялись дорогие ткани, одежда, разбитая посуда, разорванные картины, рассыпана была мука. Грабители добрались до винных погребов, перепились, и в обезлюдевшем городе среди хаоса и вспыхнувших пожаров начался пир завоевателей.

Пожары полыхали непрерывно целую неделю и продолжались потом в разных районах во все время оккупации города.

От большей части Москвы остались руины; только печные трубы да остовы церквей и редких каменных домов высились на пепелище.

Неслыханные муки терпели жители Москвы во время страшного московского пожара.

Множество жителей Москвы уехало и ушло за русской армией, не желая оставаться с захватчиками. Но сколько не могло уехать! У одних на руках были дети или больные родственники, других оставили помещики сторожить барское добро. Многие не имели лошадей, чтобы вести скарб, или просто им некуда было идти.

Первыми пострадали больные жители Москвы, лежавшие дома и в больницах. У них не было сил подняться и бежать, и не хватало людей, чтобы вынести несчастных из горящих зданий.

Пожары возникали по ночам, когда ветер переносил пламя сразу через несколько кварталов, и люди, уснувшие в домах, не тронутых огнем, сгорали, не успев спастись. Днем люди перебирались из одного квартала в другой, но пламя преграждало путь, пожары отрезали улицы и целые кварталы, и люди попадали в огненные западни.

Вырвавшись из огненных ловушек, люди бежали к окраинам Москвы. Женщины несли на руках детей. Потерявшиеся дети плакали и звали родителей. Едва брели старики с опаленными бородами, прожженной одеждой. В отсвете пламени виднелись закопченные лица с глазами, полными ужаса. Многие уже целую неделю голодали.

Пожар не остановил мародеров. Они с еще большим остервенением стали грабить, спеша захватить все, что еще не было сожжено. Грабежи продолжались днем в дыму, ночью при свете пожаров. Все, что грабители не могли унести, они сами поджигали. В огне погибли ценнейшие библиотеки, и долго еще истлевшие страницы книг, как птицы, носились над пепелищем.

Все меньше оставалось для грабежа магазинов и складов, все чаще грабители отнимали у жителей последнее, что те успели спасти.

Мало того, русских людей запрягали в телеги и, погоняя плетью, саблями, заставляли везти свое же имущество, отнятое грабителями.

Ночами сквозь шум пожаров порой раздавались отчаянные крики «спасите», но никто не мог прийти на помощь людям, которых грабили, убивали.

Французы обвиняли москвичей в поджогах, хватали первых попавшихся жителей и расстреливали по приговорам военных судов и без суда на московских площадях, улицах и бульварах.

Когда утихли пожары, Наполеон решил вернуться в Кремль, уцелевший от огня. Император увидел сгоревшую Москву, увидел свои войска, продолжав-

шие грабеж, торговлю и пиршества. Он увидел своих гвардейцев, одетых в русские шубы, перепоясанных женскими шальями, пивших вино, закусывавших вареньем прямо из бочек; увидел пьяных офицеров и бездельничавших генералов.

Наполеон узнал, что почти весь провиант, находившийся в Москве, на который он рассчитывал, сгорел.

Остались кое-какие запасы сахара, вино и варенье, но не было ни муки, ни мяса, ни крупы, ни соли.

Между дивизиями, особенно между солдатами разных национальностей, при дележе продуктов то и дело возникали драки.

Так неожиданно на Французскую армию навалился голод, она стала терять дисциплину, разлагаться.

Обеспокоенный всем виденным, французский полководец приказал тушить пожары, восстановить дисциплину, но солдаты не обращали внимания даже на императора, своего кумира и грозу. Это потрясло Наполеона. Он отдавал приказ за приказом, но дисциплина армии, основа ее боеспособности, падала на его глазах.

ТАРУТИНСКИЙ МАНЕВР КУТУЗОВА

Вот теперь с новой тревогой стал думать Наполеон о дальнейшем ходе войны. Его неотвязно беспокоила мысль: где же армия Кутузова?

Он потребовал ответа у маршала Мюрата, и тот приказал своему авангарду, преследовавшему войска Кутузова по Рязанской дороге, разбить арьергард, прикрывавший русскую армию, и разведать ее главные силы.

Командовавший авангардом генерал Себастьяни выполнил приказ: арьергард русской армии был отброшен. Находившиеся в нем казачьи полки отошли дальше, на Рязань, увлекая за собой французов. Под новым натиском казаки рассыпались по лесам, и французские генералы вдруг обнаружили, что казаки, оказывается, никого не прикрывали, что дорога на Рязань пуста и армии Кутузова там нет!

Семидесятитысячная русская армия исчезла среди бела дня.

Маршал Мюрат метался из стороны в сторону, не решаясь донести Наполеону, что французский авангард потерял из виду русскую армию и не может ее найти.

Кутузов приказал казакам заманивать французов дальше по Рязанской дороге, а сам повернул русскую армию с Рязанской дороги на Калужскую и повел ее к селу Тарутино.

Теперь всем в русской армии стал виден замысел полководца, всем стало ясно, что план его ведет к победе.

Став на Калужской дороге у села Тарутино, Кутузов так расположил свою армию, что она оказалась в безопасности, а французская армия под ударом.

Находясь у Тарутино, русская армия прикрывала дороги на Тулу и Брянск, где были военные заводы России; она прикрывала Калугу, где находились громадные запасы провианта и боеприпасов, закрывала пути на Украину и в южные губернии России, не разоренные войной.

По этим дорогам в Тарутино шли со всей России резервы, по этим же дорогам Кутузов связывался с армией Чичагова, действовавшей на Украине, отсюда, из Тарутино, держал связь с армией Витгенштейна, прикрывавшей Петербург.

И в то же время Наполеон не мог свободно пользоваться ни одной из этих дорог, не столкнувшись с русскими войсками.

Теперь всем стало ясно, что решение Кутузова лучше, чем все решения, которые предлагались другими генералами на военном совете в Филях.

Там было много опытных, храбрых, образованных в военном деле генералов, но ни один из них не был великим полководцем, каким был Михаил Илларионович Кутузов.

Только Кутузов смог принять решение отступать на... запад, то есть туда, откуда шел Наполеон.

Наполеон никак не предвидел такого маневра Кутузова. Мало того, Кутузов прикрыл свой маневр военной хитростью, заманил Мюрата на восток, а сам свернул на Тарутино, на запад, и обманул французского полководца.

Наполеон славился как мастер маневра, но Кутузов превзошел его в этом искусстве, без которого полководец не может побеждать.

Маневрирование на театре военных действий иногда сравнивают с игрой в шахматы. В шахматах можно поставить сильную фигуру против сильной фигуры противника, однако, можно поставить сильную фигуру и в стороне от главных фигур противника, но так, что противник не сможет ими ходить, ибо они всюду будут биты.

Так и Кутузов, став у Тарутино, держал под ударами французскую армию, куда бы она ни двинулась.

Если посмотреть на карту Московской области и России, это станет понятно.

На север, на Петербург, Наполеон не может идти, потому что как только он оставит Москву, ее снова займет русская армия и отрежет все пути через Москву на Запад. Мало того, русские смогут ударить в тыл французской армии, двинувшейся на Петербург.

На восток Наполеону нет смысла идти, потому что это ничего не даст для победы.

На юго-запад Наполеон может идти, но там стоит в обороне крепнувшая русская армия.

На запад идти опасно, потому что, находясь у Тарутино, русская армия держит под ударом все дороги, ведущие из Москвы на запад.

Последнее было для Наполеона самым опасным. Расположив свои войска у Тарутино, Кутузов мог наносить удары по дорогам, что ведут из Москвы в Смоленск. По этим дорогам к Наполеону шли с запада резервы, мчались из Франции курьеры, двигались из Европы обозы с провиантом, оружием и боеприпасами.

Так Кутузов использовал пространство, определил на театре военных действий то место, откуда можно продолжать победоносную войну. Он показал, что побеждать можно, не только прямо наступая или обороняясь, а маневрируя, и доказал, что удары по тылам врага смертельно опасны.

Став у Тарутино, Кутузов выигрывал еще и время, необходимое, чтобы русская армия отдохнула, чтобы подошли резервы.

Кутузов как настоящий полководец всегда знал противника, проникал в его замыслы и угадывал, как будет действовать Наполеон.

На военном совете Кутузов сказал: «Самим уступлением Москвы мы приготовим гибель неприятелю». И оказался прав.

Русский полководец предвидел, что Наполеон, заняв Москву, станет ожидать, что его армия расползется по городу и его окрестностям и потеряет наступательную силу. Но многие, особенно в Петербурге, этого не понимали, считая, что с падением Москвы Россия проиграет войну.

Замысла Кутузова не понял прежде всего сам царь Александр I. Когда весть о сдаче Москвы достигла Петербурга, разгневанный царь запросил Кутузова, как он посмел сдать столицу без сражения. Царь предупреждал главнокомандующего, что ему придется отвечать перед оскорбленным отечеством за сдачу Москвы.

Царь был испуган не только потерей Москвы, но и тем, что Кутузов повел армию в Тарутино, оставив открытой дорогу на Петербург. В северной столице России в панике металась царская семья и придворные. Многие

собирались бежать из Петербурга, готовились оттуда все вывезти; поговаривали даже, что грандиозный памятник Петру I отправят по реке Неве из Петербурга.

От Кутузова требовали успокоить Россию, а он отвечал: «Россию надо спасать, а не успокаивать».

Великий патриот России Михаил Илларионович Кутузов показал, что был не только храбрым в бою, но и бесстрашным, и твердым в проведении своих решений, даже если с ними вначале не были согласны многие, даже сам царь.

Ни русский народ, ни русская армия, ни Кутузов не повинны в сдаче Москвы. В России тогда правили царь и дворянство. Это они не подготовили страну к обороне.

И сдача Москвы была вынужденной жертвой, которую принес народ и армия ради спасения Родины. Великая жертва ради великой победы. И эта победа уже приближалась.

Наполеон тогда еще не знал, что самый страшный пожар, в котором уничтожится сила его войск и его слава, разгорается за стенами Москвы — там разгорается пожар народной войны.

ПАРТИЗАНЫ НАНОСЯТ УДАРЫ ПО АРМИИ НАПОЛЕОНА

Незадолго до Бородинского сражения к генералу Багратиону обратился его адъютант подполковник Денис Давыдов с просьбой разрешить ему отправиться в тыл врага на партизанскую борьбу.

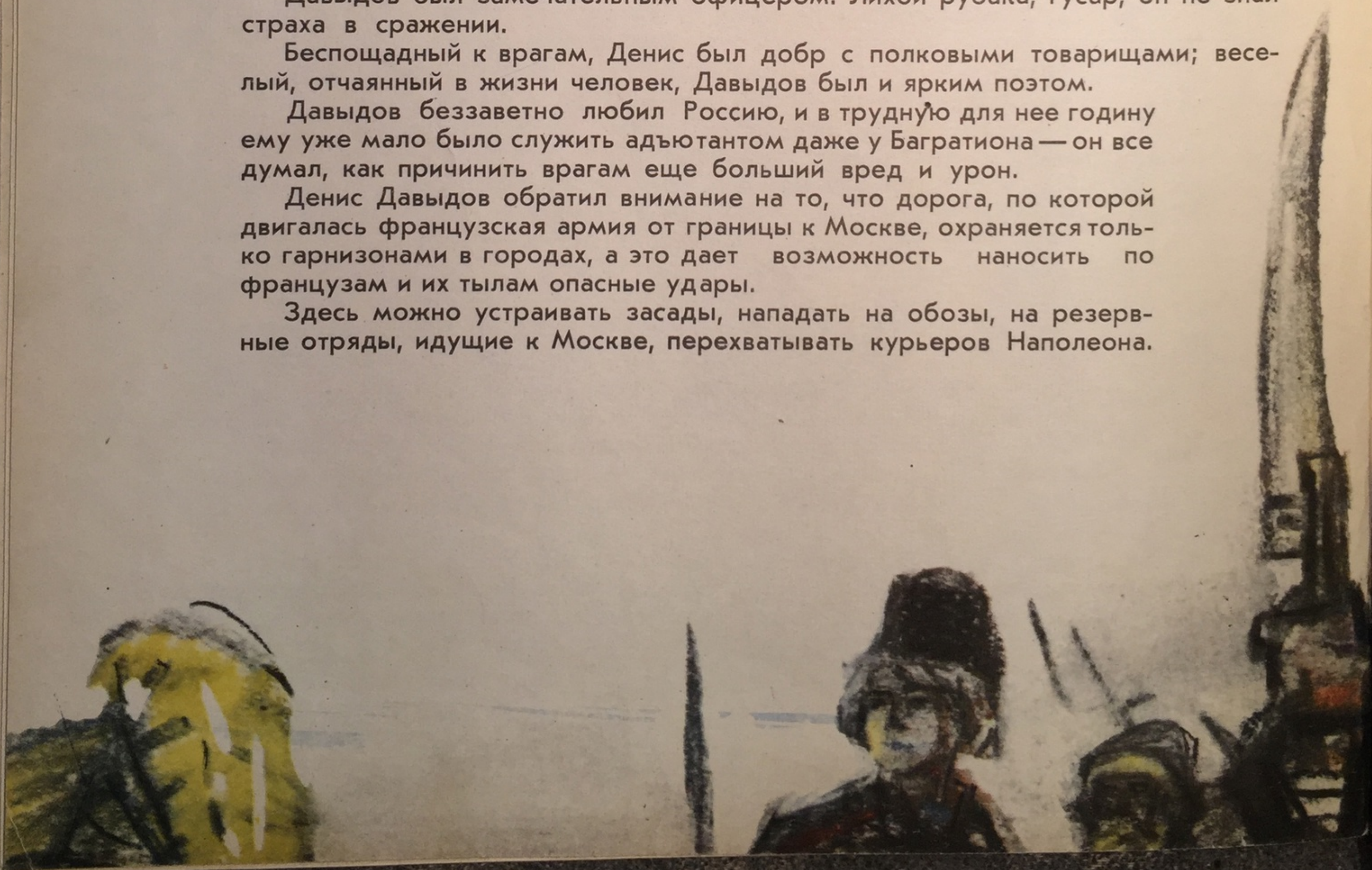
Давыдов был замечательным офицером. Лихой рубака, гусар, он не знал страха в сражении.

Беспощадный к врагам, Денис был добр с полковыми товарищами; веселый, отчаянный в жизни человек, Давыдов был и ярким поэтом.

Давыдов беззаветно любил Россию, и в трудную для нее минуту ему уже мало было служить адъютантом даже у Багратиона — он все думал, как причинить врагам еще больший вред и урон.

Денис Давыдов обратил внимание на то, что дорога, по которой двигалась французская армия от границы к Москве, охраняется только гарнизонами в городах, а это дает возможность наносить по французам и их тылам опасные удары.

Здесь можно устраивать засады, нападать на обозы, на резервные отряды, идущие к Москве, перехватывать курьеров Наполеона.

«Вы мой единственный благодетель, — заверял Денис Давыдов Багратиона, — ... будьте надежны, что тот, который носит звание адъютанта Багратиона, будет уметь поддерживать честь сию со всей ревностью, какую бедственное положение любезного нашего отечества требует...»

Генерал Багратион немедленно доложил о Давыдове Кутузову, и мудрый полководец сразу верно оценил, как важно предложение молодого подполковника, дал ему отряд в 50 гусар и 80 казаков и благословил на новые ратные дела.

Глухие леса скрыли первый в истории Отечественной войны 1812 года армейский партизанский отряд подполковника Дениса Давыдова.

Он пошел на запад лесами, избегая дорог, чтобы не встретиться с врагами, шедшими на восток. Давыдов учитывал, что по обеим сторонам Смоленской дороги рыщут отряды фуражиров французской армии, забирают у крестьян хлеб и скот, овес и сено, а иногда бродят просто шайки мародеров, отбирая все имущество крестьян.

И вот 14 сентября, как раз в день, когда Французская армия вступила на улицы Москвы, партизанский отряд Дениса Давыдова нанес свой первый удар по отряду врага, который грабил деревню Токаревку... Французский отряд был разбит, партизаны взяли в плен около 100 французов, и тут же разведка

донесла, что на эту деревню идет новая шайка мародеров. Денис Давыдов расположил своих казаков и гусар за избами, и как только ничего не видевшие и не ведавшие враги вступили в деревню, они были атакованы. С гиканьем и криком «ура» напали на них партизаны. Французы были смяты в коротком бою, и еще 70 пленных под конвоем крестьян увел Денис Давыдов в лес.

А через несколько дней самые отважные и опытные казаки на лучших конях ушли в глубокую разведку и донесли, что в селе Царево-Займище стоит обоз под охраной 250 кавалеристов. Это было вдвое больше, чем в отряде Давыдова. Ночью, тихо и тайно, подошли партизаны к селу и с рассветом обрушились как снег на голову врага, разгромили и захватили обоз с боеприпасами и провиантом, а также взяли в плен еще 150 французов... Так начались боевые действия армейских партизан.

Один за другим из Тарутинского лагеря уходили в тыл врага партизанские армейские отряды: капитана Сеславина и капитана Фигнера; полковника Кудашева и полковника Вадбольского; казачьего полковника Ефремова и казачьего полковника Чернозубова; генерала Дорохова и генерала Винценгероде и многих других...

В тыл врага шли и небольшие партии, и казачьи полки, и крупные отряды кавалерии с пехотой и орудиями.

Сеславин с отрядом в 250 человек выследил, как французский генерал Орнано ведет 4 кавалерийских полка с двумя батальонами пехоты и 8 орудиями, пропустил главные силы противника, напал с тыла, захватил обозы, порубил охрану, взял в плен полковника и 300 солдат. Все награбленное у крестьян

имущество было им возвращено и, самое главное, Сеславин роздал населению отбитое у врага оружие.

Полковник Кудашев с тремя сотнями казаков ночью атаковал 2500 французов, нагнал на них панику, обратил в бегство, убил 100 французов и 200 взял в плен.

Казачий полковник Чернозубов с тремя сотнями казаков атаковал обоз противника, разгромил конвой и взял в плен 14 офицеров, 36 унтер-офицеров и 380 солдат.

Партизанские отряды побеждали, потому что нападали внезапно, ночами и на рассвете, из лесов и засад, были неуловимы, а главное — они сражались смелее противника, они сражались на своей земле...

Но даже среди бесстрашных партизанских командиров отличался капитан Фигнер. Среднего роста, стройный и сильный, он прославился исключительной храбростью, находчивостью, невозмутимым спокойствием.

«Это человек необыкновенный, я такой высокой души не видел. Он фанатик в храбрости и патриотизме», — писал о нем Кутузов.

Фигнер был образованным офицером, хорошо знал военное дело, умел говорить на французском, немецком, итальянском и польском языках, как на русском. Пользуясь этим, он под видом иностранца бывал в занятой французами Москве, разговаривал с офицерами, нанимался лакеем к французским генералам, выводил военные тайны. А ночами, собрав своих людей, Фигнер устраивал засады, убивал мародеров, грабивших жителей Москвы. Он пытался проникнуть в Кремль, убить Наполеона, но император окружил Кремль, как тюрьму, двойной охраной. Была назначена большая награда за поимку того, кто убивает французов. В конце концов Фигнеру пришлось покинуть Москву. Тогда он со своим летучим отрядом стал громить тылы оккупантов.

Под видом французского офицера капитан Фигнер приезжал в лагерь противника, высматривал его расположение, а потом темной осенней ночью нападал на врагов.

Иногда он выезжал навстречу идущим в Москву колоннам резервных войск и как представитель французского командования вел колонны на привал, туда, где в засаде ждали партизаны. Как только французы располагались на отдых, их окружали и брали в плен.

Был случай, когда часовой хотел задержать Фигнера, уезжавшего из французского лагеря, но Фигнер отругал часового за плохое знание французского военного устава, разгневанный уехал и тут же вернулся в лагерь; на этот раз часовой уже не осмелился беспокоить строгого офицера. Фигнер спокойно расположился у бивуачного костра.

Однажды сильный кавалерийский отряд противника прижал партизан к непроходимому болоту, и французские офицеры были уверены, что русские у них в руках. Ночью Фигнер, прыгая с шестом с кочки на кочку, перебрался через болото, пришел в деревню, позвал на помощь крестьян, и те быстро настелили через трясины мостки из жердей, по которым все партизаны вышли на сухое поле.

Утром французы долго обстреливали пустое болото, потом штурмовали его, утопая в грязи, пока не убедились, что отряд легендарного Фигнера бесследно исчез. В ближайшую же ночь Фигнер атаковал с тыла и перебил своих преследователей.

НА ПАРТИЗАНСКУЮ ВОЙНУ ПОДНЯЛИСЬ КРЕСТЬЯНЕ

Удары армейских партизанских отрядов не были бы так грозны, если б ни поднялись на партизанскую, народную войну крестьяне России. Крестьяне видели, что Наполеон засел в Москве и угрожает всей России. Его фуражиры рыскают по деревням, отнимают у населения хлеб, коров, коней, сено, овес; жгут избы, убивают людей.

И с каждым днем все новые тысячи крестьян добровольно объединялись в партизанские отряды, давали клятву не щадить жизни в боях за родную землю. Они брали топоры, вилы, косы, рогатины, с которыми охотились на медведей; вооружались ружьями, саблями, отбитыми у врага, получали оружие в Тарутинском лагере.

В селах на крышах изб, на колокольнях дежурили наблюдатели; по дорогам разъезжали конные связные, чаще всего мальчишки-подростки. И как только появлялись французские отряды, так связные мчались по деревням и в леса к привалам партизан, а дежурные звонили в колокола, и по набату, как на пожар, собирались тысячи крестьян. Они всем миром нападали на мародеров, гнали их из деревень. Если же французов было много, их пускали в села, ждали ночи, пока они уснут, и захватывали ружья, сабли, угоняли коней, брали спящих в плен. Тем, кто сопротивлялся, не было пощады — их сжигали вместе с избами, где они оборонялись.

Самых храбрых и смекалистых вожаков выбирали крестьяне командирами отрядов.

Староста села Герасим Курин, избранный руководителем партизан Вохтинской волости, организовал шеститысячный отряд и смело вступал в бои с крупными отрядами противника.

Талантливым партизанским командиром оказался рядовой драгунского полка Ермолай Четвертаков. Раненым он попал в плен, но едва выздоровев, бежал и поднял на борьбу население многих деревень.

Лихими вожаками партизан стали гренадер Московского полка Степан Еременко и гусар Елисаветградского полка Федор Потапов. Солдаты обучали крестьян стрельбе и штыковому бою, сабельным ударам.

Даже женщины вступали в схватку с мародерами; тогда же прославилась крестьянка старостиха Василиса Кожина.

Кутузов объединил силы армейских и крестьянских отрядов и руководил их действиями.

Вскоре объединенные силы партизан стали нападать не только на шайки мародеров и отдельные отряды, а вступали в бой с полками пехоты и кавалерии, брали штурмом города.

Партизанский отряд генерала Дорохова наступал на город Верею. Вражеский гарнизон укрепил оборону, засел на высотах, за палисадами, выставил орудия, дозоры. Горожане Жуков, Гречишин, Шушукин и Праскудин темной ночью скрытно провели партизан в город, и те без выстрелов, без криков «ура» в зловещей тишине ударили в штыки. Рядом с солдатами героически сражались жители Вереи. Вражеский гарнизон был разгромлен, 300 захватчиков уничтожено, 400 взято в плен.

НАПОЛЕОН В ЗАПАДНЕ

Город Верея, расположенный у Смоленской дороги, оказался в руках партизан. А дорога из Москвы в Смоленск была очень нужна Наполеону. По ней шли обозы со снарядами и колонны резервных войск, мчались курьеры императора из Москвы в Париж и обратно.

Но курьеры часто попадали не во Францию, а в лагери партизан, обозные фуры с порохом взлетали на воздух, тысячи французских солдат и офицеров гибли на дороге или попадали в плен.

«Подтвердите мое повеление, — приказывал Наполеон, — чтобы из Смоленска не отправляли ни одного транспорта, иначе как под начальством штаб-офицера и под прикрытием 1500 солдат... Напишите начальнику кавалерии маршалу Мюрату, — требовал император, — что его кавалерия должна прикрывать фуражиров... Сообщите маршалу Нею... — следовало указание, — что он ежедневно теряет больше солдат, чем в сражении, что нельзя удаляться в сторону, далеко от войск...»

Все меры защиты от нападений партизан принимались; даже на привалах французы располагались в каре и на ночлегах находились в боевых порядках, но ничто не спасало оккупантов.

Вся дорога от Москвы до Смоленска была под ударами партизан. Отряд Дорохова действовал между Вереей и Гжатском; отряд Дениса Давыдова — между Вязьмой и Смоленском; отряд Вадбольского нападал на врага у Можайска, и к самой Москве подобрался отряд капитана Фигнера.

Да и все другие дороги вокруг Москвы были прикрыты партизанами. На Калужской дороге действовали капитаны Сеславин и Фонвизин, на Тульской — полковник Кудашев,

на Рязанской — полковник Ефремов, а на Тверской — генерал Винценгероде.

Кутузов послал на партизанскую борьбу тридцать шесть казачьих полков, семь кавалерийских, пять пехотных, сотни егерей, десятки пушек. И всюду, всюду в лесах, в селах возникали крестьянские отряды, которым не было числа.

Наполеон был обложен в Москве, как медведь в берлоге, его отряды сплошь и рядом попадали в окружение, как волки на облаве. За каждым движением врага следили партизаны, куда бы он ни двигался, его атаковывали.

Французский император был взбешен. Такой войны еще нигде и никогда не вел он. По его приказам сжигали села вокруг Москвы и вдоль дорог, расстреливали крестьян-заложников. Но они бесстрашно принимали муки и смерть, и на место павших становились новые тысячи и тысячи народных мстителей.

Великая французская армия потеряла в боях с партизанами 30 000 солдат и офицеров убитыми, ранеными, взятыми в плен.

Эта армия, безнаказанно хозяйничавшая во всей Европе, терпела бедствия в России, голодала.

Пришлось французам резать своих коней, есть конину. Поредели полки некогда грозной кавалерии и стало не хватать коней под пушки и обозы. Вынуждены были французы стрелять ворон и галок, чтобы варить суп, а вместо масла пошли в еду сальные свечи.

Армия Наполеона теряла силы, ее солдаты убедились, что русских им не победить.

Народ России показал, что значит вторгаться в его страну.

ЛАГЕРЬ РУССКОЙ АРМИИ

Лагерь русской армии расположился у села Тарутино за неширокой рекой Нарой. Кутузов не тревожил Наполеона наступлением своих главных сил, чтобы не вызывать пока на новые сражения; наоборот, старался показать, что русская армия не будет наступать. Русскому полководцу важно было выиграть время, чтобы укрепить свои войска, чтобы собрать и вооружить идущие им на помощь силы народа. Это было нелегко сделать. Помещики боялись вооружать крестьян. Они опасались, как бы крестьяне, расправившись с иноземными грабителями, не стали расправляться со своими угнетателями-крепостниками. Были случаи, когда у крестьян отнимали оружие, их даже расстреливали за попытки бунтовать.

Царь Александр I не хотел вооружать крестьян, не

одобрял действия Кутузова, но вынужден был терпеть, потому что вокруг русского полководца собирались все, кому дорога была Россия.

Полководец Кутузов и близок нам потому, что он 150 лет тому назад понимал, что сила армии в поддержке народа, и, не считаясь с царем и реакционными помещиками, вооружал крестьян, вел их на войну с Наполеоном.

Кутузов поверил в силы народа и не ошибся. Нашествие иноземцев разбудило русский народ. Никакой указ царя не поднял бы русский народ на борьбу с Наполеоном так, как подняла его любовь к Родине.

«Принести в жертву все, даже самую жизнь ради любви к Отечеству, было сердечным побуждением нашим», — говорил революционер-декабрист Муравьев-Апостол.

Повинуясь зову сердца и разума, шли и шли русские люди в лагерь Кутузова у села Тарутино.

С Дона пришли двадцать шесть свежих казачьих полков. Тысячи солдат, раненных у Бородина, едва выздоровев, спешили в Тарутино под знамена своих полков, тысячи молодых солдат стали в строй. Рабочие заводов Тулы, Брянска, Урала отливали пушки и ядра, выпускали ружья и сабли. Десятки тысяч шинелей, сапог, полушубков доставлялись с русских фабрик в Тарутино, в лагерь Кутузова.

Нелегко было кормить стотысячную армию, но ей отовсюду доставляли хлеб и мясо, вино и сухари...

Сотни тысяч рублей жертвовали русские люди на оборону; вносили эти деньги не только богачи, но и ремесленники, рабочие, крестьяне отдавали свои трудовые копейки.

Сотни тысяч патриотов записались в народное ополчение. Москва и Петербург, Тула и Тверь, Казань и Вятка, Симбирск и Пермь, сотни городов, тысячи деревень — вся Россия поднялась грозной силой на иноземного врага.

В строй ее защитников встали крестьяне и те дворяне, кто любил Россию; тут были революционеры-декабристы, поэты Жуковский, Вяземский... Молодые и старые — все рвались в сражение.

«...Какой полководец не поразит врагов с таким мужественным народом? Я счастлив предводительствовать русскими», — писал Михаил Илларионович Кутузов.

Огромные и сложные задачи предстояло еще решить старому фельдмаршалу. Он командовал не только армией, размещенной у Тарутино, а всеми вооруженными силами России. Ему подчинялась армия генерала Витгенштейна на Петербургском направлении и армия адмирала Чичагова на Украине. И у Наполеона сохранились еще большие силы. Его войска в Москве терпели лишения, но корпуса Великой армии оставались у Риги и под Смоленском, в Белоруссии и против армии Чичагова на Украине.

Фельдмаршалу Кутузову надо было все свои силы, разбросанные на большом пространстве, нацелить на разгром всех корпусов Наполеона. И мчались курьеры к Витгенштейну, к Чичагову с указаниями, как надо действовать...

И непрестанно собирал Кутузов силы, учил свои войска. Гремели пушки, стреляли ружья в лагере русской армии, скакала конница и шла пехота в учебные атаки. Офицеры и старые солдаты, ветераны походов Суворова, Кутузова, передавали опыт новобранцам, как надо побеждать в боях.

НАПОЛЕОН ПРОСИТ МИРА

Сидя в сожженной Москве, Наполеон ждал, что Кутузов попросит у него мира. Однако шли дни, недели, а русские парламентарии не появлялись.

Долгими часами ходил Наполеон по залам Кремлевского дворца, думал о том, как дальше быть, и ничего не мог решить.

Иногда ему казалось, что он все же повелитель Европы и из Кремля может диктовать свою волю России и всему миру.

И тут же ему становилось ясно, что он не император мира, а точно пленник сидит под охраной своей гвардии в Кремле.

Наполеон все отчетливее видел, что проигрывает войну с Россией.

Он считал себя непогрешимым полководцем, который никогда не обманывается в своих расчетах, а тут получилось все не так, как он хотел и рассчитывал.

Он всегда захватывал столицы вражеских государств и этим сразу выигрывал войны, а тут он овладел Москвой, но вся территория России, пройденная им от западной границы до Москвы, и вокруг Москвы оставалась ему неподвластной.

Он всегда добивался победы, обрушив удары своей армии на армию противника, а тут ему пришлось воевать со всем русским народом.

Он всегда, собрав все свои силы в один кулак, этими превосходящими силами побеждал противника, а тут ему пришлось разбросать свои корпуса на огромном пространстве от Украины до Риги и от Немана до Москвы-реки.

Наполеон собрал на совет генералов и маршалов. Евгений Богарне предложил начать наступление на Петербург, и Наполеон оценил это, как «совет льва», но туда нельзя было наступать, потому что слишком тяжел и далек путь, а главное, русская армия сможет наносить удары с тыла и фланга.

Маршал Даву предлагал идти на Украину через Калугу, но на том пути русская армия встретила бы французскую с фронта.

Ней предлагал немедленно идти на Запад, но русские войска наверняка пришли бы из Тарутино на Смоленскую дорогу к Можайску раньше, чем французские из Москвы.

Наполеон понял, что он оказался в безвыходном положении, что надо предлагать русским мир.

Император вызвал своего дипломата Лористона, который ранее был послом Франции в Петербурге, и поручил ему выехать в штаб Кутузова для переговоров о мире.

— Я хочу мира! Мне нужен мир, нужен во что бы то ни стало. Спасайте только честь! — объяснял император своему послу.

Лористон спешно выехал в деревню Леташевку, близ Тарутино, где находился Кутузов.

Но, направляя своего посла, Наполеон рассчитывал, что он будет заключать мир с русским царем, а не подумал, что народ русский не желает мира с захватчиками; выражая волю народа, Кутузов не пошел на мир с Наполеоном.

Русский фельдмаршал встретил Лористона очень вежливо и принял у него два письма, адресованные ему самому и царю, и заговорил с послом о здоровье императора, о погоде, но только не о мире.

Лористон напомнил Кутузову, что одно из писем адресовано царю, что его

нужно спешно послать в Петербург, но Кутузов, посмотрев в окно, сказал, что на ночь глядя не стоит выезжать.

Тогда Лористон заявил, что он готов дать пропуск русскому курьеру для проезда в Петербург кратчайшим путем через Москву, однако Кутузов отказался от этой услуги, сославшись на то, что русские хорошо знают дороги России и сами найдут кратчайшие пути в северную столицу.

И снова возобновил Кутузов разговор о Париже, о французской музыке, о живописи, о французском театре, который нравился Михаилу Илларионовичу, но только не о мире.

Теряя терпение, Лористон прямо предложил Кутузову прочесть письмо, адресованное ему лично Наполеоном, и Кутузов, не торопясь, разорвал конверт, пробежал своим одним глазом письмо и, поигрывая конвертом, возобновил беседу о петербургских общих знакомых, но только не о войне и не о мире.

И Лористон почувствовал, что русский полководец играет им самим и Наполеоном, что в его пухлых руках не только письмо, на которое он может ответить и не ответить, а судьба войны и мира, и что в маленькой русской деревне Леташевка, в штабе русской армии, а не в столицах решается судьба Франции и ее императора.

Забыв о дипломатической выдержке, посол прямо заявил, что он приехал беседовать не о погоде, не о театре, а о том, что пора кончать войну.

— Кончать войну? — удивился Кутузов. — Да ведь мы ее только начинаем.

И великий русский полководец и дипломат дал понять французскому послу, что хорошо знает, в каком положении находится французская армия, что ей не так-то легко оставаться в Москве, знает, что происходит во Франции и Испании, не покорившейся Наполеону, и во всей Европе, не желающей французского владычества.

Лористон стал упрекать русских в том, что они ведут войну не по правилам, что нельзя убивать французских фуражиров, и тогда-то Кутузов резко заявил, что «трудно остановить народ, ожесточенный всем тем, что он видел и пережил... народ, готовый жертвовать собой для спасения Родины и который не делает различий между тем, что принято и не принято в войнах. Что касается армий, мне вверенных, — гордо заявил русский полководец, — то все признают в образе действий их правила, характеризующие храбрый, честный и великодушный народ. — И этот народ, — заключил Кутузов, — не смирится, пока не будет разбита и изгнана из России французская армия».

Так ни с чем вернулся Лористон к Наполеону.

НАПОЛЕОН ОСТАВЛЯЕТ МОСКВУ

Наполеон понял, что надо оставлять Москву. Нельзя зимовать в сожженной столице, окруженной партизанскими отрядами, прерывавшими связи с Францией.

Но он еще не смирился с положением и не считал, что все проиграно. Наоборот. Он решил уйти из Москвы, пойти на Калугу, захватить там огромные запасы провианта русской армии и ее боеприпасы, захватить Брянск и Тулу

с их военными заводами и расположить главные силы своей армии в Смоленске.

Туда он соберет свои корпуса, туда подтянет из Европы резервы, там в безопасности его армия отдохнет и окрепнет и в 1813 году все ж покорит Россию.

Он грозился, что русская армия будет отброшена за Волгу, Россия оттеснена в Азию, а Петербург и Смоленск станут подвластными Наполеону герцогствами. Наполеон не говорил об отступлении. Он говорил о переходе на зимние квартиры к Смоленску; распускал слухи, что маршал Виктор ведет подкрепления к Москве, а маршал Макдональд скоро возьмет Петербург; что по Смоленской дороге идут обозы с теплой одеждой, боеприпасами и провиантом. Император посещал театр, вел переписку, и французам все еще казалось, что у Наполеона что-то еще предусмотрено и счастье не изменит великому полководцу.

Наполеон не спешил оставлять Москву. Он собрал русские календари, установил, что зима наступит только в декабре, и считал, что времени у него еще достаточно.

Он ввел в Москву из ее окрестностей свои корпуса и устраивал смотры, лично раздавал ордена.

Но однажды, когда Наполеон принимал на Кремлевской площади парад императорской гвардии, примчался адъютант маршала Мюрата с донесением, которое громом отозвалось в штабе французской армии. Мюрат доносил, что его войска у Тарутино были атакованы русскими и с потерями отошли.

Это Кутузов нанес удар по войскам Мюрата. И впервые французы бежали, как зайцы, потеряв 2500 человек убитыми, 2000 пленными, оставив 38 орудий.

Наполеон понял, что уже не он, а Кутузов определяет ход войны, и надо как можно скорее уходить из Москвы.

Но и теперь он отдает приказ укрепить Кремль, остаться там Молодой гвардии под командованием маршала Мортье, так как французская армия вернется в Москву после того, как разобьет армию Кутузова у Тарутино. Однако теперь этому уже никто не верил: все поняли, что французская армия оставляет Москву и отходит на запад.

Французы, покидая Москву, понимали, что уже не вернуться, и дожигали то, что еще уцелело от пожаров в сентябре, оставляли за собой сплошные руины.

Они бросили в Москве тысячи своих раненых солдат. Французская армия выступила из Москвы, а за ней на десятки километров растянулись обозы с захваченным имуществом. Ехали генеральские кареты, офицерские фургоны, повозки маркитантов — все с награбленным добром.

Наполеон понимал, что такой обоз — большая обуза для армии, но не решился приказать бросить награбленное.

Утром 19 октября 1812 года на Калужскую дорогу выступили корпус Евгения Богарне, затем корпус Нея, далее Старая гвардия, корпус Даву. С дороги император приказал маршалу Мортье оставить Москву и соединиться с армией.

Французский полководец все еще верил в силы своей армии. В ней убавилось кавалерии, меньше стало артиллерии, но это было все же сотысячное

войско. Он еще грозил: «...мы пойдем вперед и горе русским, если они станут на моем пути». Наполеон прикрыл свой маневр хитростью: распространил слухи, что не идет на Калугу, а на самом деле решил обойти стороной русскую армию, стоявшую у Тарутино, по Новой Калужской дороге и прорваться к Калуге. Если это удастся, тогда он оставит русскую армию без провианта и боеприпасов, без резервов, которые шли со всей России через Калугу, а сам, захватив склады русской армии, окажется победителем.

ПАРТИЗАНЫ РАСКРЫЛИ ЗАМЫСЕЛ НАПОЛЕОНА

Темной осенней ночью мчался по грязи и лужам с конвоем казаков офицер Бологовский. Он загнал одного коня, пересел на запасного, карьером поскакал дальше и в час ночи был у штаба Кутузова в Леташевке.

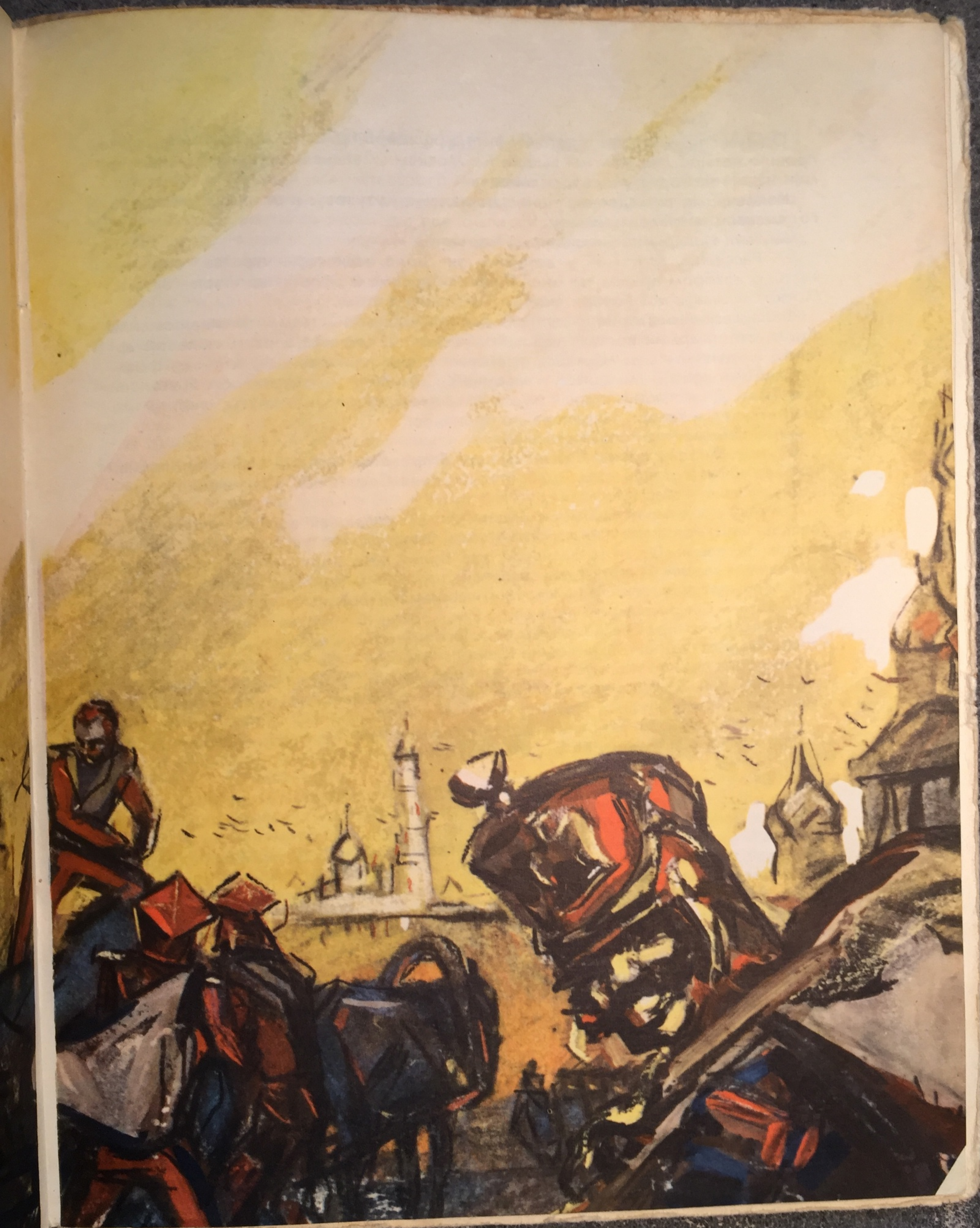
В штабе, кроме дежурного офицера, все спали. Бологовский, как и все офицеры армии, знал, что двери избы дежурного генерала Коновницына всегда открыты и каждому прибывшему с боевым донесением разрешено самим Коновницыным его будить.

А донесение, которое привез Бологовский, было крайне важным, от него зависели дальнейшие действия русских войск, зависел исход войны.

Генерал Дохтуров, которого Кутузов выдвинул с корпусом вперед, доносил, что капитан Сеславин со своим партизанским отрядом, укрывшись в лесу, видел Наполеона в карете, со всей его свитой, под охраной императорского конвоя, французскую гвардию и другие войска.

Пропустив главные силы неприятеля, Сеславин внезапно напал с тыла на одну из колонн, захватил в плен несколько французов и привез в штаб Дохтурова.

Один из пленных, расторопный унтер-офицер, показал следующее: «Уже прошло четыре дня, как мы вышли из Москвы. Дальнейшее направление армии нашей на город Малоярославец».

Коновницын немедленно понес донесение Кутузову, и вскоре Бологовского вызвали к фельдмаршалу.

Михаил Илларионович сидел на кровати.

— Расскажи, друг мой, — встретил он Бологовского, — что за событие-весть, о котором привез ты мне? Неужели в самом деле Наполеон оставил Москву и отступает? Говори скорее, не томи сердце.

Бологовский повторил известные ему подробности о том, что главные силы французской армии прошли село Фоминское, а часть обозов и тяжелой артиллерии двинулась на Можайск, чтобы не обременять войска; что сам французский император находится с гвардией. Сомнений не оставалось: Наполеон отступает. Долго ждал старый русский полководец этой минуты, верил, что она наступит, и теперь взволнованно произнес:

— С сей минуты Россия спасена.

Не зря Кутузов приказал партизанам сторожить каждый шаг Наполеона. Бессмертна заслуга умного, храброго капитана Сеславина, раскрывшего движение противника из Москвы.

Теперь перед партизанами-разведчиками встала новая важная задача. Из Москвы на Калугу вели две дороги, и надо было срочно установить, по какой пойдет Наполеон. От этого зависело, как будет действовать Кутузов. Лучшие разведчики-казаки были посланы в поиск; партизаны двигались лесами вдоль дороги, не упуская из виду войска противника. И скоро выяснилось, что Наполеон хитрит. Он распускает ложные слухи, что на Калугу не пойдет, а в самом деле хочет пройти мимо Тарутинского лагеря, захватить город Малоярославец и оттуда устремиться на Калугу, отрезая от нее русские войска. Кутузов немедленно поднял свою армию по боевой тревоге и двинулся к Малоярославцу, наперерез врагу. Дорог был каждый час: кто будет первым в Малоярославце, тот и победит.

«Не медля нимало, — приказывал Кутузов атаману Платову, — собрать все казачьи полки и двинуться на Новую Калужскую дорогу, где преградить путь неприятелю».

Генерал Дохтуров получил приказ немедленно ускоренным маршем вести свой корпус к Малоярославцу и встать на пути неприятеля. Главные силы должны идти вслед за корпусом Дохтурова.

К дорогам, по которым могут пойти войска противника, стягивались отряды партизан с других направлений.

«Главкомандующий желает, — предупреждали из штаба Кутузова, — чтобы это было покрыто непроницаемой тайной».

Русские войска двинулись из Тарутино. Была ненастная осень; дороги стали непроезжими, лошади выбивались из сил, вытаскивая увязавшие орудия; солдаты шли, утопая по щиколотку в грязи.

Население деревень поднималось на помощь русским войскам. Когда корпусу Дохтурова пришлось переправляться через реку Протва, на которой не было мостов, крестьяне разобрали свои избы, связали из бревен плоты, помогли солдатам форсировать реку, и корпус безостановочно пошел к Малоярославцу.

СРАЖЕНИЕ ЗА МАЛОЯРОСЛАВЕЦ

Наступал день двадцать четвертого октября 1812 года. До рассвета было еще далеко, когда егеря генерала Дохтурова вступили в тихие улицы Малоярославца. Они достигли площади, где были обстреляны гренадерами маршала Богарне, также вступившими в город. Противники сблизились в темноте. В ход пошли штыки и приклады.

Так началось сражение за Малоярославец.

Чтобы не дать французам укрепиться, Дохтуров ввел в сражение свои подспевшие полки и освободил город. Но тут же подошла дивизия генерала Дельзона и выбила из Малоярославца русских. Снова построил Дохтуров свои полки. Друзья указывали генералу на опасность, напоминали, что у него есть жена, дети, но Дмитрий Сергеевич отвечал, что его жена — русская армия, а дети его — солдаты. Генерал повел войска на штурм города и вновь овладел им.

В 10 часов утра на помощь дивизии Дельзона подошла дивизия генерала Брусье, и борьба разгорелась с новой силой. Так всегда бывает во встречном бою. Силы подходят с обеих сторон и постепенно вступают в борьбу. Тот, кто скорей подведет больше сил и умело их применит, тот и побеждает.

К Малоярославцу подтянулись резервы маршала Богарне, и Дохтурову с каждым часом становилось тяжелее, его войска истекали кровью, их выбивали из города.

Но тут подошел корпус генерала Раевского. Дохтуров и Раевский вместе отстаивали Смоленск, вместе обороняли Бородинское поле и теперь вместе повели свои полки на новый штурм.

Город горел, черные облака дыма закрывали небо, и в это пекло под гром барабанов и крики вливались с обеих сторон колонны войск. Овраги, разрезавшие город, мешали развернуться, войскам на улицах было тесно; противники сходились в рукопашном бою у стен монастыря, у церквей; колонны давили массой друг друга, кололи штыками, били прикладами. Телами убитых и раненых были завалены овраги и русло реки Лужи. Вот погиб генерал Дельзон, почти истреблена его дивизия; дивизия Брусье понесла тяжелые потери — русские опять одолевали.

Форсированным маршем прибыл с главными силами Наполеон, увидел, как сражаются русские войска, и понял, что его замысел обойти русских у Тарутино и пройти через Малоярославец в Калугу сорван Кутузовым. Французскому полководцу оставалось пробиться через горящий город силой. Император бросил в сражение корпуса маршалов Даву и Нея. Даву, Ней и Богарне сами повели в атаки свои дивизии; их объединенные силы стали отбрасывать русских к окраине Малоярославца.

В этот критический момент, совершив с главными силами трудный пятидесятиверстный марш, появился Кутузов. Под свист пуль и вой картечи русский полководец въехал на коне в горящую улицу (теперь эта улица названа именем Кутузова), близко увидел ход сражения и отдал приказ своим главным силам — атаковать!

— Ты знаешь, как я тебя берегу и прошу не кидаться в огонь, а теперь прошу очистить город, — сказал Кутузов своему приближенному генералу Петру Петровичу Коновницину.

Коновницын, прикрывавший 3-й пехотной дивизией русскую армию при отходе от Смоленска к Бородину, бесстрашно отражавший атаки французов на флешу, теперь повел свою героическую дивизию в уличный бой. Рядом с ним пошел в наступление свежий корпус генерала Бороzdина.

Сражение разгорелось с новой силой. Уже кончился кровавый день, наступал вечер, а схватки не прекращались, и горящий город много раз переходил из рук в руки. К одиннадцати часам ночи французские войска овладели Малоярославцем, и Наполеону показалось, что он пробьется на Калугу. Но как только его передовые части двинулись за город, по ним ударили русские орудия, и русские егеря погнали французов назад в предместье.

Наконец, подошел к полю сражения корпус генерала Милорадовича, и вся русская армия оказалась в сборе.

Только глубокой ночью затихло сражение. Слышны были лишь стоны раненых, заглушаемые треском догорающих пожаров. И долго еще в темени ночной алело громадное зарево над городом, в котором пали с обеих сторон убитыми 12 000, ранеными 24 000 солдат и офицеров.

Кутузов предвидел, что утром Наполеон захочет опять атаковать, и отвел свои войска на новые позиции, прочно перекрыв дороги на Калугу.

Русский полководец писал тогда царю: «Сей день — один из знаменитейших в сию кровопролитную войну, ибо потерянное сражение при Малоярославце повлекло бы за собой пагубнейшие последствия и открыло бы путь неприятелю в богатейшие наши губернии».

А между тем, как писали историки, сама Бородинская битва не была так нужна Наполеону, как сражение при Малоярославце. После Бородинской битвы он смог войти в Москву, а от исхода боев под Малоярославцем зависело спасение французской армии, судьба самого императора. Ему достались лишь тлеющие руины Малоярославца, он их оставил и глубокой ночью уехал в деревню Городню, где разместил свой штаб.

А Кутузов, отдав все приказы, спокойно уснул на казачьей бурке под могучим дубом среди своих войск, остановивших врага и готовых к новым сражениям.

БЕГСТВО АРМИИ НАПОЛЕОНА

Наполеон сидел в старой крестьянской избе, опираясь локтями на стол, охватив ладонями голову, и глядел на освещенную единственной свечой карту России. На карте тянулись дороги на Калугу и на Смоленск. По какой идти? На первой ждал с армией Кутузов. На второй ждал позор поражения — движение по ней означало отступление. Никогда еще, ни в одной войне император не испытывал этого позора и не хотел с ним смириться. Медленно текло в тревожной тиши время. Маршалы и генералы молча ждали решения своего полководца. Наконец, он отпустил их движением руки, так и не отдав приказа. Перед рассветом Наполеон решил еще раз осмотреть позиции русских армий и выехал по Боровской дороге к Малоярославцу.

И вдруг в предутренней мгле на дороге появились неизвестные всадники, и адъютант императора Рапп в отчаянии закричал:

— Казаки!

Посланные в рейд по тылам противника казаки натолкнулись на кортеж Наполеона, не разглядели императора и бросились захватывать обозы.

Наполеон, прикрываемый конвоем, умчался во всю прыть своего коня. Вернувшись в штаб, он вызвал врача и потребовал яду, очевидно, чтобы иметь при себе и отравиться, если не удастся избежать плена. Тяжкое раздумье продолжало мучить французского полководца.

В 10 часов утра, окруженный большим конвоем, он снова поехал к Малоярославцу.

Западной города на неприступной позиции стояла непобедимая русская армия.

«Здесь, — писал близкий императору дипломат Сегюр, — остановилось завоевание Вселенной».

Наполеон понимал, что у него нет почетного выхода, и все же заговорил, обращаясь к маршалам:

— Прибытие князя Кутузова изменило положение. Должны ли мы в таких условиях дать снова сражение?

Один из храбрейших маршалов, начальник кавалерии Бесьер, обратил внимание на неприступность новой русской позиции; напомнил, как русские солдаты смело дрались в уличных боях. Другие маршалы, всегда искавшие сражения, тоже теперь советовали отступить. После долгого раздумья Наполеон сказал, что ему еще многое неясно и он все решит сам.

В этот момент стало известно, что в тылу армии и на флангах появились партизанские отряды и казачьи полки. Ждать больше было невозможно. Маршалы получили приказ отступить.

Впереди своей гвардии на Смоленскую дорогу вступил Наполеон. Началось бегство Великой французской армии.

Через 52 дня после Бородинского сражения французская армия опять подошла к Бородину. Все Бородинское поле было усеяно тысячами трупов, растерзанных волками, лисами и собаками. Потрясенные ужасным зрелищем, солдаты Наполеона стремились скорее уйти от этого огромного кладбища, на котором не было могил.

Солдаты уходили все дальше, но каждый из них, как никогда раньше, понимал, что жертвы были напрасны. Россию победить не удалось, а уцелевших ждет участь их товарищей, чьи изуродованные трупы они видели на Бородинском поле.

Смерть следовала по пятам, подстерегала на каждом шагу.

Сзади наседали авангард русской армии, справа нападали донские полки атамана Платова, слева вел с главными силами преследование Кутузов, впереди были партизаны. И скоро должны были ударить лютые морозы.

Солдаты поняли, что гибнут за чужие интересы, и перестали подчиняться офицерам; офицеры бросали на произвол голодных солдат, оберегая лишь свое имущество, награбленное в Москве.

Гвардия грабила линейные войска; французы отнимали имущество у пруссаков; между итальянцами и португальцами возникали смертные побоища из-за хлеба, из-за теплых вещей, за место у ночного костра. Ночью солдаты обкрадывали друг друга, уводили лошадей, раздевали и забирали одежду умирающих. Великая французская армия стала превращаться в скопище варваров.

Отступавшие войска Наполеона проходили мимо обращенного в лазарет Колоцкого монастыря, находившегося западней Бородина; в нем лежали тысячи раненых. Узнав об отступлении своей армии, раненые выползали на дорогу, умоляя взять их с собой. Наполеон не выдержал и, хотя сам приказал оставить в Москве тысячи раненых, теперь разрешил забрать раненых из Колоцкого монастыря, положив по одному на каждую обозную повозку и на офицерские экипажи, груженные награбленными вещами. А ночью обозники, интенданты стали сбрасывать своих же раненых в грязь, под колеса, под копыта лошадей. Дикие крики, мольбы и проклятия людей, оставленных на мучительную смерть от холода, голода, на растерзание хищникам, неслись вслед убегающей французской армии.

Наполеон, находясь впереди колонн своих войск, делал вид, что не знает о том, что творится позади.

И знал он, что по его приказу в тылу творится еще одно страшное злодеяние: пленных русских солдат, которых вели из самой Москвы, изнуренных, полуодетых, было приказано убивать, если они отставали более чем на 50

шагов. Пленных почти не кормили, силы покидали их с каждым днем; они шли все медленнее, затем отставали на шаг, на два... на пять... на десять... Многие, завидев деревню, тянулись к ней, чтобы не умереть в открытом поле. Но с каждым шагом силы иссякали, человек опускался на снег, к нему подходил конвойный и убивал.

Отставших становилось все больше, выстрелы конвойных гремели все чаще; потом из экономии патронов отставших пленных стали закалывать штыками или разбивали головы прикладами.

Эти вереницы трупов пленных еще больше усиливали ненависть к врагу у русских войск. С небывалой стремительностью и смелостью вели они преследование врага.

«Неприятеля преследуем столь живо, — писал Кутузову атаман Платов, — что он бежит так, как никогда никакая армия ретироваться не может. Он бросает по дороге все свои тяжести, больных, раненых, и никакое перо историка не в состоянии изобразить картины ужаса, которые он оставляет на большой дороге. Поистине сказать, что нет десяти шагов, где бы ни лежал умирающий, мертвый или лошадь. В два дня он поднял на воздух более ста зарядных ящиков. Такое же число вынужден был оставить на месте за быстрым нашим преследованием».

Партизаны Сеславина, Фигнера, Дениса Давыдова, Кудашева, крестьянские партизанские отряды, которым не было числа, довершали удары регулярных частей.

Когда французская армия двигалась к Москве, она сожгла на Смоленской дороге все села и города, загнала их население в леса, а теперь, отступая по разоренной дороге, эта армия не могла добыть провианта, ей негде было остановиться на ночлег. Голодная, изнуренная непрерывными маршами, армия Наполеона теряла тысячи людей, ей пришлось бросать пушки и обозы.

Сдавались в плен не только мелкие части. Положила оружие целая дивизия генерала Ожеро — 2 000 солдат с шестьюдесятью офицерами.

Наконец, главные силы французской армии достигли Смоленска. Из ста тысяч солдат, вышедших из Москвы к Смоленску, осталось немногим более 40 000.

Наполеон рассчитывал найти в Смоленске запасы провианта, дать армии отдых, привести ее в порядок, подтянуть к Смоленску корпуса, находившиеся в Белоруссии, но узнал, что провианта в городе всего на несколько дней.

Император приказал расстрелять смоленского интенданта, а тот, умоляя о пощаде, рассказал, что запасы провианта регулярно отправлялись в Москву, но в пути их перехватывали партизаны; они захватили крупнейшие базы снабжения, стада скота, которые были согнаны французами к Смоленску.

Наполеон решил отдать сохранившееся продовольствие императорской гвардии, вступившей в Смоленск, а другие войска оставить вне города. И тогда толпы солдат, потерявших от голода человеческий облик, одетых в лохмотья, в женские шубы, в поповские рясы, почерневших от грязи, с дикими слезящимися глазами стали ломиться на улицы Смоленска. Император приказал поставить охрану, не пускать никого, кроме гвардии, к складам с продовольствием. Посланные на охрану гвардейцы сами перепились. А солдаты линейных полков ворвались в город и стали грабить склады и винные погреба. В городе начались побоища.

В это время Наполеон узнал, что Кутузов, обходя Смоленск, грозит отрезать французской армии пути на запад. Пришлось бросить Смоленск и продолжать отступление.

РУССКАЯ АРМИЯ ПРЕСЛЕДУЕТ ВРАГА

Кутузов продолжал свое стремительное параллельное преследование. Он писал царю: «Полагаю нанести величайший вред параллельным движением».

Это означало, что Кутузов вел свою армию дорогами, пролегавшими параллельно Смоленской дороге, по которой отступала армия Наполеона. Русский полководец так распределил и направил свои силы, что с востока французов настигал и атаковал в тыл сильный авангард генерала Милорадовича; северней Смоленской дороги, справа, непрерывно атакуя противника, двигался казачий корпус атамана Матвея Платова. С запада французов встречали партизаны, подрывали на их пути мосты, сжигали склады, атаковали из засад; главные силы Кутузова шли южнее Смоленской дороги, все время угрожали отрезать французской армии пути из России.

Наполеону приходилось спешно, безостановочно отступать, чтобы не попасть с армией в плен.

И днем и ночью не давали врагу ни сна ни отдыха преследующие русские войска.

Еще под Вязьмой авангард Милорадовича отрезал путь корпусу маршала Даву. На его спасение двинулись корпуса Богарне и Понятовского, у которых оказалось больше сил, чем у русских, но Милорадович развернул свои дивизии и под бой барабанов, с распущенными знаменами повел войска в атаку...

Корпус Даву понес большие потери; корпуса Богарне и Понятовского были отброшены, Вязьма — освобождена.

У города Красного, западней Смоленска, корпусам французской армии снова отрезали путь отступления. И один за другим Даву, Богарне и Ней вынуждены были пробиваться сквозь ряды русских войск, через огневой артиллерийский заслон. Здесь Наполеон потерял свои лучшие войска.

Богарне прорвался лишь с тремя тысячами солдат, бросив артиллерию и обозы. Понесла большие потери и Молодая гвардия. Оставив тысячи своих раненых и все пушки, сохранив всего восемьсот солдат, едва спасся от плена маршал Ней, слывший «храбрейшим из храбрых».

Был разгромлен корпус маршала Даву, а сам он бежал, бросив обоз с личными вещами, потеряв маршальский жезл.

К этому времени Наполеону стало известно, что его отдельные корпуса под командованием маршалов Виктора, Ренье, Удино также терпят урон под Витебском, Минском, на Рижском направлении.

Но даже и теперь французский император не хочет признать, что дело его безнадежно. Он едет одетый в соболью шубу, покрытую зеленым бархатом и украшенную золотыми шнурами, в меховой шапке и теплых сапогах. Его окружает императорская гвардия, которая еще сильна.

Ему докладывают, что солдаты дезертируют, и он приказывает беспощадно

расстреливать за малейшую отлучку из части, но ничто не спасает — армия продолжает таять.

Погибает вся кавалерия. Из отдельных всадников Наполеон формирует особый эскадрон, называет его священным, но и это не спасает последних кавалеристов от смерти.

Чтобы показать пример своим маршалам и офицерам, Наполеон выходит из закрытой кареты, идет пешком вместе с гвардейцами, но и этот пример не помогает. Новые удары партизан и казаков, стужа и голод довершают разрушение французской армии.

Наполеон приказывает во всех частях бить в барабаны, собрать всех оставших и разбежавшихся, но никто не собирается. Наоборот, заслышав бой барабанов, дезертиры убегают еще дальше. Тогда по войскам объявляют, что всем солдатам будут выдавать пищу, но мародеров и это уже не манит. Наконец, император решается сжечь все офицерские и генеральские повозки с награбленным имуществом, а лошадей отдать под пушки. Но конидохнут и по всей дороге лежат их трупы, брошенные орудия, ломаные повозки, взорванные зарядные ящики и всюду, всюду мертвые солдаты.

Вьюга наметала над трупами белые холмики снега, и большая Смоленская дорога стала кладбищем армии Наполеона.

Наполеон видит, что спасти положение уже невозможно. Солдаты и даже офицеры бросают оружие; части бросают знамена, и тогда император решается сжечь знамена, из них складывают огромный костер. Знамена, что некогда полки Великой французской армии победоносно пронесли по всем странам Европы, знамена, которые Наполеон собирался поднять над московским Кремлем, теперь кучей тряпья дымят и тлеют среди трупов и обломков оружия на большой дороге, что ведет с запада в Москву.

Но и русским войскам было очень трудно вести преследование.

Они также шли до Смоленска по размытым осенними дождями дорогам, а затем по заснеженным полям.

Убегающие оккупанты сжигали еще уцелевшие деревни, истребляли население, оставляли за собой безлюдную снежную пустыню. По пути не было ни хлеба людям, ни сена коням. Свои военные обозы отставали, не поспевая за стремительно наступающей армией.

Хорошо зная, что испытывает солдат в наступлении, Кутузов отдал приказ: «После таковых чрезвычайных успехов, одерживаемых нами ежедневно и повсюду над неприятелем, остается только быстро его преследовать, и тогда, может быть, земля русская, которую мечтал он поработить, усеется костями его. Итак, мы будем преследовать неутомимо. Настают зима, вьюги и морозы; но вам ли бояться их, дети севера. Железная грудь ваша не страшится ни суровости погод, ни злости врагов; она есть надежная стена отечества, о которую все сокрушается. Вы будете уметь переносить и кратковременные недостатки, если они случатся. Добрые солдаты отличаются твердостью и терпением; старые служащие дадут пример молодым. Пусть всякий помнит Суворова, который научал сносить холод и голод, когда дело шло о победе и славе русского народа. Идем вперед!» После боев под Красным Кутузов подъехал на коне к бивуакам Гвардейского корпуса. За ним конногвардейцы везли отбитые неприятельские знамена.

— Здравствуйте, молодцы семеновцы! — громко сказал Кутузов. — Поздравляю вас с победой. Матвей Иванович Платов доносит, что взято 112 пушек и 15 генералов... Вот и гостинцы вам везу, — указал он на французские знамена, увенчанные орлами: — Эй, кирасиры! — приказал фельдмаршал конвою. — Нагните орлы пониже, пусть кланяются молодцам!

Слова полководца вызвали восторг гвардейцев. Тут же у палатки командира корпуса Кутузов сел пить чай. Конвой спешил и, составив трофейные знамена, образовал шатер над головой главнокомандующего.

Один из офицеров в порыве радости закричал:

— Ура спасителю отечества! — это «ура», повторенное солдатами, прогремело над полками.

Растроганный Кутузов встал на скамейку и закричал:

— Довольно, друзья мои. Эта честь не мне, а русскому солдату. Если по совести разобраться, то теперь не только старый солдат, но и новичок-ратник столько заслужил, что осыпьте их алмазами, они все еще будут недостаточно награждены.

И, бросив вверх свою фуражку, закричал:

— Ура доброму русскому солдату!

И снова могучее «ура» разнеслось над заснеженными полями России.

РАЗГРОМ НА РЕКЕ БЕРЕЗИНЕ

Перед Кутузовым оставалась задача — окончательно разгромить, уничтожить армию Наполеона. Спасаясь от гибели, французский полководец спешил к городу Борисову на реке Березине. Там все решалось. Император понимал, что он должен захватить у города Борисова мосты, перейти на западный берег, взорвать за собой мосты, и тогда преследующая русская армия вынуждена будет остановиться на восточном берегу, а французская армия будет спасена.

Но и русский полководец понимал значение реки Березины. Он предвидел, как поступит Наполеон, знал, что русским войскам нужно его упредить, захватить Борисов, удержать мосты, не пускать противника на западный берег. Тогда французская армия будет прижата к реке на восточном берегу, Наполеон окажется в его, Кутузова, руках.

У Кутузова были возможности осуществить свой план. К нему на помощь подходил с Петербургского направления корпус генерала Витгенштейна, а с Украины к Борисову приближалась армия адмирала Чичагова. С востока на французов наседали авангарды главных сил.

«Все сии силы, — писал Кутузов в Петербург, — непременно должны поражать неприятеля еще до переправы через Березину или, по крайней мере, при переправе».

Он приказал Витгенштейну и Чичагову: «Поспешите к общему содействию, и гибель Наполеона будет неизбежна». Войска Чичагова захватили Борисов, и рубеж реки Березины с ее мостами и бродами оказался в руках у русских.

Не зная этого, Наполеон по-прежнему спешил к Борисову. Желая показать пример войскам, он шел среди солдат, когда ему навстречу подскочил офицер из корпуса маршала Удино и доложил:

— Маршал Удино поручил мне донести, что русская армия пришла к Березине и заняла переправы...

— Этого не может быть! — воскликнул Наполеон.

— Два неприятельских отряда, — продолжал офицер, — заняли мост и перешли уже на левый берег. Лед на реке слаб и переходить по нему невозможно...

— Неправда! — с гневом закричал Наполеон.

— Я исполнил только поручение маршала, — ответил гонец.

Император оперся на палку и со злостью заскрипел зубами.

Положение Наполеона стало безнадежным. И в этот момент его спасли мужество и полководческое дарование, а, главное, бездарность и трусость адмирала Чичагова, нерешительность генерала Витгенштейна. Оба они не сражались с Наполеоном, считали его всемогущим, думали, что силы его огромны, и не решались столкнуться с ним лицом к лицу.

Едва Наполеон приблизился к Борисову, как Чичагов уехал оттуда, бросив даже свой личный экипаж. Французский передовой отряд выбил слабый заслон русских войск из Борисова и захватил мост через Березину.

Но и теперь у Чичагова оставались возможности остановить противника. На западном берегу были сплошные леса с узкими проходами (дефиле), которые легко оборонять, но Чичагов отступил от Борисова к югу.

Наполеон распустил слухи, что будет переправлять свои войска в Борисове и южнее, а сам решил форсировать Березину северней города. По приказу императора, разведчики нашли удобное место для переправы у деревни Студянка, где река была узка, пологие спуски с берегов и леса укрывали войска.

Наполеон сам с большой энергией руководил постройкой мостов. Едва их навели, как первые тысячи французских солдат перешли Березину. Но с каждым часом все ближе и ближе неотвратимо надвигались русские войска. Мчались казачьи полки атамана Платова, партизанские отряды Дениса Давыдова, Сеславина, Фигнера; изо всех сил спешил с авангардом армии генерал

Алексей Ермолов; подошел отряд генерала Властова. Ударами русских войск была разгромлена и сдалась в плен целая французская дивизия генерала Партуно из корпуса маршала Виктора. Эта дивизия должна была удерживать город Борисов до окончания переправы французских войск. Казаки Платова ворвались в Борисов и перешли на западный берег Березины. На войска противника, скопившиеся у переправ на восточном берегу, обрушились русские ядра. По приказу Наполеона уцелевшие части его гвардии двинулись через переправы, сталкивая с них в воду всех, кто им мешал. Император бросил на восточном берегу десятки тысяч своих солдат, всю артиллерию, все обозы, перешел сам Березину и приказал зажечь мосты у Студянки.

Тысячи и тысячи французских солдат, видя приближение русских, бросились к горящим мостам; это было уже не войско, а толпы обезумевших от страха людей. Образовалась давка, сильные сбивали с ног, отбрасывали шты-

ками и топтали раненых и слабых. Многие пытались перебраться вплавь, но тонули или умирали обледенев, не имея сил выбраться на противоположный берег. Тысячи фургонов, экипажей сгрудились у воды небывалым табором. Около 30 000 французских солдат, видя безвыходность положения, подняли руки и сдались в плен русским.

«Главнейшая цель всех наших действий, — как писал Кутузов, — истребление врага до последней черты возможности» была достигнута русскими войсками. Сам Наполеон бежал, с ним спаслись всего 9 000 солдат и офицеров. За Березиной в местечке Сморгонь Наполеон решил покинуть остатки своей армии и уехать в Париж. Маршалы упрекали императора за то, что он оставляет их в трудную пору, но тот возразил, что самое трудное позади, армия все равно погибла, а у него есть дела во Франции. Наполеон переделся в штатскую одежду и под чужим именем в скромном возке ускакал в Варшаву.

Через шесть месяцев после того, как французский полководец мчался по Европе к границам России, приветствуемый королями и министрами, мечта о власти над всем миром, он остановил свой возок у варшавской гостиницы, где его ждал посол Франции в Польше аббат Прадт.

Страшась положения, в котором он очутился, Наполеон спрашивал посла, не узнали ли его на улицах Варшавы; он интересовался, можно ли собрать в ближайшее время 100 000 новых солдат, чтобы возобновить войну с русскими,

но Прадт ответил, что никто в Европе не хочет больше воевать с Россией. А на вопрос Прадта:

— Ваше Величество, где же Великая армия?

Наполеон ответил:

— Великой армии больше нет.

А Кутузов привел русскую армию на Неман и расположил ее на отдых близ города Вильно...

Всего три месяца потребовалось русскому полководцу на то, чтобы сокрушить Наполеона. И теперь, глядя, как ведут последние партии пленных, Кутузов имел право сказать:

— Война закончилась за полным истреблением неприятеля.

Фельдмаршал обратился к армии, солдатам с приказом об окончании войны, в котором были замечательные слова:

— Каждый из Вас есть спаситель Отечества!

РОССИЯ ПРИВЕТСТВУЕТ ВАС СИМ ИМЕНЕМ!

СО Д Е Р Ж А Н И Е

ОПАСНОЕ НАШЕСТВИЕ ВРАГА ГРОЗИЛО НАШЕЙ РОДИНЕ	3
НА ГРАНИЦЕ РОССИИ СОСРЕДОТОЧИЛАСЬ РУССКАЯ АРМИЯ	8
МИХАИЛ БАРКЛАЙ ДЕ ТОЛЛИ	10
ПЕТР ИВАНОВИЧ БАГРАТИОН	12
ПЛАН АЛЕКСАНДРА I И ПЛАН НАПОЛЕОНА	16
ЧТО ОСТАВАЛОСЬ ДЕЛАТЬ ГЕНЕРАЛАМ БАГРАТИОНУ И БАРКЛАЮ?	18
СРАЖЕНИЕ У СМОЛЕНСКА	21
БОЙ В ГОРОДЕ	26
ПОЛКОВОДЕЦ КУТУЗОВ	30
ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА КУТУЗОВА С НАПОЛЕОНОМ	35
ЕСТЬ ПОД МОСКВОЙ БОЛЬШОЕ ПОЛЕ	40
ШЕВАРДИНСКИЙ БОЙ	41
ПОЛКОВОДЦЫ ПЕРЕД БИТВОЙ	46
НОЧЬ НАКАНУНЕ БОРОДИНСКОЙ БИТВЫ	49
ПЕРВЫЕ АТАКИ	54
ОПАСНЫЙ МОМЕНТ СРАЖЕНИЯ	67
ПОБЕДУ В БОЮ ДОБЫВАЮТ СОЛДАТЫ	70
РЕДУТ СМЕРТИ	79
ЧТО ДЕЛАТЬ ПОЛКОВОДЦУ КУТУЗОВУ?	
ЧТО ДЕЛАТЬ ПОЛКОВОДЦУ НАПОЛЕОНУ?	79
НОЧЬ ПОСЛЕ БОРОДИНСКОЙ БИТВЫ	80
КУТУЗОВ НА ПОКЛОННОЙ ГОРЕ	82
ВОЕННЫЙ СОВЕТ В ФИЛЯХ	84
НАПОЛЕОН НА ПОКЛОННОЙ ГОРЕ	88
ПОЖАР МОСКВЫ	89
ТАРУТИНСКИЙ МАНЕВР КУТУЗОВА	93
ПАРТИЗАНЫ НАНОСЯТ УДАРЫ ПО АРМИИ НАПОЛЕОНА	98
НА ПАРТИЗАНСКУЮ ВОЙНУ ПОДНЯЛИСЬ КРЕСТЬЯНЕ	103
НАПОЛЕОН В ЗАПАДНЕ	104
ЛАГЕРЬ РУССКОЙ АРМИИ	105
НАПОЛЕОН ПРОСИТ МИРА	107
НАПОЛЕОН ОСТАВЛЯЕТ МОСКВУ	108
ПАРТИЗАНЫ РАСКРЫЛИ ЗАМЫСЕЛ НАПОЛЕОНА	110
СРАЖЕНИЕ ЗА МАЛОЯРОСЛАВЕЦ	113
БЕГСТВО АРМИИ НАПОЛЕОНА	118
РУССКАЯ АРМИЯ ПРЕСЛЕДУЕТ ВРАГА	121
РАЗГРОМ НА РЕКЕ БЕРЕЗИНЕ	124

Д Л Я М Л А Д Ш Е Г О Ш К О Л Ь Н О Г О В О З Р А С Т А

Михаил Григорьевич Брагин

В Г Р О З Н У Ю П О Р У

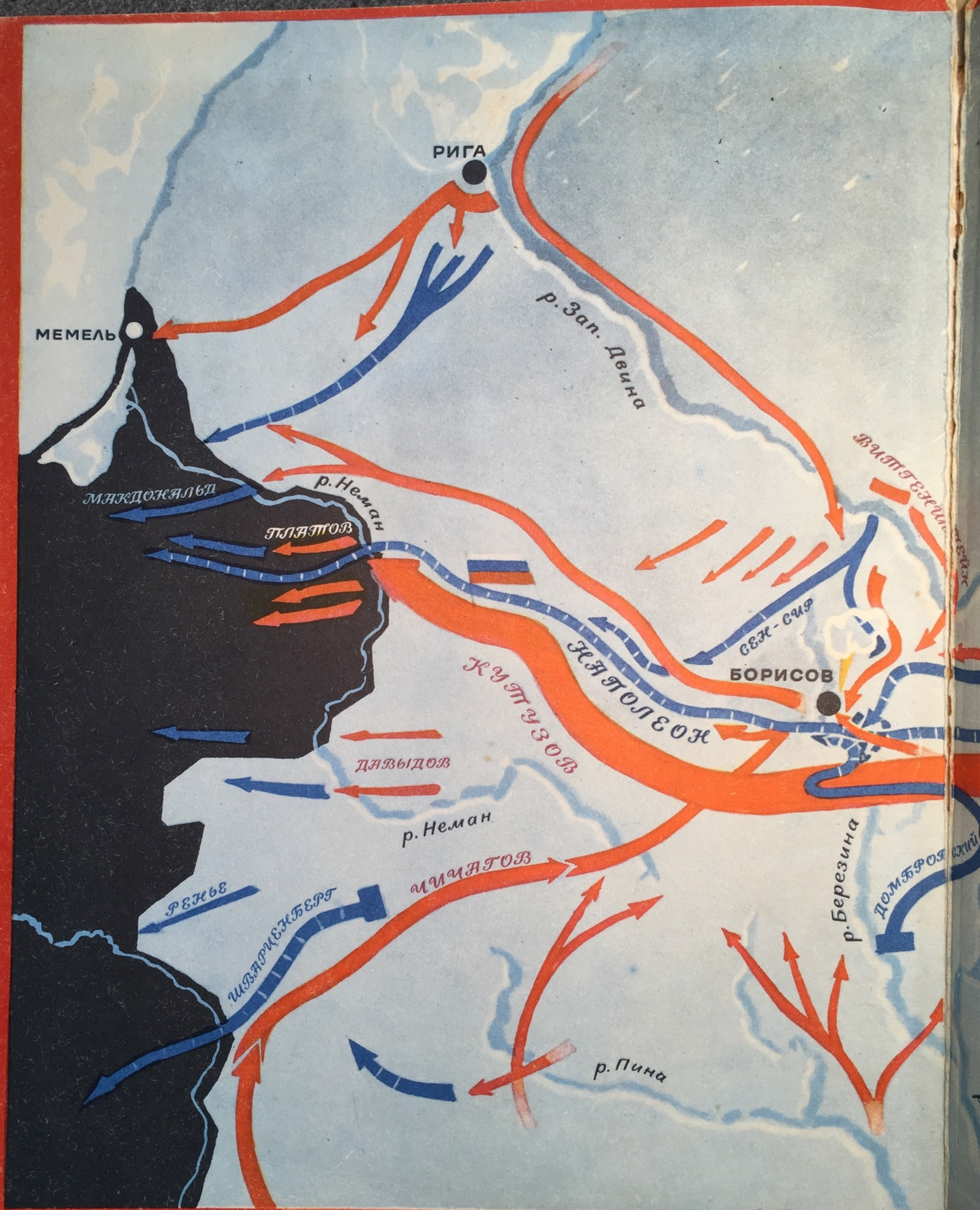
Художник П. Бунин

Редактор И. Гольдфельд. Художественный редактор Ю. Поливанов.
Технический редактор Т. Щептева. Корректоры С. Бланкштейн и Н. Пьянкова.
Подписано в печать 7/II-72 г. Бумага офсетная № 1. Формат 60×90/8. Печ. л. 16,5 + 2 вкладки
(0,5 п. л.). Уч.-изд. л. 20,58. Тираж 150 000. Изд. № 870. Цена 1 р. 78 к. Заказ № 611.

По оригиналам издательства «Малыш» Комитета по печати при Совете Министров РСФСР
Московский комбинат игрушек Главного управления промышленности по производству игрушек
Министерства лёгкой промышленности РСФСР. Москва, А-130, Б. Вокзальная ул., д. 38/2.

Полиграфкомбинат детской литературы Росглавополиграфпрома Комитета по печати при Совете
Министров РСФСР.

Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

ИЗГНАНИЕ НАПОЛЕОНА из РОССИИ

1 р. 78 к.

Auction.ru

государственный аукцион

silks70

silks70

**ВСЕГДА
не верьте
тому что
кажется,
верьте
ТОЛЬКО
доказательствам.**

Чарльз Диккенс. «Большие надежды» 1861 г.